С. З. ЛАКОБА

АБХАЗИЯ

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«МЕЦНИЕРЕБА»

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. Д. И. ГУЛИА

С. З. ЛАКОБА

АБХАЗИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1985

63.3 (2Г—6Абх.)

В книге обобщены и систематизированы ранее опубликованные и новые архивные материалы, достижения советской историографии, связанные с революционным движением в Абхазии в 1905—1907 гг., показана роль партии рабочего класса в борьбе трудящихся, всех демократических слоев населения против самодержавия за социальное и национальное освобождение.

Раскрывается деятельность народных судов, стачечных и крестьянских комитетов, исследуется вопрос о создании красных сотен и народно-революционной милиции. Особое внимание уделено продвижению броненосца «Потемкин» к берегам Абхазии, выступлениям рабочих, крестьян, солдат и казаков, учащейся молодежи, борьбе местных большевиков с представителями других партий, тактике «левого блока», вооружению народа и подготовке к восстанию, бурному революционному движению в Гагре и событиям в Сухуме, установлению своеобразных «республик» в Гудауте и Самурзаканском участке. Освещаются связи большевиков с революционными центрами в Петербурге, Тифлисе, Баку. Кутаисе, Батуме, Новороссийске.

Книга посвящена 80-летию первой русской революции. Она рассчитана на специалистов, студентов, преподавателей, широкий круг пропагандистских кадров.

Редактор — член-корр. АН ГССР Г. А. Дзидзария

0505020000
Л М 607 (06)—85 161—85

©Издательство «Мецниереба», 1985

ВВЕДЕНИЕ

Революция 1905—1907 годов сыграла огромную роль в истории нашей страны и мирового освободительного движения. Она была подготовлена всем ходом социально-экономического и политического развития России, явилась первой народной революцией эпохи империализма, пробудила к политической жизни сознание широчайших масс[1]. «Без «генеральной репетиции» 1905 года, — писал В. И. Ленин, — победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»[2].

Первая русская революция представляла собой новый тип буржуазно-демократической революции. По своему социально-экономическому содержанию она была буржуазно-демократической, а по средствам и формам борьбы — пролетарской. Эти ее особенности вскрыл Ленин, обогативший марксизм разработкой актуальных проблем революционной теории: союза пролетариата с крестьянством, стачечного движения как орудия гегемонии пролетариата, связи всеобщей стачки с вооруженным восстанием, соотношения парламентских и внепарламентских форм борьбы за гегемонию пролетариата, тактики «левого блока», революционно-демократической диктатуры пролетариата и кретьянства, учения о Советах как органах восстания и новой революционной власти, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую[3].

Революция 1905—1907 гг. была вызвана тем, что отжившая политическая надстройка вступила в непримиримые противоречия с объективными потребностями социально-экономического развития. Противоречия были до крайности обострены поражением в войне с Японией, принимали уродливые формы в результате политического, духовного, национального гнета царизма, засилия иностранного капитала и сохранения феодальных пережитков. Возглавляемый большевистской партией рабочий класс выступал в союзе с крестьянством и угнетенными

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд-е 8-е. М., 1978, т. 11, с. 475.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

[3] Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982, с. 49—50.

народами империи против самодержавия. В движение пришли все демократические слои населения. Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма, его наиболее слабым звеном. Сюда переместился центр мирового революционного движения.

Социальный гнет в России тесно переплетался с гнетом национальным, что неизбежно вело к подъему национально-освободительной борьбы. Освобождение трудящихся национальных окраин было неразрывно связано с успехами русской революции. В постановлении ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России» подчеркивается: «В общий поток демократических сил вливалось растущее национально-освободительное движение. Вместе со своими русскими братьями на борьбу против царизма поднялись рабочие и крестьяне Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других национальных районов»[4].

Движение в национальных окраинах империи обогатило революцию 1905—1907 гг. многообразием специфических форм и методов борьбы. Актуальность этого вопроса становится все более очевидной в условиях продолжающейся идеологической борьбы и национально-освободительных движений народов Азии, Африки, Латинской и Центральной Америки.

Следует отметить и то обстоятельство, что первая российская революция не изучалась западными историками вплоть до 50-х годов. Однако с этого времени историографическая ситуация резко изменилась. Выход социализма за рамки одной страны, усиление национально-освободительной борьбы против колониализма — именно эти реальные факторы вынудили «советологов» признать возможность возникновения ситуаций, аналогичных революции 1905—1907 гг. в России, в ряде районов мира[5]. В последнее время все большее внимание буржуазная историография уделяет вопросам революционного движения в национальных районах России. Историки Х. Ситон-Уотсон, Д. Кип, С. Харкейв, Ш. Галай и другие на примерах Украины, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии противопоставляют революционное движение в национальных районах России в 1905—1907 гг. революционному движению в центре страны. По их мнению якобы уже тогда обнаружились два противоположных по характеру и целям движения: классовая борьба, социальная революция в великорусских областях и национальное движение, национальная революция в нерусских[6]. Главная ошибка «советологов» состоит в том, что ими

[4] Правда, 1985, 3 января.

[5] Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, с. 45—46.

[6] Там же, с. 66—67.

на первый план выдвигается не классовый, а национальный признак, на основании которого делается попытка расчленить революцию 1905—1907 гг. По мнению других буржуазных историков Первая революция ничего не дала народам России, оказалась бесцельной и не может служить каким-либо опытом для современных развивающихся стран[7].

Но действительное положение вещей свидетельствует как раз об обратном. В огне первой русской революции ковался союз рабочего класса и крестьянства с трудящимися национальных окраин, крепилось интернациональное единство угнетенных народов страны, шлифовались формы и методы борьбы с царизмом, стратегия и тактика большевистской партии. Выступления трудящихся национальных окраин, в том числе Грузии и Абхазии, являлись составной частью общероссийских революционных битв, важным звеном единого революционного процесса.

В предлагаемой работе обобщаются и систематизируются опубликованные и новые архивные материалы, достижения советской историографии, связанные с революционным движением в Абхазии в1905—1907 гг., показывается роль партии рабочего класса в борьбе трудящихся, всех демократических слоев населения против самодержавия. В исследовании использован многообразный по характеру и содержанию круг источников. Основные документальные материалы извлечены из центральных и местных архивов: Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР), Центрального государственного архива военно-морского флота СССР (ЦГА ВМФ СССР), Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА СССР), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИА Груз. ССР), Центрального государственного архива Абхазской АССР (ЦГА Абх. АССР), а также архивов Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР (ИР), Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (АИЯЛИ) и др. Ценным источником являются неопубликованные воспоминания активных участников революции, в частности, выявленные А. О. Тулумджяном в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС воспоминания Вановского

[7] Минц И. И. Международное значение Первой революции в России.— Сб.: Первая русская революция — генеральная репетиция Великого Октября. Тбилиси, 1977, с. 14.

«Революционное движение в Гаграх в 1905 году»[8], основанные на интересном документальном материале. Всяческого внимания заслуживает и сохранившаяся в семье Вороновых в селе Цебельда обширная переписка 1905—1907 годов.

Сведения отдельных архивных документов подкрепляются в работе материалами периодической печати, в том числе большевистских изданий. Особенно много ценных сведений представлено в батумской газете «Черноморский вестник», в которой постоянно публиковались подробные сообщения о революционных событиях в Абхазии.

Исключительным источником для понимания закономерности движения 1905—1907 гг. являются написанные В. И. Лениным в этот период произведения — своеобразный дневник русской революции, — составляющие восемь томов.

В работе широко использованы сборники документов по истории первой российской революции. Среди них особо следует выделить юбилейную серию в 18 томах «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы» (М., 1955—1965) и сборник документов «Революция 1905—1907 гг. в Грузии» (Тбилиси, 1956), в которых опубликовано значительное число документов, посвященных рабочему, крестьянскому движению, солдатским выступлениям в Абхазии.

В советской историографии нашли достаточно полное отражение все аспекты революционного движения в Закавказье и, в частности, в Грузии, в 1905—1907 гг. В освещении событий первой русской революции в Абхазии большую роль сыграли воспоминания старых большевиков, специальные исследования и некоторые общие работы. Значительный вклад в дело изучения этого периода внесли С. Кухалейшвили, В. Конджария, историки Ф. Махарадзе, Г. Хачапуридзе, Я. Хуцишвили, А. Мелихов, А. Олонецкий, А. Тулумджян, З. Анчабадзе, Г. Дзидзария, О. Жордания, И. Лейберов, Б. Сагария[9] и другие.

---

[8] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 1—60.

[9] Кухалейшвили С. Обзор революционной работы в Абхазии. — Сб.: К истории революционного движения в Абхазии. Сухум, 1922, с. 23—29; Махарадзе Ф. Очерки революционного движения в Закавказье. Тифлис, 1927, с. 189—190; Махарадзе Ф., Хачапуридзе Г. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. Тифлис, 1932; Хуцишвили Я. Вооруженное восстание в Грузии в 1905 году. — Исторические записки. Вып. 49. М., 1954, с. 111—135; Его же. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1955; Хачапуридзе Г. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Тбилиси, 1955; Революция 1905—1907 годов в Грузии. Сборник статей. Под ред. Я. Г. Хуцишвили, Ю. М. Качарава, И. И. Мелкадзе, П. К. Ратиани, А. Н. Сургуладзе. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); Мелихов А. Г. К. Орджоникидзе в Абхазии в 1905 году. — Труды Абхазского государственного музея. Вып 1. Сухуми, 1947, с. 169—204; Олонецкий А. Революция 1905—1907 гг. в Абхазии. — Сб.: Революция 1905—1907 годов в национальных районах России. М., 1949, с. 492—515; Мелихов А. Абхазия в годы первой русской революции. — Сб.: Из истории революционных событий в Абхазии в 1905—1907 гг. Сухуми, 1955, с. 5—93; Олонецкий А. Крестьянское движение в Абхазии в 1905—1907 гг. — Там же, с. 94—117; Тулумджян А. Декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Сочинском округе. — Там же, с. 118—164; Анчабадзе З. Из истории революционного движения в Абхазии в 1905—1907 гг.— Сб.: Революция 1905—1907 годов в Грузии. Тбилиси, 1955, с. 297—312 (на груз. яз.); Конджария В. Мои воспоминания. Сухуми, 1956; Тулумджян А. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905—1907 гг. Сухуми, 1958; Олонецкий А. Революционное движение в Абхазии в 1905—1907 гг. — Очерки истории Абхазской АССР. ч. I, Сухуми, 1960, с. 237—255; Аршба Т. Из истории большевистской печати Абхазии. 1905—1921. Сухуми, 1961; Жордания О. Учащаяся молодежь Абхазии в первой русской революции. — Труды Сухумского гос. пед. ин-та им. А. М. Горького. т. 16. Сухуми, 1963, с. 47—54; Лейберов И. Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1976; 1980; Сагария Б. Большевики Абхазии в годы первой русской революции. Сухуми, 1977; Дзидзария Г. Наш Серго. Сухуми, 1976; Его же. В. И. Ленин и Абхазия. Сухуми, 1977; Его же. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979; Дзидзария Г., Качарава Ю. Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов (XIX—начало XX в.). Тбилиси, 1981; Конджария-Отырба Т. Осененные революцией. Сухуми, 1982 (на абх. яз.); Лакоба С. Сухумский народный суд в 1905 году. — Труды Абхазского гос. музея. Вып V. Сухуми, 1980, с. 32—38; Его же. Революционные выступления воинских частей в Абхазии в 1905 году и влияние на них броненосца «Потемкин» — Мацне, 1982, № 2, с. 74—82; Его же. Жизнь, отданная борьбе. К 100-летию Л. Готошия. — Коммунист Грузии, 1983, № 7, с. 91—94; Его же. В далеком 1905-м... — Литературная Грузия, 1984, № 2, с. 182—189; Его же. Боевики Абхазии в революции 1905—1907 годов. Сухуми, 1984.

* * *

Рабочее, крестьянское, студенческое движение плотным кольцом охватывало всю империю. Выступления гурийских крестьян и бакинская стачка рабочих явились прелюдией первой российской революции. В Грузии складывалась революционная ситуация. Недовольство росло практически во всех слоях населения Абхазии: в среде рабочих, крестьянства (82% всего населения), демократической интеллигенции, части аграрной, торговой буржуазии. Верными самодержавию оставались лишь феодалы-крепостники, высшее духовенство, колониальное чиновничество и крупные торговцы.

В тяжелейшем экономическом и политически бесправном положении находилась масса крестьян-арендаторов, выходцев из районов Западной Грузии, а также из Турции. С 1880 г. продолжало оставаться «виновным» абхазское население[10], что порождало сильное недовольство народа. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. абхазским крестьянам запрещалось селиться ближе, чем за 7 километров от берега моря, проживать в городе Сухуме, местечках Гудаута, Очамчире. Для них отменялись «все личные наделы и личные права на землю»[11].

Колониальный режим нашел свое отражение даже в названии страны, которая была обезличена и прикрыта своеобразной административно-бюрократической маской. Она именовалась не Абхазией, а «Сухумским округом» (с 1883 г.), управление в котором осуществлялось «военно-народными» методами. Царизм откровенно преследовал в Абхазии свои интересы. Так, по инициативе родственника Николая II принца А. П. Ольденбургского местечко Гагры и его окрестности были выделены 25 декабря 1904 г. из состава Сухумского округа (Абхазии) и присоединены к соседней Черноморской губернии[12]. Это была колониальная по своей сути реформа.

Структура административного управления носила ярко выраженный, карательно-полицейский характер. Сухумский округ включал в себя четыре административные единицы: Гудаутский, Гумистинский, Кодорский и Самурзаканский (Гальский) участки, во главе которых находились офицеры царской армии. Чиновничий аппарат опирался на военную силу — солдатско-казачьи части и стражников.

Накануне революции, в Абхазии выпукло проявлялась помимо социального и политика национального угнетения, продолжали сохраняться «временнообязанные» отношения, на плечи трудящихся обрушивался тяжелейший пресс всевозможных государственных налогов и феодальных повинностей, не были проведены в жизнь такие буржуазные реформы как судебная и земская, рабочий класс подвергался беспощадной капиталистической эксплуатации. В крае крепло революционное движение, руководимое Сухумской группой Батумского комитета РСДРП (в 1903 г.), проявлялись отдельные случаи крестьянских выступлений. В Абхазии — национальной окраине России, как и во многих других областях империи, были налицо социально-экономические и политические предпосылки, породившие 1905-й год.

Надвигавшаяся буржуазно-демократическая революция должна была подвести итоги социально-экономического и политического развития пореформенной России, расчистить путь капитализму, ликвидировать остатки феодально-крепостнических пережитков, свергнуть царизм и решить общедемократические задачи. В канун январских событий в Петербурге В. И. Ленин прозорливо заметил: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции»[13].

---

[10] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 24, д. 497, лл. 17—18 и об.

[11] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 19, д. 148, лл. 3—4 и об.

[12] Черноморский вестник, 1905, 12 января.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 159.

ГЛАВА I

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ АБХАЗИИ В НАЧАЛЕ И В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

§ 1. ВЫСТУПЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

Кровавое воскресенье 9 января в Петербурге стало первым днем революции 1905—1907 гг. в России. На следующий день В. И. Ленин писал из Женевы: «К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша... Да здравствует революция! Да здравствует восставший пролетариат![1]». В одном из донесений царской администрации на Кавказе за 1905 год отмечалось: «Начавшееся в декабре минувшего года волнение среди бакинских рабочих стало уже стихать, но под влиянием всеобщих в империи забастовок разгорелось с новою силою, распространилось по всему краю — на Тифлис, Кутаис, Батум, Поти, Сухум»[2].

Революция разрасталась вширь и вглубь, она явилась поворотным пунктом «в истории России»[3], В. И. Ленин стал вести «дневник русской революции»[4]. Своеобразный «дневник» по борьбе с нараставшим движением вели и военно-полицейские власти. В феврале 1905 г. начальник Сухумского округа доносил: «Народные волнения в г. Сухуме, развивающиеся теперь по всему округу, начались с 12-го января и по видимому проходят применительно к местным условиям, по общей программе революционных комитетов... Одновременное с началом беспорядков в Сухуме появление в городе прокламаций тайных комитетов, указывает на несомненное в городе присутствие агентов этих комитетов»[5].

Активную пропагандистскую работу в этот период прово-

[1] Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 9, с. 178.

[2] Начало первой русской революции. Документы и материалы. М., 1955, с. 592.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 207.

[4] Там же, с. 209.

[5] ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, л. 8.

дила Сухумская группа Батумского комитета РСДРП, в которую входило до 300 человек[6]. Она распространяла влияние на рабочих, служащих, ремесленников, сельский пролетариат и батраков, оказывала воздействие на демократическую интеллигенцию. Первый отклик на Кровавое воскресенье имел место в Абхазии 12 января. В этот день близкие по своим воззрениям к социал-демократам юрист Б. Н. Захаров и врач Шишкин организовали вечер революционно настроенной демократической интеллигенции, на котором произносились речи о «равноправии, свободе личности, совести, слова, отсутствии правды..., причем одобрение авторов и ораторов проявлялось «марсельезой». Программу сухумского «банкета», подчеркивала администрация, отличала крайняя «резкость тенденции, даже при современном настроении русской печати и общества», что она «придавала собранию характер явно демонстративный»[7]. Это событие, происшедшее в Сухуме через три дня после расстрела 9 января, оставалось до сих пор вне поля зрения исследователей, которые считали началом революции в Абхазии стачку протеста имевшую якобы место 20 января 1905 г.[8], однако такое мнение не находит документального подтверждения.

Известно, что 22 января среди сухумских рабочих стало замечаться брожение[9]. На следующий день должно было состояться погребение протоирея Д. Мачавариани, связанного «с агитаторами». Начальник Сухумского округа В. Прогульбицкий убедил епископа Арсения перенести похороны из-за предполагавшихся волнений с 23 на 26 января, но отсрочка не спасла положение. Во время отпевания в соборе масса народа потребовала удаления епископа из пределов епархии. В письме обер-прокурору синода Арсений сообщал: «Комитет общества бунтовщиков угрожает лишить меня жизни и дает сроку три дня». Интересно, что глава жандармского ведомства в Абхазии назвал отношение епископа к населению «безпричинно злобным», находя его «пребывание в Сухуме безусловно небезопасным». Организаторы этой первой массовой политической демонстрации в Абхазии, по словам экзарха Грузии, «воспользовались общею смутою в крае, вызванною социал-демократическою пропагандой»[10].

Великий урок 9 января сделал свое дело. Ленин отмечал, что в разразившейся в России гражданской войне «револю-

[6] Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 15.

[7] ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, лл. 8, 4—5 и об.

[8] Мелихов А. Н. Абхазия..., с. 5; Сагария Б. Е. Большевики Абхазии.., с. 21.

[9] Начало первой русской революции, с. 601, 691.

[10] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 186, д. 601, лл. 2, 4—7 и об.

ционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной забитой жизни»[11].

В героическую борьбу с самодержавием вступал небольшой отряд рабочего класса Абхазии, поддерживаемый демократическими слоями общества. Он прошел путь от первой массовой политической демонстрации 26 января до первых вооруженных столкновений с полицией 4 февраля[12]. В этот день многие рабочие были арестованы, а один из них убит помощником пристава Заворотним[13]. В знак протеста в ночь на 6-е февраля «толпа рабочих человек в 500 разбила» камнями дом политического шпиона. Ленинская газета «Вперед», в разделе «Из рабочего движения», по поводу этого события в Абхазии сообщала: «Полиция, преследуемая камнями и выстрелами, спряталась в ресторане, который тоже разнесен. Двух городовых и помощника пристава сильно избили. Явились конные стражники и солдаты, но было уже поздно»[14].

Страсти продолжали накаляться: 7—8 февраля в Сухуме «была полная забастовка», в которой приняли участие городские рабочие, ремесленники, торговцы, извозчики, приказчики[15]. В телеграмме министру внутренних дел от 9 февраля говорилось: «Забастовщики требуют освобождения арестованных за прежние беспорядки». Указывалось, что «приняты меры к охране казначейства, почты, оружейных магазинов и сосредоточению стражи»[16].

По требованию бастующих тело убитого в столкновении с полицией рабочего Г. Хинтибидзе было выдано для переосвидетельствования. Во время похорон 8 февраля на кладбище собралось до двух тысяч человек. Причем «бывший поднадзорный» Б. Захаров, бухгалтер лесопромышленной конторы Максимова М. Кнышенко, врачи Шишкин и Махвиладзе «явились открытыми выразителями сочувствия незаконным требованиям толпы и участниками крайне демонстративной сходки... у могилы убитого, где читались и говорились крайние противоправительственные речи и разбрасывались революционные прокламации»[17]. Особенно выделялся революционер-демократ Б. Захаров, принявший «самое активное участие в противоправительственных манифестациях» в качестве «депутата от толпы»[18]. По наблюдениям жандармского полковника Зубова,

11 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201—202.
12 ЦГАОР СССР , ф. 102, 1905, 7 д-во, д. 914, лл. 1—2.
13 Тифлисский листок, 1905, 16 февраля.
14 Вперед, 1905, 8 марта.
15 ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, лл. 8, 11 и об.
16 Начало первой русской революции, с. 587.
17 ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, лл. 8. 11 и об.
18 Там же, ф. 114, оп. 2, д. 136, лл. 4, 6 и об.

все эти лица и старший врач Сухумского полка Марецкий имели «связь с Центральным и Батумским комитетами»[19].

На события Кровавого воскресенья откликнулась и учащаяся молодежь Абхазии. В конце января 1905 г. в Сухуме в городском и реальном училищах возникли революционные ученические организации во главе с И. Кортава, И. Вардания, К. Джанджгава, С. Каландадзе, И. Эмухвари и другими, работавшие под руководством Сухумской группы Батумского комитета РСДРП[20]. Пристального внимания в этой связи заслуживает следующий факт. Начальник округа получил 15 февраля пакет. « В письме оказался небольшой портрет царя, на лице капли крови, грудь и шея разорваны пером, — говорится в документе. — На обороте портрета была надпись: «Долой самодержавие!» При этом приложен был лист бумаги с выражением протеста против самодержавной власти в России. Затем следовала такая надпись: «С подлинным верно. Ученики Сухумского городского училища»[21].

Под влиянием стачек рабочих, ученический комитет стал вести в эти дни подготовку к проведению своей первой забастовки.

Открытые революционные выступления в Сухуме оказали воздействие на рабочих близлежащего Кодорского лесозавода, где действовала сильная социал-демократическая организация. Трудящиеся бастовали здесь с 9 по 21 февраля[22]. Это была самая длительная забастовка в Абхазии, в которой приняли участие около 400 рабочих. Начальник округа сообщал, что стачка «имеет связь с общим туземным движением». Рабочие выдвинули общероссийские политические требования, а 19 февраля отпраздновали «день освобождения крестьян»[23]. А. Н. Мелихов отмечал: «В документах указывается, что рабочие не предъявили никаких экономических требований...»[24]. Однако документы опровергают это мнение: наряду с политическими, забастовщики выдвинули целый ряд экономических требований (повышение заработной платы, улучшение квартирных условий, бесплатное лечение, выдача денежного пособия в связи с болезнью, 8-часовой рабочий день и др.), которые были в основном удовлетворены администрацией[25].

Пролетарская стачка представляла «главное средство рас-

19 Там же, ф. 12, оп. 16, д. 267, л. 9 и об.
20 Жордания О. К. Учащаяся молодежь Абхазии.., с. 47.
21 ЦГА Абх. АССР, ф. 19, д. 29, л. 178.
22 Начало первой русской революции, с. 742, 848.
23 Там же, с. 589.
24 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 7—8.
25 Начало первой русской революции, с. 588—590.

качивания масс»[26], стала ведущей формой борьбы, сливалась с массовыми политическими демонстрациями. Под влиянием статечного движения, в разных уголках империи, в том числе и в Абхазии, революционеры все чаще прибегали к вооруженным нападениям на представителей высшей административной власти, шпионов, разоружали стражнические посты. Как только закончилась забастовка рабочих на Кодоре, газета «Кавказ» сообщила, что близ Гудаут убит полицейский стражник Тристинецкий. Далее говорилось: «Открыть теперь какое-либо преступление стало затруднительно в виду того, что местное население индефферентно относится ко всему, что происходит у него на глазах, а это, конечно, ведет к поощрению совершения разных преступных деяний»[27]. Спустя несколько дней, утром 24 февраля (а не 20-го, как пишет А. Н. Мелихов[28]) в Сухуме было совершено покушение на начальника округа Прогульбицкого, окончившееся неудачно[29]. Тогда же город облетела весть о вооруженном налете на квартиру товарища прокурора Кутаисского окружного суда Оссовского, а 26 февраля в Очамчире был убит по политическим мотивам учитель Б. Хорава, оказавшийся агентом полиции[30]. В своем рапорте от 3 марта 1905 г. Прогульбицкий отмечал, что «соединившиеся воедино агитаторы решили добиться смуты путем террора» и «поднять массовое народное движение»[31].

В этот период В. И. Ленин выдвинул лозунг о боевом единении социал-демократической партии со всеми революционными элементами демократии, в том числе и эсерами, которое было необходимо в эпоху падения самодержавия[32]. Большевистские организации Грузии использовали недовольство оппозиционных элементов в борьбе с царизмом, успешно осуществляли на практике ленинскую тактику «левого блока», тактику политических компромиссов[33]. Вместе с тем они вели непримиримую идейную борьбу против мелкобуржуазных партий и групп.

В самом начале 1905 г. в статье «О боевом соглашении для восстания» В. И. Ленин заострял внимание: «Было бы желательно с нашей точки зрения, чтобы это соглашение охватывало

---

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 311.

[27] Кавказ, 1905, 21 февраля.

[28] Мелихов А. Н. Абхазия в годы..., с. 7.

[29] ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, л .31.

[30] Кавказ, 1905, 1 марта, 3 марта; Вперед, 1905, 30 марта.

[31] ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, л. 34 и об.

[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 276; т. 21, с. 89.

[33] Ахобадзе Э. А. История борьбы в защиту ленинской национальной программы в Грузии (1900—1917 гг.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966, с 21—22.

не только социалистические, но и революционные партии, ибо в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического, и мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями социалистической революции»[34].

Следуя «левоблокистской» тактике, большевики Сухумской группы Батумского комитета РСДРП уже в первые месяцы революции заключали временные боевые союзы с представителями партий социалистов-федералистов и эсеров, а также не отказывались от поддержки буржуазии в борьбе против царизма. Вместе с тем во всех полицейских документах единодушно отмечалось, что ведущее положение в Абхазии занимали социал-демократы. Об этом, в частности, свидетельствуют события происшедшие в начале марта, в которых активнейшее участие приняли большевики Л. И. Готошия и С. И. Кухалейшвили, арестованные 7 марта за революционную агитацию среди рабочих и крестьян[35]. В этот день за городом происходила сходка рабочих, предполагавших организовать в Сухуме в ближайшее время мощную политическую демонстрацию. Внезапный налет полиции и арест пропагандистов ускорили события. С требованием об их освобождении к Сухуму двинулась 10-тысячная колонна трудящихся: рабочие Кодорского лесозавода, абхазские крестьяне, жители сел Варча, Дранда, Бабушера, Мерхеул. Однако высланная навстречу «рота пехоты не допустила толпу в город»[36]. Первое совместное выступление рабочих и крестьян Абхазии (8 марта) напугало власти, показало насколько опасен интернациональный союз трудящихся.

К политической демонстрации примкнула 8 марта и учащаяся молодежь города. Здесь еще с конца февраля учащиеся активно вели подготовку к революционному выступлению. В протоколе заседания педсовета городского училища от 5 марта говорилось: «В виду неспокойного состояния туземного населения в 20-х числах февраля, именно в то время, когда совету стало известно о заговоре, педагогический совет училища не подверг этих учеников исключению тогда же, а решил подождать исключать их...»[37]. В тот же день один из наиболее активных «заговорщиков» И. Кортава был исключен из училища. Однако такая мера взвинтила недовольство. В знак протеста, 6 марта, из учительской комнаты был украден и уничтожен М. Кухалейшвили портрет Николая II. Учащиеся объявили забастовку, разгромили городское и реальное училища,

---

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 280.

[35] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 7 д-во, д. 1183, лл. 1, 3, 4—6.

[36] См.: Лакоба С. З. Боевики Абхазии.., с. 9—10, 14—16.

[37] Жордания О. К. Учащаяся молодежь Абхазии..., с. 48.

организовали первую открытую политическую демонстрацию с красным флагом, выпустили прокламацию с требованиями в духе социал-демократической программы[38]. Учащиеся добивались отмены обязательного посещения церкви, разрешения на бесплатное обучение, предоставления права присутствовать на заседаниях общественных учреждений, а также удаления «некоторых учителей за грубое обращение с учениками и узкий национализм»[39]. Тогда же, 8 марта, были исключены «с последствиями» 18 учеников. Однако такое решение властей оказалось поспешным и вызвало новую волну недовольства — учащихся поддержали городские рабочие, приказчики, ремесленники, представители демократической интеллигенции. Занятия были прерваны. Специальная комиссия, «считаясь с тревожным временем, смутным настроением населения», сочла необходимым восстановить 18 учеников и ранее исключенного И. Кортава[40].

Но училищный совет медлил. В телеграмме от 14 марта сообщалось, что «волнение в городе угрожающее», а «полиция бессильна»[41]. Опасаясь всеобщей забастовки, власти вынуждены были восстановить учащихся. Это была первая победа бастовавших учеников. Лишь 15 марта под надзором городовых и стражи возобновились занятия в городском и реальном училищах.

Обстановка в столице округа становилась взрывоопасной: забастовки сменялись демонстрациями, вооруженными столкновениями рабочих с полицией, нападением революционеров-боевиков на представителей власти. Днем 17 марта на начальника округа Прогульбицкого было произведено вторичное покушение[42]. Трудящиеся Сухума предприняли 20 марта первую попытку создания Народного суда, выразив тем самым недоверие администрации, полиции и коронному суду. У гостиницы «Трансвааль» собралось более двух тысяч человек, которые выбрали из своей среды народных судей, а затем «прогнали сквозь строй» осужденных ими порочных членов общества. Автор репортажа в «Черноморском вестнике» писал по этому поводу: «Ничего подобного мне не приводилось видеть ни здесь, в Закавказье, ни в России»[43]. Однако в этот период народные суды уже действовали в Гурии. Интересно отметить, что еще 6 февраля в заседании Сухумского общества сельского хозяйства (СОСХ) крыло его демократической интеллигенции, высказалось в поддержку революционных преобразований в

[38] ЦГА Абх. АССР, ф. 19, д. 21, лл. 105—107 и об.; д. 29, л. 180.
[39] Черноморский вестник, 1905, 12 марта, 16 марта.
[40] ЦГА Абх. АССР, ф. 19, д. 29, л. 7 и об.
[41] Черноморский вестник, 1905, 19 марта .
[42] Там же, 22 марта.
[43] Черноморский вестник, 1905, 23 марта.

Гурии и опубликовало это мнение в печатном органе СОСХ «Черноморское сельское хозяйство». Б. Захаров, М. Кнышенко, П. Добрынин, Ю. Воронов, В. Маркович и др. отмечали: «Условия местной жизни таковы, что неудивительно, если в некоторых частях Кавказа, напр. Гурии, население доведенное до отчаяния своим полным бесправием, решило само образовать местное управление... Движение это обнаруживает коренящееся в населении глубокое неудовольствие существующим правопорядком, которое давно уже таилось в нем и не высказывалось так явно лишь благодаря исключительным мероприятиям правящей бюрократии... Дальнейшее поддержание такого порядка грозит событиями чрезвычайной важности»[44].

За две недели до второго неудачного покушения на Прогульбицкого, последний ходатайствовал перед кавказским начальством о введении усиленной охраны в Сухуме, о командировании войсковых частей в распоряжение окружной администрации[45] и т. д. Для содействия властям в борьбе с революционным движением, 24 марта в Сухум на пароходе «Одесса» прибыл эшелон 5 и 6 сотен 2-го Лабинского полка. В знак протеста фелюжники отказались производить выгрузку казаков с парохода и объявили забастовку. Только благодаря штрейкбрехерам кубанские сотники были доставлены на берег[46].

Когда казаки еще были в пути, и. о. главноначальствующего на Кавказе 23 марта сообщал министру внутренних дел: «В виду обострившегося среди населения Сухумского округа мятежного движения и целого ряда беспорядков и преступлений, мною одновременно с сим разрешено начальнику Сухумского округа командировать в Гудаутский участок..., — где в особенности проявляются массовые бесчинства и производится разгром дач, — в дополнение к отправленным уже туда двум ротам пехоты, один взвод казаков из числа вызванных с Северного Кавказа для содействия местной гражданской администрации, с отнесением на счет виновного населения полного, в виду экзекуции, содержания как этих войсковых частей, так и других, какие по обстоятельствам окажется необходимым командировать, в те или иные части округа. Вместе с тем я предоставил начальнику Сухумского округа право взыскивать с подлежащих сельских обществ, при содействии войск, все убытки, причиненные действиями жителей этих обществ»[47].

[44] Черноморское сельское хозяйство (Новороссийск), 1905. № 5, с. 249—250.
[45] ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, л. 32 и об.
[46] Там же, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 117 и об.; ф. 13, оп. 26, д. 8, лл. 98—99; Окраины России, 1909, № 23.
[47] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 3 д-во, д. 1—22—Б, л. 35.

Оперативные правительственные меры были вызваны прежде всего страхом властей перед возможным массовым выступлением «виновного» абхазского населения. По отзыву начальника округа от 3 марта «преступная агитация» вступила «в фазу боевых террористических действий», оказывая политическое влияние на коренное абхазское население, которое, несмотря на последствия «волнений 1866 и 1877 гг., — едва ли останется равнодушным к успеху террористических стремлений агитации»[48].

Прогульбицкий оказался прав. Аграрные выступления начались в Гудаутском участке в начале марта 1905 г., когда вооруженные крестьяне села Лыхны напали на дачи, требуя удаления русских землевладельцев с их общинной земли[49]. Отмечалось также, что гудаутские «абхазы отказались платить поземельный и земский сборы»[50]. В прокламации Кавказского союза РСДРП, выпущенной 23 марта 1905 г., говорилось: «Посмотрите на русские губернии, взгляните на волнующуюся Гурию, Мингрелию, Имеретию, Абхазию, Аджаро-Кобулеты, Карталинию и Кахетию — и вы увидите, что крестьянство готово следовать за идущим впереди рабочим народом»[51].

Волнениями были охвачены не только села, но и само местечко Гудауты, где, одновременно с событиями в сухумских училищах, ученики двухклассной школы разорвали 13 марта портрет Николая II[52], выбили в здании стекла и разгромили квартиры некоторых реакционных учителей. Как выяснилось, организатором школьных выступлений был сын революционно настроенного следователя В. Резникова, исключенный в свое время из Кутаисской гимназии за аналогичные действия[53]. Спустя несколько дней в Гудауте в помощника начальника Сухумского округа Зенченко «были произведены выстрелы в то время, когда он со стражей приблизился к одному из домов для ареста»[54]. С целью водворения порядка, на рассвете 19 марта в беспокойный Гудаутский участок, в село Лыхны — традиционный центр народных восстаний, отправилась рота 258 Сухумского полка. «Это уже вторая рота, — писала газета, — отправленная в Гудауты, где, по слухам, не совсем спокойно». Перед отправлением роты солдат из Сухума, революционеры напали на пост у порохового погреба полка, пытаясь его уничтожить[55].

Характеризуя обстановку в стране после 9 января, В. И. Ленин писал: «За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет. Рига, Польша, Одесса, Кавказ стали по очереди очагами восстания, которое росло в ширину и в глубину с каждым месяцем, с каждой неделей»[56]. Все более решительным становилось революционное движение в Абхазии, увлекая за собой рабочих, крестьян, все демократические силы. Расширялась и география событий. Вслед за выступлениями в Гудауте, «большая толпа народа» остановила 13 марта в Очамчире полицейского стражника, который конвоировал в Сухумскую тюрьму арестованного и «силою отбила» его[57]. Через некоторое время, 24 марта, здесь же было подожжено местечковое полицейское управление, сгоревшее со всеми делами. Население отказалось от уплаты платежей, всевозможных налогов, требовало ликвидировать полицию. Отмечалось, что движение это переходит на прилегающие сельские общины Кодорского и Самурзаканского участков[58]. Спустя два дня, 26 марта, крестьяне села Гульрипш Гумистинского участка сожгли свое сельское управление[59].

Чтобы противостоять распространению революции, 27 марта в Гудауту и Очамчиру были срочно командированы только что прибывшие казачьи части[60]. Около ста казаков остались нести охранную службу в столице округа, где с 24 марта по 5 апреля продолжалась общая политическая забастовка[61] приказчиков, фелюжников, извозчиков, чувячников, а 2 апреля к ним присоединились повара и лакеи гостиниц и ресторанов[62]. К забастовавшим примкнули 28 марта и учащиеся, которые протестуя против прибытия казачьих сотен, разгромили Сухумское реальное училище. Демонстранты были рассеяны прибывшими на место происшествия чинами полиции, конными стражниками и казаками[63].

В городе, местечках и селах Абхазии трудящиеся отказывались признавать представителей власти, бойкотировали

---

48 ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 16, д. 267, л. 34 и об.

49 Черноморский Вестник, 1905, 12 марта

50 Там же, 1905, 2 апреля.

51 Прокламации большевистских организаций Закавказья 1904—1906 гг. Тбилиси, 1940,с. 110—111.

52 ЦГАОР СССР, ф. 102. 1905, 7 д-во, д. 1537, л. 1; Черноморский вестник, 1905, 29 марта.

53 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 29 и об.

54 Черноморский вестник, 1905, 3 апреля.

55 Там же, 1905, 22 марта.

56 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 313.

57 ЦГАОР СССР, ф. 124, 1905, оп. 43, д. 1401, лл. 1—2.

58 Черноморский вестник, 1905, 8 апреля.

59 Шахназарян М. М. Крестьянское движение в Грузии и социал-демократия. М., 1906, с. 71.

60 Черноморский вестник, 1905, 30 марта.

61 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 26, д. 8, лл. 99.

62 Черноморский вестник, 1905, 8 апреля.

63 Там же, 1905, 3 апреля.

правительственные учреждения, оказывали вооруженное сопротивление воинским формированиям и полиции. Так, 3 апреля волнения начались в Самурзаканском участке, где крестьяне вступили в перестрелку с отрядом стражников, а 5 апреля близ Очамчир произошло вооруженное столкновение народа с казаками, в результате чего два человека были убиты и трое ранены[64]. В ответ на эту безжалостную расправу абхазские крестьяне созвали в селе Моква Кодорского участка многотысячный сход жителей всей восточной Абхазии. Газета «Цнобис пурцели» отмечала, что «дворяне покинули собрание и собрали свое совещание отдельно», а «крестьянство в один голос решило присоединиться к искателям» справедливости[65]. Аграрные выступления имели место и близ Гагр. В одном из донесений принцу Ольденбургскому сообщалось, что вечером 10 апреля абхазцы села Калдахвара произвели вооруженное нападение на имение «Отрадное» и вступили в перестрелку с казаками и стражниками[66].

В это время ленинская газета «Вперед» писала: «В Имеретии, Мингрелии и Абхазии крестьяне запасаются оружием. Почти повсеместно приходится удерживать народ от открытого нападения на войска. В селах еженедельно происходят собрания. Полиция бессильна»[67].

Движение рабочих, крестьян и учащихся поддержала демократическая интеллигенция Абхазии. Наиболее передовая часть СОСХ выступала за развитие революции. В докладе членов Общества Николаю II от 3 апреля подчеркивалось, что «средством для восстановления нормального хода жизни должно быть коренное преобразование государственного строя»[68]. Этот проект изменения государственного строя с требованием немедленного созыва учредительного собрания на началах всеобщего, равного избирательного права с тайной подачей голосов[69] публично обсуждался при стечении народа. По распоряжению начальника округа полицейский пристав Скориков потребовал прекратить заседание. Власти были напуганы тем, что СОСХ не ограничилось вопросом о земстве[70], а пошло гораздо дальше и выступило с революционными требованиями.

Таким образом, за период с 12 января по 10 апреля 1905 г., в Абхазии, по неполным данным, произошло свыше 30 разнохарактерных выступлений трудящихся, в которых приняло

---

64 Кавказ, 1905, 8 апреля.
65 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 12.
66 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874[3], л. 250 и об.
67 Вперед, 1905, 12 апреля.
68 Черноморское сельское хозяйство, 1905, № 6—7, с. 304—305.
69 Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, с. 245.
70 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 32.

участие до 30 тыс. человек, или более четверти всего населения Сухумского округа (113 тыс. жителей[71]). Здесь в первые три месяца революции состоялось 11 забастовок, манифестаций, митингов с участием рабочих, служащих, демократической интеллигенции, учащейся молодежи, продолжавшихся в общей сложности 41 день, то есть почти полтора месяца. Они оказали решающее воздействие на аграрные выступления и организацию многолюдных сходов на селе, которых было шесть. Показательно, что в начале марта в Абхазии имело место первое совместное выступление рабочих и крестьян под руководством большевиков. Открытых вооруженных столкновений трудящихся с полицией и казаками было три. Кроме того, совершены семь вооруженных нападений на чинов местной военно-полицейской власти, а также поджог полицейского управления и попытка взорвать пороховой военный склад.

Как видно, уже на первом этапе движение приобрело здесь довольно яркие политические черты, выливалось из стихийного в организованное, сознательное, вовлекало в борьбу с самодержавием представителей практически всех слоев населения. «Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, — отмечал В. И. Ленин, — чем десятилетия политического застоя»[72]. Этот вывод как нельзя лучше характеризует положение, сложившееся в Абхазии в начальный период революции.

§ 2. III СЪЕЗД РСДРП И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АБХАЗИИ

«Несомненно, — писал В. И. Ленин. — что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию?»[1]. Этому, самому главному вопросу первой российской революции и был посвящен III съезд РСДРП, проходивший в Лондоне в апреле 1905 года. Большевики выработали на съезде специальные резолюции о подготовке вооруженного восстания, временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению, другим партиям и т. д. В отличие от меньшевиков, собравшихся на свою конференцию в Женеве, ленинцы считали, что в новых исторических условиях, в эпоху империализма, не буржуазия, а пролетариат является гегемоном, передовым борцом за демокра-

---

71 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13,оп. 15, д. 359, л. 18.
72 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 339—340.
1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. II, с. 4.

тию в России, выступали за союз рабочего класса с крестьянством, политической формой которого должна была стать революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства — высший тип буржуазной демократии, открытый В. И. Лениным.

В вышедшей после съезда работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин теоретически обосновал стратегию и тактику большевистской партии в революции, творчески подметил ее движущие силы, характер и особенности в России, разработал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Интересно отметить, что на III съезде 8 из 24 решающих голосов, то есть треть, принадлежали Кавказскому союзу РСДРП. Такое внушительное представительство было прежде всего продиктовано исключительными заслугами закавказских большевиков в начавшейся революции. Поэтому не случайно съезд открыл М. Г. Цхакая (Барсов). С теоретическим докладом «О поддержке крестьянского движения» выступил на форуме В. И. Ленин, а с практическим опытом партии в этом вопросе поделился М. Цкакая — «прекрасно знакомый с самым передовым крестьянским движением — в Гурии»[2]. Он рассказал о революционных выступлениях крестьян Кутаисской губернии, о росте их сознательности, организованности под влиянием политической агитации пролетарской партии[3]. И хотя М. Цхакая не касался событий в Сухумском округе, характеристика, данная им на съезде движению в Западной Грузии, была близка к ситуации, которая складывалась в Абхазии.

III съезд принял 26 апреля, написанную В. И. Лениным, резолюцию «По поводу событий на Кавказе», в которой подчеркивалось, что «революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия». В ней также говорилось: «III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами»[4].

Большевики Абхазии одобрили решения съезда[5]. Однако в их работе по претворению в жизнь основных положений съезда существовал ряд трудностей. Одна из них, как верно заметил А. Н. Мелихов, состояла в том, что в Сухумской группе Батумского комитета РСДРП в период революции 1905—1907 гг. большевики и меньшевики организационно не размежевались[6], хотя между ними и не было уже политического единства. Вместе с тем большевистские установки пользовались огромной популярностью среди рабочих, крестьян, демократической интеллигенции, что позволило Сухумской организации РСДРП вырасти количественно и занять ведущее положение в борьбе за уничтожение самодержавного строя. Действовавшие в Абхазии социалисты-федералисты, эсеры, гнчакисты и дашнаки не пользовались поддержкой широких народных масс и значительно уступали популярности социал-демократов[7]. Об этом свидетельствует ряд официальных документов. В одном из них отмечалось: «Выдающееся положение в Сухуме заняла организация, присвоившая себе название «Сухумской группы Батумского комитета Российской социал-демократической рабочей партии». С этой организацией, в виду ее значения в жизни Сухума, по признанию сухумского полицмейстера Набибекова, приходилось считаться властям»[8].

Под руководством социал-демократов в первый день «пасхи», 17 апреля, рабочие, служащие, приказчики, мелкие торговцы, учащиеся учинили, по выражению местной администрации, «бунт» — мощную демонстрацию во время богослужения в Сухумском кафедральном соборе. Власти спешно двинули к собору две роты солдат, казаков и стражников[9], которые стали разгонять демонстрантов. Около двух месяцев в Сухумской тюрьме содержались два приказчика, заключенные «по подозрению в «истории» у кафедрального собора и в забастовках»[10]. Неспокойно в эти дни было и у церкви сухумского полка, которую охраняла рота из «надежных» солдат[11]. Администрация опасалась солдатского выступления. 17 апреля революционно настроенный рядовой полка И. Модебадзе выстрелом из винтовки убил полицейского Куцевалова[12].

---

2 Там же, т. 10, с. 151.

3 Революционная борьба крестьянства Грузии в 1905 году. Материалы III съезда РСДРП и корреспонденции из большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». М., 1935, с. 17—28.

4 Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 457—458.

5 Эсаиашвили В. Г. В. И. Ленин и Грузия. Тбилиси, 1970, с. 45.

6 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 15.

7 Там же, с. 16.

8 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 1097, л. 4 и об.

9 Черноморский вестник, 1905, 22 апреля.

10 Там же, 1905, 20 июня.

11 Там же, 22 апреля.

12 ЦГИА СССР, ф. 1308. оп. 1, д. 14650, лл. 1—7 и об.

В мае 1905 г. волна стачечного движения поднялась в России на новый, более высокий уровень. Трудящиеся Абхазии все чаще прибегали к решительным методам борьбы. Так, 9 мая в Сухуме подвергся обстрелу разъед казаков[13]. Почти тогда же сильно сократил производство Кодорский лесозавод[14], что было вызвано не столько экономическими трудностями, сколько политическими соображениями. Значительная часть рабочих-революционеров вынуждена была оставить предприятие и уйти в Сухум в поисках работы. В знак протеста Сухумская организация РСДРП призвала трудящихся к всеобщей забастовке, которая вспыхнула 24 мая[15]. Были закрыты все торговые и промышленные заведения, гостиницы, вместе с ремесленниками, рабочими, фелюжниками, извозчиками, приказчиками бастовали арендаторы земли на бывшей городской Матросской слободе. Они отказались платить за землю и были насильно выселены. Власти явно провоцировали трудящихся, намереваясь учинить погром. Вечером 24 мая был пущен слух, что бастующие «разгромят полицию и управу». Наутро, 25 мая, охрану в городе усилили дополнительными нарядами полиции и казаков[16]. В этот день, считавшийся по случаю рождения императрицы Александры Феодоровны праздничным, за городом состоялась внушительная демонстрация. На ее участников обрушились пьяные матросы с транспорта «Казбек» и стали избивать собравшихся. Вместе с казаками и стражниками они громили расположенные рядом дома и торговые заведения, подвергали демонстрантов и случайных прохожих издевательствам и побоям. Об итогах погрома в телеграмме наместнику на Кавказе сообщалось: «Тяжело раненых огнестрельным оружием трое, раненых холодным оружием, избитых прикладами, камнями и нагайками с нанесением тяжелых увечий несколько десятков человек»[17].

Однако провокационные действия администрации привели к тому, что всеобщая забастовка в городе стала перерастать в отдельные вооруженные стычки трудящихся с полицией и казаками[18]. Лишь вечером 27 мая стачка организованно прекратилась. В газете отмечалось, что «жизнь в Сухуме вошла в обычную колею» и что «вечерами по городу ходят усиленные казачьи разъезды»[19]. По поводу майских событий жандармский ротмистр доносил: «В г. Сухуме происходил массовый разброс революционных воззваний.., всеобщая забастовка и уличные беспорядки, которые пришлось подавлять вооруженной силой»[20].

---

[13] Черноморский вестник, 1905, 14 мая.
[14] Там же, 18 мая.
[15] Там же, 28 мая.
[16] Там же, 4 июня.
[17] Там же, 1905, 1 июня.
[18] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 7 д-во, д. 2962, л. 1.
[19] Черноморский вестник, 1905, 1 июня.

Не случайно В. И. Ленин выделял три этапа стачечной борьбы в бурном 1905 году, а именно, январь, май и октябрь[21]. Майское движение оказалось предтечей массовых октябрьских стачек. Абхазия шла в ногу со стремительным политическим развитием в стране. Весной—летом оживила свою работу Сухумская организация РСДРП, которая поддерживала тесную связь с гагрскими и самурзаканскими социал-демократами. «Революционное движение в Гаграх, — отмечал заведующий полицией в Гагре капитан Неволя, — началось после таких же движений в Батуме и Сухуме. Сперва Гагры и Гагринский район засыпаны были массой прокламаций, которые легко было разбросать в виду того, что между служащими климатической станции, а равно и между жителями было много революционеров. Прокламации проникли даже и в войска»[22].

Местечко Гагры («Гагринская климатическая станция»), хотя и было накануне революции административно выделено из Сухумского округа и присоединено к Черноморской губернии, продолжало оставаться тесно связанным с Абхазией. Деятельность Гагрской организации РСДРП носила крайне революционный характер. В полицейском документе говорилось, что «противоправительственное движение в Гаграх стало обнаруживаться с марта» 1905 г., причем возглавили его топограф Иосиф Маурашвили и кассир станции Илья Чичкан. Здесь же особо отмечалось: «Программа их была социал-демократическая, так называемая «большевиков»[23]. Гагры «представляли собой революционный очаг», где «революционная организация распространила всестороннее свое влияние и регулировала течение жизни Гагр так, как находила это нужным»[24]. В марте-апреле на станции интенсивно распространялась нелегальная литература, устраивались в ночное время сходки. На одной из них «была учреждена тайная касса для целей этой партии»[25], а также — «тайные должности, десятских, сотских и тысяцких». Деньги в кассу собирались «на покупку оружия, на содержание милиции». На собраниях высказывалась мысль «о необходимости удаления из Гагр на-

---

[20] АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64. л. 71.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 405.
[22] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874, л. 95.
[23] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 25 об.
[24] Там же, д. 766, лл. 17, 5, 153 и об.
[25] Там же, д. 216[4], л. 25 об.

чальника Климатической станции Шереметьевского, как вредного для партии человека»[26].

Активную позицию занимали самурзаканские революционеры. Они поддерживали постоянные контакты с Батумским комитетом, установили тесные отношения с Сухумской и Потийской организациями РСДРП. Социал-демократы внушали рабочим лесопильных заводов и крестьянам, что «существующий государственный строй никуда не годен», призывали к вооруженному восстанию и учреждению демократической республики[27]. Особо подчеркивалось, что «всем движением народа руководил Платон Эмухвари»[28].

Таким образом, абхазские социал-демократы, выполняя решения III съезда, уже весной-летом 1905 г. взяли курс на вооруженное восстание.

Самодержавие всеми силами пыталось приостановить бег революционного развития на Кавказе. С этой целью Николай II вновь учредил здесь должность наместника (с 26 февраля), которым стал граф И. И. Воронцов-Дашков. В рескрипте на его имя царь особо отмечал, что в последнее время положение на Кавказе характеризуется «случаями неповиновения властям и беспорядками» и требовал от наместника «безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие»[29].

Начались «новые веяния» правления Воронцова-Дашкова[30], политика «кнута и пряника», заигрывание с народом и общественным мнением. Наместник обещал провести ряд реформ, в частности, земскую[31], с единственной целью, отвлечь от борьбы трудящихся, внести раскол в революционное движение.

Создавая видимость уступок, Воронцов-Дашков сменил в Абхазии ряд административных лиц и церковных деятелей. После неоднократных выступлений против епископа Арсения, последний был вынужден покинуть 10 апреля пределы епархии[32]. Вслед за ним, 2 мая подал в отставку городской голова М. Томара[33]. Перетасовка коснулась и жандармского ведомства: вместо полковника Зубова в Сухум 2 июня прибыл ротмистр Ушинский[34], а в июле полицмейстером города вместо

---

[26] Там же, л. 26 и об.
[27] Там же, д. 503, л. 2 и об.
[28] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 12 и об.
[29] Кутаисские губернские ведомости, 1905, 12 марта.
[30] Окраины России, 1909, 9 мая.
[31] Кутаисские губернские ведомости, 1905, 2 апреля.
[32] Черноморский вестник, 1905, 22 апреля.
[33] ЦГА Абх. АССР, ф. 4. д. 903, л. 2.
[34] Черноморский вестник, 1905, 12 июня.

капитана Рихтера стал титулярный советник Набибеков[35]. Возрастание национально-освободительной борьбы в крае вынудило правительство пойти еще дальше. Так, главные административные должности в Абхазии заняли представители партии социалистов-федералистов. Впервые городским головой был «избран» и утвержден наместником 19 августа представитель не русской, а грузинской национальности кутаисский житель Н. К. Тавдгиридзе, вступивший в должность 12 сентября[36]. А спустя две недели, 25 сентября, командовать Сухумским округом вместо полковника Прогульбицкого прибыл новый начальник князь Л. Г. Джандиери[37]. Оба выступали за автономию Грузии с Абхазией в пределах России. В разгар революционных битв это была временная уступка царизма: дескать, делайте в Сухумском округе что хотите, нас он не интересует (кстати, вскоре после поражения революции Джандиери и Тавдгиридзе были смещены со своих должностей). Позднее во всеподданнейшей записке Николаю II наместник отмечал, что социалисты-федералисты не представляли серьезной политической угрозы русскому самодержавию, так как не успели «еще выработать определенной программы и столковаться о самом понятии автономии»[38].

Правительство явно старалось вбить клин в демократический фронт, возглавляемый большевиками, и путем мелких административных подачек разобщить трудящихся. Однако несмотря на все уловки, революционное движение в Абхазии расширялось, принимало все более сплоченный характер.

Как уже говорилось, в мае 1905 г. на заводе наследников Максимова был объявлен локаут. Часть революционно настроенных рабочих покинула предприятие, но подпольная работа здесь продолжалась. Из донесения ротмистра Ушинского в департамент полиции следует, что в конце июня «на завод приезжал из Батума «главный агитатор», который обходил квартиры рабочих. По словам доносчика Е. Чарая, «главным помощником агитатора на заводе» являлся Татиоз Иосава. Ему подчинялись все десятские, обязанность которых заключалась «в объявлении своей партии рабочих всех получаемых «предписаний». В одном из последних таких «предписаний» чувствуется влияние III съезда РСДРП и его резолюции о вооруженном восстании. Оно было объявлено на многолюдном «собрании рабочих» и в нем, как передает шпион, говорилось, что «мы пока не готовы к нападению, так как наши фабрики пока не приготовили для всех оружие; когда же будет готово,

---

[35] Там же, 2 июля.
[36] ЦГА Абх. АССР, ф. 4, д. 903, л. 14.
[37] Черноморский вестник, 1905, 16 июля; 30 сентября.
[38] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Спб., 1907, с. 21.

тогда будем выдавать всем и будем нападать и этим добиваться нового закона». Кроме того, Е. Чарая пояснил, что для рассылки «агитаторских бумаг» есть много людей, которые носят эти бумаги во все стороны...»[39].

Против революционного движения боролась не только внутренняя, но и зарубежная агентура царизма. Так, 9 июня, к русскому посланнику в Вашингтоне явился агент Фред Серост и заявил, что купец «Егиа Кесеянц в Сухум-Кале, сам лично и при помощи других злонамеренных лиц, уже три года как раздает неразрешенные и революционные печатные издания, а также речами своими старается возбуждать и поддерживать революционное движение»[40].

Летом 1905 г. по всему Черноморскому побережью прокатилась волна солдатских и матросских выступлений. Они находились в прямой зависимости от рабочих и крестьянских выступлений[41]. В. И. Ленин отмечал, что «если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»[42]. В революционное движение в 1905—1907 гг. было втянуто около 300 тыс. солдат и матросов или почти 1/3 личного состава армии и флота[43]. Немалая заслуга в этом принадлежала военным организациям РСДРП.

Восстание на броненосце «Потемкин» положило начало переходу крупных воинских частей на сторону революции. В. И. Ленин писал: «Начались настоящие уличные сражения народа с войском, битвы на баррикадах. Кавказ, Лодзь, Одесса, Либава показали нам в самое последнее время образцы пролетарского геройства и народного энтузиазма. Борьба перерастала в восстание... Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев-рабочих. Затем — переход части армии на сторону восстания. Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма, — целый броненосец, — перешла открыто на сторону революции»[44].

Героическая борьба экипажа «Потемкина» оказала огромное влиянние на армию, в том числе и на воинские формирования в Абхазии. Здесь, с 1904 г., успешно действовала воен-

---

[39] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 7 д-во, д. 4059, лл. 2—3.

[40] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83. оп. 1, д. 69, л. 9.

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 203; т. 30, с. 316—317.

[42] Там же, т. 13, с. 372.

[43] Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 66—67.

[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336.

ная организация Сухумской группы Батумского комитета РСДРП[45]. Следует отметить, что отдельные стороны военной работы в Абхазии в период первой русской революции рассматривались в ценном исследовании А. П. Стеклова[46] и в статье А. Н. Мелихова[47], в которой автор касается этого вопроса лишь эпизодически. Особого внимания заслуживают специальные исследования о революционном выступлении на «Потемкине». Однако в них не представлены широко материалы, связанные с пребыванием легендарного броненосца у берегов Абхазии[48].

Обнаруженные нами новые сведения, в частности, данные кавказской прессы 1905 года, позволяют говорить о том, что восставший «Потемкин», выйдя из Феодосии 23 июня, не сразу пошел в Румынию, а совершил маневр на юг. Он миновал Новороссийск, Сочи и где-то на подступах к Сухуму круто развернулся и взял курс на Констанцу. В свое время газета «Правда» и журнал «Коммунист Грузии»[49] рассказали об этих находках автора. Вскоре вышло в свет учебное пособие А. К. Селяничева «Флот под красным флагом революции» (М., 1983), где нашли отражение ранее опубликованные в «Правде» новые сведения (с. 16) и впервые дана карта с обозначением маршрута, которым следовал в последние дни восстания корабль революции.

Весть о восставшем 14 июня 1905 г. в Тендровском заливе эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» воодушевила борцов за правое дело свободы. Напуганное царское правительство, неоднократно обращалось **«к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи** против восставших матросов. Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние»[50].

Восстание на русском корабле произвело «сильное впечатление на султана»[51]. Турецкое правительство не могло не обеспокоить, например, такое сообщение Российского теле-

---

[45] Чулок И. С. Военно-боевая деятельность большевиков в Батуми в годы первой русской революции. Батуми, 1960, с. 17—18, 105, 168.

[46] Стеклов А. П. Революционное движение в войсках на Кавказе в период 1905—1907 годов. Доктор. дисс, (рукопись) Тбилиси, 1956, с. 150—154.

[47] Мелихов А. Н. Абхазия в годы..., с. 21—22. 52—53.

[48] Лакоба С. З. Революционные выступления воинских частей в Абхазии..., с. 74—82.

[49] Правда, 1982, 14 апреля; Коммунист Грузии, 1983, № 10, с. 69.

[50] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 345.

[51] ЦГА ВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 4178, лл. 84, 86, 89 и об.

графного агентства: «Сухум, 24-го июня. По случаю появления броненосца «Князь Потемкин» власти имеют распоряжение не допускать сообщения последнего с городом»[52].

Между тем «Потемкин» в 12 часов дня 23 июня покинул Феодосию и «отплыл по неизвестному назначению», задавшись «целью поднять восстание во всех прибрежных городах»[53]. Скоро стало известно, что броненосец взял курс к берегам Кавказа. На поиски «Потемкина» была двинута внушительная эскадра — броненосцы «Двенадцать Апостолов», «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Ростислав», минный крейсер «Гридень», минный транспорт «Казарский» и 6 миноносцев[54]. Ночь на 24 июня оказалась для преследователей безрезультатной. Поиски были временно приостановлены, так как эскадра исчерпала запасы угля и в течение 7 часов простояла в Новороссийске. Тем временем броненосец продолжал двигаться на юг, увеличивая разрыв. В два часа ночи 24 июня с пассажирского парохода «Цесаревич Георгий» у Адлера видели, как «мимо него прошел «Потемкин». Броненосец, по сообщению капитана парохода, «потушил огни и так, без них скрылся из виду»[55].

Страшный переполох начался на климатической станции принца А. П. Ольденбургского в Гагре. В одной из корреспонденций газета «Кавказ» рассказывала: «Когда в Гаграх получено было известие, что броненосец «Князь Потемкин Таврический» из Феодосии двинулся на юг, а затем телеграммы уведомили, что он прошел мимо Новороссийска на юг, то в Гаграх, естественно, возникла опасность, чтоб он не появился в их бухте. На такого рода опасения наводили три обстоятельства: во-первых, часть морской команды в Гаграх состоит из матросов с этого броненосца (как политически неблагонадежные, они незадолго до восстания были списаны на берег — **С. Л.**), а, во-вторых, климатической станцией только что было получено 19.000 пудов каменного угля и, в-третьих, — несмотря на присутствие роты солдат, взвода казаков, морской команды и пограничной стражи и 6 пушек... — в сущности Гагры были совершенно беззащитны перед броненосцем, который пользуясь приглубленностью берега, мог подойти на вполне близкое расстояние и расстрелять Гагры из самой мелкой артиллерии. Понятно, какой перепохол поднялся, когда

---

[52] Кавказ, 1905, 28 июня.

[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 351.

[54] Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин». Л., 1981, с. 180.— В книге приведены ценные сведения, однако автор придерживается прежней точки зрения и считает, что эскадра преследователей шла за «Потемкиным» вдоль Кавказского побережья по ложному следу.

[55] Черноморский вестник, 1905, 7 июля.

телеграф из Сочи известил ночью, что броненосец прошел на юг... Тревожная ночь прошла, и броненосца не оказалось— все облегченно вздохнули...»[56].

«Потемкин» проследовал мимо. Сообщалось, что он держит курс на Новый Афон[57]. Кавказский наместник, опасаясь контакта революционного экипажа с берегом, привел в состояние боевой готовности военно-полицейские силы. Еще ранее он отдал приказ отправить дополнительные резервы войск в Анапу, Новороссийск, Сухум, Поти, чтобы «воспрепятствовать высадке взбутовавшейся команды броненосца»[58].

Паника в эти дни охватила и Сухум. Под давлением революционного народа было созвано частное совещание думы, на котором гласные постановили: просить наместника отменить распоряжение «о недопущении высадки матросов в Сухуме». Городской голова направил Воронцову-Дашкову любопытную телеграмму: «Ввиду возможности появления в Сухуме за провиантом броненосца «Потемкин» в городе паника, ибо военные власти распорядились на этот случай не допускать сообщения «Потемкина» с берегом, что может вызвать разгром города броненосцем. По просьбе встревоженных горожан... почтительнейше прошу Ваше Сиятельство отменить названное распоряжение начальника гарнизона и тем спасти город от разорения». А «в ночь на 25-ое число... весь Сухумский полк в боевом порядке выступил для встречи броненосца «Князь Потемкин»[59]. Любопытные данные о том, как броненосец ждали в Сухуме, приведены и в воспоминаниях А. Ставровского[60].

В тот период М. И. Васильев-Южин оказался в Сухуме и жил в имении Вороновых — цебельдинской «Ясочке»[61]. Посланный В. И. Лениным из Женевы для связи с Потемкиным», он с опозданием прибыл в Одессу, а затем «отправился на Кавказ». В случае успешного осуществления ленинского плана, революционер предполагал направиться вместе с потемкинцами в Батум — крупный порт и промышленный центр Грузии. «Мне казалось, — вспоминал он, — что Батум, как революционная база был наиболее надежным районом на всем Черноморском побережье»[62]. Надежным он был и потому, что

---

[56] Кавказ, 1905, 22 июля.

[57] Мельников Р. М. Броненосец «Потемкин», с. 180.

[58] ЦГА ВМФ СССР, ф. 417, оп. 1, д. 3023, л. 185.

[59] Черноморский вестник, 1905, 3 июля.

[60] Стуруа Н. И. Кавказский союз РСДРП во главе революционной борьбы трудящихся Закавказья в годы первой русской революции. Сб.: Революция 1905—1907 г. в Грузии. Тбилиси, 1975, с. 44.

[61] Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969, с. 63—64; Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 189—190.

[62] Васильев-Южин М. И. В огне первой революции. М., 1955, с. 48.

рядом находилась свободолюбивая Гурия, где уже в начале 1905 г. правительственная власть оказалась ликвидированной.

Восставший корабль образно называли «плавучей республикой». Из 720 человек экипажа активных членов восстания было 129 и рядовых около 150. Новобранцы же из крестьян, революционность которых была невысока, составляли почти 400 человек, а группа противников восстания — около 80. Восстанием руководили 29 большевиков. Накануне восстания экипаж претерпел значительные изменения: в начале июня с корабля списали на берег 200 политически неблагонадежных, часть которых оказалась затем в Гагре, а в день выхода в море еще 40 человек.

Покинув 23 июня Феодосию, судовая комиссия корабля и представители социал-демократической организации призывали команду идти к берегам Кавказа. Активный участник восстания, член судовой комиссии И. А. Лычев отмечает, что матросы-большевики «звали в Батум». Решает идти на Кавказ после Феодосии и А. Н. Матюшенко. Другой авторитетный потемкинец С. А. Денисенко также доказывал необходимость похода в Батум. «Батумских батарей боятся те, — говорил он, — кто не знает батумских солдат»[64].

Потемкинец не ошибался: местный гарнизон был распропагандирован. В дни восстания на броненосце активизировала свою работу среди солдат военная организация Батумского комитета РСДРП, тесно связанная с Сухумом, Поти, Новороссийском, Сочи, Севастополем[65]. Особенно больших успехов она добилась среди артиллеристов, готовых восстать с появлением «Потемкина». В прокламации Батумского комитета РСДРП говорилось: «Солдаты! Солдаты! Власти ждут появления восставшего броненосца «Князь Потемкин» у стен Батума, прикажут вам стрелять в него из пушек, как только он покажется. Поверните эти пушки против ваших начальников. Вы не должны стрелять в ваших восставших товарищей-героев!»[66].

---

[63] Максимихин И. А. Броненосец «Потемкин». М., 1981, с. 14; Гаврилов Б. И. Восстание на броненосце «Потемкин». Автореф. канд. дисс. М., 1981, с. 18.

[64] Найда С. Ф. Революционное движение в Черноморском флоте в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Симферополь, 1950. с. 45; Революционное движение в Черноморском флоте. Сборник воспоминаний и материалов. М., 1925, с. 38—39; Лычев И. Потемкинцы. М., 1965, с. 164.

[65] Агладзе А. В. Военная работа большевистской организации Грузии в первой русской революции (1905—1907 гг.). Тбилиси, 1961, с. 18.

[66] Цквитария П. К. История революционного движения в Аджарии (1890—1921). Батуми, 1979, с. 47.

Однако «Потемкин» не дошел до Батума. На исходе были топливо, провизия, отрицательно сказывалось отсутствие пресной воды, необходимой для питания котлов. Броненосец уже прошел Адлер и Гагру, двигаясь в сторону Сухума, когда, по-видимому, большинство матросов под воздействием пропаганды остававшихся на корабле противников восстания, потребовали от судовой комиссии отказаться от дальнейшего продвижения на юг вдоль Кавказского побережья и снова идти в Румынию.

Огромный интерес в этой связи представляет свидетельство участника восстания на «Потемкине» матроса Кузьмы Перелыгина, который в 1905 г. был допрошен департаментом полиции. В своих показаниях К. Перелыгин отмечал, что, выйдя 23 июня из Феодосии, броненосец взял курс к берегам Кавказа. «В 12 час. снялись с якоря, — сообщал он, — взяв на буксир миноносец (№ 267 — **С. Л.**) и, держа курс на Батум, вышли в море... Не доходя Батума, ночью повернули на Констанцу. Ночь была бурная, с сильным волнением, даже миноносец оборвался от буксира, и его потеряли в темноте ночной. Дали задний ход, разыскав миноносец, и приказали ему следовать под своими парами, да и Румыния была уже близка»[67].

Ранее, на этот чрезвычайно ценный документ, опубликованный в 1924 году, исследователи не обращали должного внимания. Между тем, он как нельзя лучше подтверждает мысль о том, что «Потемкин» в ночь на 24 июня достиг берегов Абхазии и, не заходя в Гагру и Сухум («не доходя Батума»), где-то между этими пунктами, изменил направление и ушел в Констанцу.

Восстание на броненосце оказало воздействие на Сухумский 258-й полк, солдаты которого поддержали движение в тифлисском и других горнизонах[68]. Ротмистр Ушинский доносил в департамент полиции, что 10 июля нижние чины Сухумского полка «стали выражать неудовольствие на выдаваемый им казенный хлеб», находя его испорченным. На следующий день «почти весь полк не вышел на ужин»[69]. Тогда же солдаты «не допустили арестовать одного нижнего чина»[70]. Такие действия являли собой новую форму борьбы солдатских масс, рожденную в ходе революции[71].

Полицией было установлено, что «за последнее время уча-

---

[67] Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Воспоминания, материалы и документы. М. — Пг., 1924, с. 250—251.

[68] Стеклов А. П. Революционное движение..., с. 150.

[69] ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 00, д. 1877, ч. 34. лл. 11—12 и об.

[70] Там же.

[71] Гегемония пролетариата..., с. 57.

стилось подбрасывание в расположение полка различных революционных воззваний к солдатам (местных, батумских, Центрального Комитета, на русском и грузинском языках)». По словам ротмистра революционная пропагандистская литература проникала в полк через посредство солдат — «и, имея прецедентом случай с броненосцем «Князь Потемкин Таврический» рассчитана на подобный же успех. В данном случае весьма возможно предположить, что неудовлетворительная выпечка в полку хлеба производится умышленно, под влиянием пропаганды, с целью вызвать у массы нижних чинов неудовольствие, которое, при известной подготовленности массы той же пропагандой, легко может перейти в открытый ропот и мятеж»[72]. Утром 13 июля прапорщик Коппе в спальном помещении команды хлебопеков застал рядовых «за чтением преступного воззвания» РСДРП — «Солдатская памятка» Л. Толстого[73]. В июле же в полку получил хождение «Солдатский листок» (№ 1) Тифлисского гарнизона, изданный Кавказским союзом РСДРП. В нем рассказывалось о революционном движении в стране, о героизме потемкинцев, о том, что «по всему побережью Черного моря в гарнизонах неспокойно»[74]. Июньское восстание матросов «Потемкина» всколыхнуло воинские формирования в Абхазии. Летом 1905 г. всю империю охватила цепная реакция подобных выступлений. Сбывалось предвидение Ленина о том, что «броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии»[75].

Конечно же, огромное влияние на солдат Сухумского полка оказало выступление на «Потемкине», но помимо этого фактора важную роль сыграла и революционная пропаганда, которая велась здесь среди солдат и офицеров задолго до событий на Черном море.

Накануне волнений в местном полку, в Сухуме была предпринята вторая попытка создать Народный суд. В ответ на убийство 5 июля рабочего Г. Кортава[76], социал-демократы объявили забастовку (продолжалась с 8 по 10 июля), которая служила «выражением протеста местным властям, не могущим гарантировать безопасность жителям». Полиция была вынуждена приступить к аресту порочных лиц. Задержанные были вытребованы народом у полиции и предстали перед 20-ю выборными судьями[77]. Виновные в убийстве Г. Лежава и Начкебии скрылись, но затем сами «явились в полицию и отдались в руки правосудия, боясь народного суда». Заседания суда проводились 9—10 июля при стечении массы народа. Прибывшая 10 июля сотня казаков и стражники потребовали от собравшихся разойтись, и выстроились в боевом порядке. «Публика пришла в замешательство, — писал М. Кнышенко, — но более смелые уговаривали продолжать дело с таким же спокойствием»[78].

В жандармском донесении отмечалось, что среди наиболее активных судей находился помощник присяжного поверенного В. Захаров, личность которого «крайне неблагонадежная в политическом отношении». Обратил на себя внимание также бухгалтер конторы лесопромышленника Максимова — Михаил Вуколов **Кнышенко**, бывший несколько лет тому назад под негласным надзором полиции; этот последний в качестве корреспондента «Черноморского вестника» записывал содержание речей и обо всем происходившем»[79].

На протяжении всего 1905 г. М. Кнышенко под псевдонимом «Миклуха» помещал подробные корреспонденции, освещавшие революционное движение в Сухуме.

Летом при поддержке властей оживили свою работу сухумские черносотенцы. Возглавляемые инженером Л. Жудрой, они распространяли в городе прокламации «Союза русских людей»[80], прибегали к шантажу и угрозам против активных участников революции. «Черный комитет» вынес даже смертный приговор Б. Захарову[81]. Но пропаганда насилия еще теснее сплотила сторонников революции.

В Сухуме 18 июля[82] разразилась забастовка. Скоро здесь стало известно о расправе 19 июля в Новороссийске, где было убито 100 и ранено более 200 рабочих. Уже 25 июля в Сухуме «в большом числе были разбросаны прокламации»[83]. В одной из них, отпечатанной 23 июля Батумским комитетом РСДРП под названием «Убийство народа в Новороссийске», говорилось: «Вновь чудовищное правительство выпустило когти, вновь пролита им невинная кровь. К смрадным преступлениям своим оно прибавило еще одно гнусное злодеяние... Смерть самодержавию! Долой его грязную пяту с головы русского народа. Да здравствует революция!»[84].

---

72 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1905, 00, д. 1877, ч. 34, лл. 11—12 и об.
73 Там же, 7 д-во, д. 4061, лл. 3—5.
74 Личный архив Вороновых (АВ)
75 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 336—337.
76 Черноморский вестник, 1905, 13 июля.
77 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 29, лл. 14—15.
78 Черноморский вестник, 1905, 14 июля.
79 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, лл. 7—8 и об.
80 Черноморский вестник, 1905, 16 июля.
81 Там же, 2 июня.
82 Там же, 27 июля.
83 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1. д. 69, л. 16.
84 Там же, д. 69, лл. 17—18 и об.

В знак протеста Сухумская организация РСДРП призвала трудящихся к всеобщей забастовке; тогда же по данным полиции «предполагалась большая сходка». Как раз в этот период, 27 июля в Сухум приехал находившийся во Франции один из лидеров социалистов-федералистов Ф. Т. Сахокия. Вместе со своими сторонниками он стал публично пропагандировать политические идеи автономистов[85], а также призывал местных социал-демократов «отказаться от системы забастовок» якобы «не достигающих цели»[86]. Такая позиция федералистов могла внести раскол в движение, но они получили достойный отпор со стороны большевиков. Ротмистр Ушинский доносил 1 августа заведующему полицией на Кавказе, что «Сахокия проповедует теперь отречение от своих прежних идей объединения Грузии с другими народностями и образования из них особого Грузинского царства внушает своей аудитории идею «федеральной автономии кавказских народностей», однако безуспешно, так как местная партия имеет чисто социал-демократическую окраску и твердо держится своих принципов»[87].

Непоколебимую позицию занимали и гагрские большевики, направившие все свои усилия на выполнение решений III съезда РСДРП. Они выступали за союз рабочего класса с крестьянством и подготовку вооруженного восстания. Так, на сход крестьян абхазского села Калдахвара, расположенного недалеко от Гагр, 15 июля прибыли рабочие и арендаторы климатической станции для обсуждения вопросов «противоправительственного характера», стараясь «убедить абхазцев присоединиться к общему народному движению» и «принять сообща присягу в единстве действий, имеющих целью непризнание власти и закона». Через неделю, 22 июля в Калдахваре[88] вновь состоялся совместный сход, разогнанный полицией и казаками. На следующий день начальник станции Шереметьевский телеграфировал за границу принцу Ольденбургскому: «В Новороссийске и окрестностях Гагр общее брожение рабочих. Усилил патрули...»[89].

Несмотря на принятые полицейские меры, 31 июля в районе Черноморской губернии, в десяти верстах от Гагр, состоялась «противоправительственная сходка» с участием «свыше 300 челов. мингрельцев и абхазцев», руководимая большевиками И. Чичканом, И. Маруашвили и братом последнего, студентом, который «нес красный флаг с надписью «Долой

---

85 Там же, л. 14 и об.
86 Там же, л. 16.
87 Там же, лл. 14 об.—15.
88 Там же, л. 10 и об.
89 Там же, ф. 113, оп. 2, д. 216⁴, л. 252.

самодержавие, да здравствует свобода!»[90]. Демонстранты двинулись к Гаграм, однако по дороге были рассеяны казаками[91]. Большевики Чичкан и Маурашвили по приказу Шереметьевского были арестованы. Приглашенный же из Кутаиса студент-агитатор Маурашвили скрылся, а вместо него по ошибке был задержан служащий шелководческой станции Кавтарадзе[92]. В Гагре начались волнения, закрылись лавки и магазины, бастующие требовали «насильственного освобождения задержанных», революционеры стали «группами собираться около крепости» принца, что «вынудило Шереметьевского освободить» арестованных[93].

Стало известно, что к организации политической демонстрации близ Гагр были причастны и агитаторы, приезжавшие из Батума и Тифлиса, которые посещали сходки в имении «Батино»[94].

В своем донесении 1 августа начальник станции ставил в известность принца о происходивших в Гаграх событиях, отмечая что «в последнее время очень неспокойно и не только рабочие, но и старшие служащие не внушают особого доверия». Через несколько дней Шереметьевский в телеграмме Ольденбургскому сообщал: «Сходки и волнения продолжаются. Хорошо прибавить взвод казаков скорее. В роте много туземцев»[95].

Вечером 7 августа революционеры смертельно ранили садовника Котека, который был доносчиком Шереметьевского[96]. На следующий день встревоженный принц обратился из Женевы к наместнику с просьбой «скорее прислать еще взвод казаков» в Гагру[97].

Самодержавие старалось направить революционное движение в русло конституционных иллюзий. С этой целью 6 августа были опубликованы два акта — учреждение и положение о выборах в «булыгинскую» думу. В выборах не могли участвовать рабочие, а крестьяне тщательно «просеивались» четырехстепенными выборами. Большевики, а также эсеры объявили ей бойкот. Булыгинская дума не обладала законодательной инициативой. Ленинская партия в условиях возрастания революции призывала к прямому натиску на самодержа-

---

90 ЦГАОР СССР, ф. 102. 1905, 7 д-во, д. 4593, лл. 2—3.
91 ЦГИА Груз. ССР. ф. 83, оп. 1, д. 48, л. 22 и об.
92 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 15—16.
93 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216⁴, л. 26 и об.
94 АИЯЛИ, ф. 1, д. 73, л. 83.
95 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874³, л. 244 и об.
96 АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, л. 155.
97 ЦГИА Груз. ССР. ф. 113, оп. 2, д. 874³, л. 245.

вие, на очереди дня стоял вопрос о вооруженном восстании[98].

Как только в Гагре стало известно о правительственных актах о совещательной Думе, местные большевики выступили против нее. Ночью 8 августа руководители революционной социал-демократии Маурашвили, Чичкан, Перадзе устроили в парке массовое демонстративное шествие со свечами и революционными песнями. В своем донесении Ольденбургскому начальник станции сообщал: «Чтобы не возбуждать, не задерживал, и мало стражников, необходимо прибавить десять человек»[99]. Так начался активный бойкот Думы в Гагре. В. И. Ленин отмечал, что большевики «должны приложить все усилия, чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов»[100].

В соответствии с этими указаниями действовало руководство Гагрской организации РСДРП. В одном из полицейских донесений говорилось: «Политическое движение в Гагринском районе и далее к Батуму... грозит перейти в восстание. Туземцы желают иметь самоуправление, своих выборных и прочее. В этом направлении агитаторы и работают. Государственной Думой и введением земства на Кавказе недовольны»[101].

Напуганный событиями в «своих владениях» принц сообщал 10 августа из Швейцарии в Гагры: «Недоумеваю Маурашвили запутан в политическую демонстрацию... Ожидайте прибытия жандармской и прокурорской власти... Губернатор Трофимов сообщил, что распорядился прибавить до десяти стражников»[102].

Однако полицейскими мерами спасти положение было уже невозможно — «пропаганда проникла во все закоулки Гагр и Гагринского района», а политическое движение разрасталось и не было «ни одного человека, который бы не пристал к нему». Заведующий полицией капитан Неволя жаловался: «Доверить что-либо по службе я не могу никому — даже стражникам», и требовал заменить весь состав конно-полицейской стражи»[103].

За участие в революционном движении конторщики Жигнай и В. Цулая были уволены, а Маурашвили и Чичкан, по требованию Шереметьевского, выехали на пароходе из Гагр

98 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 166—171.

99 ЦГИА Груз ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874³, л. 245 и об.

100 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 169.

101 АИЯЛИ, ф. 1, д. 73, л. 96; Мелихов А. Н. Абхазия в годы..., с. 24.

102 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874³, л. 94.

103 АИЯЛИ, ф. 1. д. 73, л. 97.

11 сентября, причем революционеры «устроили торжественные проводы с пением марсельезы». В связи с высылкой революционеров, большевики объявили забастовку и распорядились «закрыть лавки и прекратить торговлю». После отъезда, «Маурашвили и Чичкан не прекращали своих сношений с здешней партией и переписывались с Перадзе». В день проводов руководителей местного движения, большевики вынесли смертный приговор Л. А. Шереметьевскому. Возвращаясь с осмотра водопроводных работ в ущелье Жоэквара, он был убит 28 сентября 1905 г. членом боевой группы (Эрасто Джинчарадзе в 1909 г. за это убийство сослан на 10 лет в каторжные работы). Так расплатился за свои злодеяния начальник климатической станции Шереметьевский, назначенный принцем в июне 1904 года (до этого 28 лет возглавлял Петербургскую сыскную полицию)[104].

В течение всего августа и сентября Ольденбургскому сообщалось о революционном движении в Гагре, причем постоянно подчеркивалось, что «волнения продолжаются», а военно-полицейской силы недостаточно. Власти опасались соединения рабочих выступлений с крестьянскими. Попытки к такому союзу были предприняты большевиками на совместных сходах в селе Калдахвара Гудаутского участка. В этот период революционная агитация захватила не только климатическую станцию. В рапорте заведующему полицией на Кавказе подчеркивалось: «Такая же пропаганда ведется и среди всего населения Гудаутского участка»[105]. Капитан Неволя опасался, что абхазцы пристанут к политическому движению «благодаря заманчивым обещаниям агитаторов, которые обещают им свои суды, самоуправление и не платить податей»[106].

Под влиянием бурных событий 1905 г. революционное сознание пробуждалось в среде трудового абхазского населения. Грузинский общественный деятель П. Г. Чарая относительно этого процесса писал: «Абхазцы также, как и все нации входящие в состав громадной Росийской империи, страстно ждут обновления России. Они знают, что тогда исчезнут те путы, которые сковали абхазца по рукам и ногам. Пусть же их Прометей выйдет наконец из своей мрачной темницы и возвестит им, что близок час и их освобождения»[107].

С каждым днем накалялась обстановка и в Самурзакани.

104 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216⁴, лл. 26—27 и об.; там же, д. 874³, лл. 13—14 и об.; там же, д. 671, лл. 2—10, 57, 61 и об.; Черноморский вестник, 1905, 6 октября; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 8; ЦГИА Груз. ССР, ф. 113. оп. 2, д. 766, л. 7.

105 Там же, д. 874³, лл. 245 об. — 247; там же, ф. 83, оп. 1, д. 48, л. 22 об.

106 АИЯЛИ, ф. 1, д. 73, л. 98.

107 Черноморский вестник, 1905, 18 июня.

В сентябре агитаторы из Гурии и Мингрелии совместно с местными социал-демократами призывали арендаторов «не отдавать помещикам одной четверти урожая» и «не повиноваться сельским должностным лицам». Имели место «случаи открытого нежелания подчиниться решениям мировых посредников», а тайные собрания сходов «охранялись самими жителями от посещения их сельскими старшинами»[108]. Платон Эмухвари «открыто внушал, что никаких властей не должно быть и народ должен управляться сам собой»[109].

События большого значения происходили в Сухуме и его окрестностях. С утра 23 августа здесь забастовали сельскохозяйственные рабочие всех имений и дач. Наиболее крупные выступления произошли в саду «Синоп» и имении «Диоскурия» вел. князя Александра Михайловича, в имениях помещиков Смецкого и Петрова. Поначалу забастовка носила мирный характер[110], но после того как управляющие отклонили ряд законных требований рабочих, а затем, по распоряжению наместника, первая партия наиболее активных 40 забастовщиков была арестована и 27 августа выслана из Сухума в Поти[111], положение резко обострилось. В это же время получила широкое распространение листовка Сухумской группы Батумского комитета РСДРП «Требования садовых рабочих г. Сухума и его окрестностей», включавшая 18 пунктов экономического и политического характера[112]. Рабочие заявили, что «если до 28 августа все их требования не будут удовлетворены, то они произведут в этот день в Сухуме беспорядки»[113]. Однако уступки сделаны не были, власти решили путем репрессий восстановить порядок. С этой целью 29 августа казаки и стражники арестовали еще 12 садовых рабочих, которых выслали из Абхазии. Но полицейские меры не затушили забастовку, а наоборот, еще больше накалили обстановку. В ночь на 30 августа агитаторы Сухумской организации РСДРП постановили протестовать против высылки из Сухума садовых рабочих. С утра «жизнь в городе совершенно прекратилась — все торговые заведения закрылись и обыватели остались без хлеба и мяса»[114]. Было приостановлено всякое движение, разрушен городской водопровод[115]. У пекарен 31 августа были поставлены патрули казаков, но «один из пекарей, несмотря на стоявший патруль, получил из толпы удар камнем в ухо, и дальнейшее приготовление хлеба пекарями невозможно, так как они рискуют быть избитыми и даже убитыми»[116].

В этот день стачечникам стало известно о кровавых событиях 29 августа в Тифлисе, когда казаки и полиция в зале городской управы расправились с безоружными рабочими: 60 человек было убито и свыше 200 ранено[117]. В знак протеста 1 сентября 1905 г. началась всеобщая забастовка в Тифлисе. Ее поддержали в Кутаисе, Батуме, Чиатуре, Самтредиа, Гори[118] и других городах. Под влиянием расстрела трудящихся в Тифлисе, с новой силой 1 сентября вспыхнула стачка и в Сухуме. К ней попытались присоединиться учащиеся реального училища, но дирекция сорвала забастовку. Позднее, «за подстрекательство учеников к беспорядкам» из училища был исключен 13-летний Семен Каландадзе[119]. Ротмистр Ушинский отмечал, что в Сухуме и округе «настроение жителей тревожное», так как социал-демократы выпустили воззвание «приглашающее всех вооружиться против полиции и черносотенцев»[120].

В самый разгар стачки, 1-го сентября, в Сухум съехались землевладельцы для выбора представителей в окружное совещание по вопросу введения на Кавказе земских учреждений. Совещания по выработке проекта земской реформы повсеместно были проведены в Грузии и Абхазии осенью 1905 года[121]. Сухумские большевики объявили бойкот этому мероприятию, продолжали забастовку, чтобы сорвать совещание. С этой целью они «направили массу свободного люда в лице приказчиков, садовых и других рабочих на этот съезд». Руководители забастовки большевики Л. Готошия и В. Горделадзе действовали через близкого к ним секретаря совещания В. Захарова. Подполковник Зенченко показывал: «Благодаря их деятельности окружное совещание... было сорвано и собравшимися представителями населения округа, они воспользо-

---

108 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 48, л. 24.

109 Там же, ф. 113. оп. 2, д. 214, л. 78 и об.

110 Там же, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 39 и об.

111 Черноморский вестник, 1905, 3 сентября; Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 282.

112 Из истории революционных событий в Абхазии.., с. 165—166.

113 АИЯЛИ, ф. 1, д. 73, л. 87.

114 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 282.

115 Черноморский вестник, 1905, 3 сентября; Кавказ, 1905, 6 сентября.

116 Революция 1905—1907 гг. в Грузии. с. 282.

117 Очерки истории Коммунистической партии Грузии. ч. I. Тбилиси, 1982, с .119—120.

118 Авазашвили И. М. Большевистские организации Закавказья в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Тбилиси, 1972, с. 147—150.

119 Жордания О. К. Учащаяся молодежь Абхазии.., с. 51.

120 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 282.

121 Ванишвили В. И. Борьба грузинской общественности за земское самоуправление. Крах земной политики меньшевистского правительства. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1974, с. 17—18.

вались исключительно для своих целей, ознакамливая их с учением социал-демократической партии»[122].

Начальник округа отмечал, что «Захаров свою роль ярого противоправительственного деятеля и революционного агитатора очертил весьма ясно и в должности секретаря» совещания о земстве. Подчеркивалось, что «он несколько раз срывал занятия совещаний». По своей направленности Б. Захаров примыкал к революционной социал-демократии, оказывал местным большевикам всестороннюю поддержку, хотя и не являлся членом партии. Один из самых осведомленных в этом вопросе, сухумский полицмейстер, утверждал: «Борис Захаров ни в какой партии не принадлежал»[123]. Сам же Захаров писал: «Стоя на точке зрения исторического материализма по своим взглядам я ближе всего подходил к социал-демократам, но к организациям этой партии никогда не принадлежал»[124]. Вместе с тем племянник Германа Лопатина — Б. Н. Захаров[125] (1876—1938) являлся ярким представителем революционно-демократической интеллигенции, был душой всех митингов, демостраций, забастовок, одним руководителей революционного движения в Абхазии в 1905 году.

Вечером 1 сентября в Сухум из окрестных сел Гумистинского участка стали стекаться крестьяне, «вследствие чего и без того тревожное настроенное население» взволновалось еще более. Помещение городской думы, прилегающую к нему улицу и сад заполнила громадная толпа народа — рабочие, приказчики, мелкие торговцы, извозчики. Вместе с бастующими садовыми рабочими они большими группами ходили по Сухуму, собирались «в окрестностях города, где приехавшие из Батума и Гурии агитаторы, совместно сухумскими руководителями забастовки, произносили противоправительственного характера речи». Бастовавшие требовали вернуть высланных рабочих, которые вскоре были возвращены»[126].

На следующий день, 2-го сентября, из городского сада вышли более 300 человек и направились «на пристань с пением марсельезы». Демонстранты были встречены вооруженными казаками и полицейскими, которые стали избивать революционеров[127].

После разгона демонстрации власти пошли на уступки трудящимся, удовлетворив требования сельскохозяйственных

---

[122] АИЯЛИ. ф. 1, д. 119/64, л. 73.

[123] АИЯЛИ, ф. 119/64, лл. 73—74, 308.

[124] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[1]. лл. 17 об.—18.

[125] Лейберов И. П. Легендарный дядя и его племянник. — Литературная Грузия, 1980, № 2.

[126] АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, лл. 237, 246—247.

[127] Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 291.

рабочих. Всеобщая забастовка была прекращена 3 сентября[128].

Сухумские большевики возглавили борьбу трудящихся за свои права[129], направили усилия на сплочение союза рабочих и крестьян. Благодаря их руководству забастовка носила организованный, упорный, ярко выраженный политический характер.

В селах Гумистинского участка — Мерхеулы, Эшера, Варча, Бабушера, под влиянием сухумских событий вспыхнули аграрные выступления. Крестьяне-арендаторы отказывались вносить плату помещикам, не признавали сельских старшин[130]. Мерхеульцы пытались убить помещика В. П. Эмухвари[131]. Здесь к движению примкнули даже служители церкви. Так, в резолюции от 17 сентября епископ Сухумский по поводу мерхеульского прихода отмечал «Местному священнику строго следить за политическими убеждениями псаломщика Шавишвили и секретно доносить»[132]. В этот период учащаются вооруженные нападения крестьян на церкви, скиты и монастыри[133].

В период аграрных волнений в Гумистинском участке абхазский крестьянин Хаджарат Кяхба отомстил за притеснения князю Дзяпш-ипа. Газета сообщала: «В ночь на 22 сентября, убит выстрелом из берданки князь сел. Эшера... Омар Дзяпш-ипа, переправлявшийся через реку Гумиста»[134]. Долгие годы Х. Кяхба оставался неуловимым для царской администрации, крестьяне оказывали народному герою помощь, скрывали от властей.

В начале октября рабочие и крестьяне небольшими боевыми группами производили нападения на стражников и казаков. В ночь на 5 октября были обстреляны казаки, охранявшие дачу великого князя Александра Михайловича[135]. А спустя несколько дней крестьяне села Члоу К. Джопуа, Т. Ашхаруа и Ш. Ашхацава напали на стражнический пост у Багадских скал[136].

Таким образом, в рассматриваемый период (апрель — начало октября) в Абхазии четко обозначились три наиболее значительных революционных очага: город Сухум с прилегающей к нему территорией от реки Гумиста до Кодорского ле-

---

[128] Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 21.

[129] Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 313.

[130] Черноморский вестник, 1905, 15 октября.

[131] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13. оп. 27, д. 1002, л. 16.

[132] ЦГА Абх. АССР, ф. 1, д. 3692, л. 3.

[133] Черноморский вестник, 1905, 4 сентября; 29 сентября.

[134] Там же, 29 сентября.

[135] Там же, 11 октября.

[136] Там же, 25 октября.

созавода, Гагра и ее окрестности, а также Самурзаканский участок. Как видно, Абхазия не являласть вакуумом в общем потоке революционного движения. Политическая обстановка здесь обострялась не только за счет внутренних условий, но и под влиянием общероссийских событий.

Большевики Абхазии, несмотря на организационные трудности в работе и малочисленность рабочего класса, шли в авангарде борьбы, выполняли ленинские установки и решения III съезда РСДРП. Они вели революционную пропаганду среди солдат Сухумского гарнизона, крепили союз рабочих и крестьян, воспитывали чувство интернационального единства трудящихся, присоединились к активному бойкоту земства и Булыгинской думы, деятельно готовились к вооруженному восстанию. «Из отдельных вспышек, — писал В. И. Ленин, — все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара. Пролетарская борьба захватывает новые, наиболее отсталые районы»[137].

§ 3. МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ

Революционное движение, разлившееся словно река в половодье по всей территории многонациональной Российской империи, к осени 1905 г. достигло своего апогея. Большевики деятельно готовились к проведению Всероссийской октябрьской политической стачки. В письме из Тифлиса в имение «Ясочка» близ Сухума, связная секретаря Петербургского комитета РСДРП Е. Д. Стасовой[1], большевичка Л. Н. Воронова, сообщала матери 13 октября: «Опять мы стоим накануне широкой волны общественного движения. Начала Москва. 15-го всеобщая забастовка будет и на Кавказе.. По всей вероятности забастовка станет всероссийскою. Снова начинается настроение январских дней. Только теперь гораздо ярче и резче выражен политический характер движения... Удивительный рост общества. Помнишь, как в Ботаническом саду в несколько дней вырос громадный стебель агавы? Рос не по дням, а по часам... Тоже теперь и в нашем обществе. Вот, что значит революция..»[2].

К всероссийской стачке присоединились трудящиеся Тифлиса, Кутаиса, Поти, Чиатура, Ткибули, Самтредиа, Озургети, Гори, Телави и других городов[3]. С 15 октября стачка охватила всю страну. Наступил момент, когда самодержавие было «уже не в силах подавить революцию», а революция была «еще не в силах раздавить царизма»[4]. Стачка явилась началом высшей фазы первой российской революции.

Под давлением сокрушительного движения Николай II был вынужден подписать 17 октября манифест о предоставлении населению буржуазных демократических свобод: совести, слова, собраний, союзов и т. д. «В октябре силы борющихся сторон сравнялись, — писал В. И. Ленин. — ...Манифест 17-го октября был юридическим выражением этого уравновешения сил»[5].

Либеральная буржуазия ликовала, пролетариат продолжал борьбу, большевики призывали к дальнейшему развитию революции, к вооруженному восстанию. В противовес революционным партиям, буржуазия получила возможность легально вести свою работу. Она считала революцию оконченной и стала по сути на сторону контрреволюции[6]. Тем самым самодержавию удалось расколоть манифестом единый демократический фронт и выиграть время. Большевики, в отличие от представителей мелкобуржуазных партий, не питали в отношении манифеста 17 октября никаких иллюзий, а В. И. Ленин считал, что эта первая победа революции над самодержавием «далеко еще не решает судьбы всего дела свободы»[7].

Как только наместнику на Кавказе стало известно о манифесте, он дал паническую телеграмму Булыгину: «Петербург. Министру В. Д. Сегодня получил Указ о свободе слова, союзов и прочее, подписанный семнадцатого октября. Считать ли его действительным? Отвечайте шифром»[8].

Вечером 17 октября в Сухуме были разбросаны гектографированные воззвания местного социал-демократического комитета с призывом присоединиться к всероссийской стачке. В прокламациях излагалось «настоящее положение дел внутри России и в Закавказье»[9]. В одной из них говорилось: «Граждане и рабочие! Могучие волны революции катятся по всему пространству громадной России, бороздят ее вдоль и поперек, расшатывая и разрушая твердыню самодержавия!.. Вспомните, граждане и рабочие, 9-е января, Бакинские события, 29 августа в Тифлисе и пред вами предстанут во всем свете меры жестокости, с какими царские башибузуки расправляются с народом!.. Тифлис, Батум, Баку, Кутаис, Поти — весь Кавказ бастует, протестуя против жестоких разорений!.. Объ-

---

137 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 311.

1 Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 141.

2 АВ.

3 Очерки истории Коммунистической партии Грузии. ч. I, с. 122.

4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12. с. 28.

5 Там же, т. 13, с. 72.

6 Там же, т. 21, с. 102—103.

7 Там же, т. 12, с. 27.

8 ЦГИА СССР, ф. 919, оп, 2, д. 1219, лл. 2—3.

9 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 379.

единимся же с бастующими и докажем, что и у нас много угнетенных, жаждущих свободы и могущих постоять за нее!.. Наше сочувствие к общему делу мы выразим забастовками, которые начнутся с завтрашнего (18-го) утра. Мы будем протестовать, выставляя следующие требования: 1. освободить деревни от экзекуции, 2. удалить войска из революционных деревень, 3. снять военное положение со всех городов Кавказа и России»[10].

По призыву сухумских большевиков с утра 18 октября закрылись все торговые и промышленные заведения, на набережной собрался народ. Прекратив занятия, к бастующим в тот же день решительно примкнула учащаяся молодежь города. Этому во многом способствовало решение полицмейстера, принятое накануне, 13 октября, который постановил: заключить бывшего ученика II класса Сухумского реального училища С. Каландадзе (исключен 28 сентября) в тюрьму «в виду возможного влияния со стороны его на учеников названного училища к нарушению правильных занятий, как им уже было допущено...»[11]. Арест несовершеннолетнего революционера, приехавшего на учебу из Гурии, вызвало 18 октября бурю негодования среди трудящихся. Тогда же, днем, в почтово-телеграфную контору и казначейство зашли революционеры и потребовали прекратить работу. Для охраны правительственных учреждений прибыли казаки и солдаты. В «Черноморском вестнике» появился репортаж из Сухума— «Первые дни свободы». В нем говорилось, что целью забастовки было присоединиться к всероссийской стачке. Известие о манифесте было получено в Сухуме 19 октября. В честь этого события на бульваре, при стечении огромного количества народа, состоялся первый легальный митинг под председательством Б. Захарова, который зачитал полный текст манифеста. Выступивший затем оратор-большевик «в краткой, но горячей речи заявил, что взята только первая «позиция» и что с.-д будут стремиться к полной победе». Митинг закончился торжественным шествием по городу с красными флагами и пением «Марсельезы»[12].

На следующий день митинг продолжился, было выслушано множество речей. Представители мелкобуржуазной партии социалистов-федералистов предложили прекратить забастовку, но это предложение было отвергнуто большевиками. Тогда же между ними произошло столкновение. Оратор-федералист, как говорится в полицейском документе, убеждал, что «достижение желательных реформ теперь возможно мирными путями,

---

10 Из истории революционных событий в Абхазии, с. 166—167.

11 ЦГА Абх. АССР, ф. 18, д. 6. л. 198 и об., Жордания О. К. Учащаяся молодежь Абхазии.., с. 51.

12 Черноморский вестник, 1905, 23 октября.

отвергая желательность и смысл вооруженного восстания и классовой борьбы, за что был свергнут с кафедры и понес побои... С.-д. не ограничились нанесенными Сахокия побоями, но угрожали ему смертью, и одно время он ходил по городу под охраной двух вооруженных людей»[13].

Соратник Ф. Сахокия по партии князь Л. Джандиери говорил Левану Готошия после митинга: «Мы вас не трогаем и вы нас не трогайте. Вот и Сахокия побили, такого деятельного полезного человека»[14].

Таким образом, представители буржуазно-националистических течений после 17 октября стали на путь лояльности в отношении самодержавия[15]. Они надеялись, что теперь будут удовлетворены их требования о национальной автономии[16].

Сухумская стачка организованно прекратилась 22 октября. Однако революционные митинги созывались в городе с этого времени ежедневно по несколько раз. Начальник округа телеграфировал 23 октября заведующему полицией на Кавказе: «Демонстративные шествия социал-демократической партии... с протестом против существа Манифеста продолжались и вчера. Сегодня по приказу этой партии лавки открыты. Завтра опять предполагается забастовка. Столкновения, беспорядки — предупреждаются». На следующий день Джандиери вновь сообщал: «Сходки продолжаются без разрешения. Социал-демократическая партия отвергает и Указ Сената № 187 и Манифест. Положение тяжелое. Допускать на собраниях представителя полиции не желают»[17].

Большевики отвергали объявленную правительством 21 октября политическую амнистию в урезанном виде. Совместно с рабочими, служащими, учащаяся молодежь организовала 24 октября большой митинг, на котором была объявлена забастовка протеста в связи с расстрелом 22 октября гимназистов в Тифлисе. На этом народном митинге «с ярко выраженным социал-демократическим направлением» выступил его председатель Б. Захаров. Он, говорится в донесении директора реального училища попечителю Кавказского учебного округа, «предложил толпе потребовать от начальника Сухумского округа князя Джандиери освобождения из-под стражи некоторых заключенных, в том числе Каландадзе, бывшего ученика»[18].

После митинга собравшиеся двинулись к городской тюрьме. Боясь объединенной силы молодежи и трудящихся, власти

---

13 АИЯЛИ, ф. 1. д. 119/64, лл. 199—200.

14 Там же, л. 233.

15 Авазашвили И. М. Большевистские организации Закавказья..., с. 190.

16 Ахобадзе Э. А. История борьбы..., с. 21.

17 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 146, лл. 81, 99, 104 и об.

18 ЦГА Абх. АССР, ф. 18, д. 6, л. 201 и об.

вынуждены были немедленно выпустить политических, в числе которых находился и руководитель сухумского ученического социал-демократического кружка С. Каландадзе. В тот же день, 24 октября, «депутат от народа» потребовал «немедленного принятия Каландадзе обратно в училище, угрожая в противном случае забастовкой, и другими более решительными мерами; того же требовали депутаты от учеников». Затем ученики реального и городского училищ, «выкинув красный флаг, с пением марсельезы, стреляя из револьверов, двинулась к городскому саду, где произошло общее совещание». На следующее утро, 25 октября, педсовет реального училища в присутствии трудящихся и учеников, которые «держали себя крайне вызывающе», объявил о восстановлении С. Каландадзе. В протоколе объединенного училищного совета признавалось: «Манифест 17 октября не внес желаемого успокоения в среду учащихся; напротив — влияние на учащихся посторонних лиц, принадлежащих к крайним революционным партиям, еще более усилилось, благодаря возможности отныне действовать открыто: все жители города могли быть свидетелями того, как учащиеся дети не только принимали участие в митингах и демонстрациях взрослых, но и сами устраивали сходки, где принимали резолюции политического характера»[19].

Размах революционного движения грозил вылиться в вооруженное восстание. Растерянный начальник округа обратился в Тифлис с просьбой применить к революционерам репрессивные меры, на что заведующий полицией на Кавказе ответил категорически: «Политические аресты в порядке охраны несвоевременны»[20]. Создалось временное равновесие сил. На запросы Джандиери кавказская администрация отвечала, что «возбужденное настроение» в Абхазии «не может считаться явлением местным; оно представляется отражением того политического движения, которым охвачены в последнее время многие части империи». В связи с этим, говорилось далее, «надлежит ожидать, что успокоение Сухумского округа будет идти параллельно с успокоением остальных взволнованных районов Закавказья, причем большая или меньшая скорость в наступлении успокоения вообще и везде стоит в прямой зависимости от такта в действиях администрации»[21].

Джандиери смутил такой необычный для властей тон. Между тем движение расширялось. Всеобщая октябрьская политическая стачка послужила толчком к выступлениям крестьян Самурзаканского участка. На многолюдных собраниях в селах трудящиеся выносили решения о борьбе с царизмом, о захвате власти вооруженным путем. На одном из таких схо-

---

[19] Там же, ф. 19, д. 21, л. 142.

[20] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 51.

[21] АИЯЛИ. ф. 1, д. 96, л. 8.

дов в целях самозащиты и «на случай возможной активной борьбы с правительственными войсками»[22], социал-демократы во главе с П. Эмухвари создали из рабочих и крестьян «боевую дружину, называвшуюся «красной сотней»[23].

С большим опозданием с содержанием манифеста 17 октября ознакомились в Очамчире. Однако это событие ознаменовалось в тихом местечке невиданными до тех пор манифестациями. Трудящиеся почтили память «по всем усопшим на поле брани за народную свободу, которые своею кровью завоевали первую позицию в виде манифеста 17 октября». Затем состоялось демонстративное шествие с красным флагом и пением революционных песен. В корреспонденции говорилось: «Посредине местечка оратором социал-демократом была произнесена речь, в которой он выяснил события, приведшие к манифесту 17 октября, а также подверг критике самый манифест. В конце своей речи он призывал граждан продолжать борьбу за полное уничтожение всех феодальных обломков, за уничтожение монархии, убеждал не довольствоваться куцой конституцией, которая является ничем иным, как долговым листком самодержавия и добиваться полной демократизации государственного строя»[24].

Бурными революционными событиями весть о манифесте была встречена в Гагре. Текст его сюда был привезен 22 октября из Новороссийска. Жители Старых и Новых Гагр устроили на другой день первую манифестацию с пением «Марсельезы» и красным флагом с надписью на нем — «Да здравствует свобода! Долой самодержавие!», который поочередно несли князь Инал-ипа и приказчик Еркомайшвили.

За участие в митинге 23 октября был арестован рядовой Бессарабского полка Луганский. Большевики «Гагринского отделения Сухумской группы РСДРП» потребовали у ротного командира освободить солдата, однако тот ответил отказом. Тогда революционеры «заявили, что освободят его силой». Они собрали народ, «выкинули красный флаг и направились к казармам». В результате «угрожающего настроения толпы, солдат был освобожден». После этого события митинги в Гагре стали проводиться часто. На них были выбраны «сотские, тысяцкие, организовывались народные суды, милиция, решался вопрос о денежных средствах, причем обложили всех, исключая... только находящихся на государственной службе, податями, решили не обращаться ни за чем, ни к какой администра-

---

[22] Кавжарадзе В. Г. Странички революционной борьбы в Самурзакани—АИЯЛИ, ф. 1, д. 99, л. 5.

[23] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 503, л. 2 и об.

[24] Черноморский вестник, 1905, 17 ноября.

ции, ни к суду, стали судить всех частных лиц... и наконец решали вопрос о вооружении»[25].

Во время одной из октябрьских демонстраций революционеры поставили у красного знамени полицмейстера Неволю и сделали фотографию[26]. Обстановка становилась взрывоопасной. 28-го октября распространился слух, что революционеры готовятся забросать бомбами управление администрации и казаков[27].

Большевики Гагр, опираясь на крепкое ядро отряда местных рабочих, отстаивали каждого революционного матроса, солдата, вооружались, формировали свою милицию, в соответствии с решениями III съезда РСДРП деятельно готовились к вооруженному восстанию. Полицмейстер Неволя особо отмечал: «Боевая организация в Гаграх существовала, подобная той, которая в Гурии»[28].

Вместе с тем в Гагре была и умеренная «новогагринская» партия, состоявшая в основном из представителей либеральной буржуазии, которая пыталась после 17 октября отвлечь трудящихся от активной революционной борьбы. Под видом того, что они представляют интересы социал-демократии, которая обладала большим авторитетом среди населения, либералы воспользовавшись народным митингом 30 октября, создали примиренческий «**Комитет по заведыванию нуждами местного населения**» (он назывался также: «рабочий союз», «бюро труда», «союз взаимопомощи») с целью «улучшения быта рабочих мирным путем на экономической почве». Этот Комитет в составе князя А. Инал-ипа (председатель), Е. Декаленко, Н. Безсонова, П. Пакельчика, А. Иванова, Г. Малова и др.[29] пытался направить бурное движение в Гагре в реформистское русло. Вскоре они вошли в соглашение с новым начальником климатической станции Кропачевым, активно выступили против забастовок, чем окончательно разоблачили себя перед трудящимися. Не случайно Кропачев отмечал: «Влияние членов гласного Ново-Гагринского комитета было безусловно благотворным, умеряющим»[30].

Большевики-«старогагринцы» повели энергичную борьбу против оппортунистов. Князь Инал-ипа жаловался по этому поводу Декаленко, что «образованная ими партия приняла

---

[25] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], лл. 21, 58, 63 и об.; д. 874[2], л. 26; д. 766. л. 18 и об.

[26] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 23—25.

[27] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 63.

[28] Там же, д. 874[2], л. 97 и об.

[29] Там же, д. 874[3], л. 242; д. 874, л. 26 и об.; д. 216[4], л. 13 и об.; д. 874[2], л. 51 и об.; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70. д. 124, лл. 28—29.

[30] Там же, лл. 30—31.

другое направление, что она не слушает его и принимает какой-то революционный характер»[31]. Руководители «новогагринцев» были уличены большевиками «в буржуазных стремлениях»[32]. Интересно, что в записной книжке главы гагрских большевиков рабочего И. К. Иванюшенко по поводу некоторых «деятельных» членов Комитета сказано: «Безсонов — либерал-буржуа. Иванов — либерал-кулак»[33].

Весьма расплывчатых политических взглядов придерживался А. Инал-ипа: одновремнено он был близок тактике меньшевиков и находился под влиянием взглядов социалистов-федералистов[34]. В связи с этим представляется неверным мнение о том, что в период накала революционной борьбы в Гагре А. Инал-ипа «сочувственно относился к большевикам, оказывал им помощь в их борьбе»[35]. Вся его деятельность в период с октября 1905 г. свидетельствовала как раз об обратном и была по сути контрреволюционной.

Большевики настраивали трудящихся на решительные действия, призывали к вооружению. На одном из многочисленных митингов в конце октября Е. Перадзе в присутствии народа воскликнул: «С помощью этого флага мы свергнем иго!»[36]. Главные силы революции шли за большевиками, они не считали манифест 17 октября окончательной победой, отвергали миротворческую тактику меньшевиков и либеральной буржуазии. «После издания высочайшего манифеста от 17 октября, — говорится в полицейском документе, — явно стали обнаруживаться революционные направления партии..., выражавшиеся в пропаганде среди местного гарнизона, забастовках, в присвоении судебной и правительственной власти, учреждении милиции, в пропаганде вооруженного восстания»[37].

Весть о манифесте дошла до Гудаут 19 октября. Большевики разъясняли подлинную суть опасной для революции царской подачки. Вместе с Г. К. Орджоникидзе, прибывшем сюда из Батума по заданию партии 26 сентября, в Гудауте активную большевисткую пропаганду вел В. Г. Бартенев. Как только трудящиеся ознакомились с текстом манифеста, они решительно высказались за продолжение борьбы. На бульваре состоялся большой митинг, взвилось красное знамя. Тогда же в Гудауте получила распространение карикатура на манифест:

---

[31] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874, лл. 26—27 и об.

[32] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 32.

[33] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874[2], л. 26 и об.

[34] Там же, д. 216[4], л. 64 и об.

[35] Сагария Б. Е. Большевики Абхазии... с. 43.

[36] ЦГИА Груз. ССР, д. 113, оп. 2, д. 216[4], лл. 41 и об., 13 и об.

[37] Там же, л. 27.

Витте раздает рабочим и крестьянам сладости, а за спиной держит кнут. Митинги стали проводиться ежедневно, в них принимала участие и революционно настроенная абхазская молодежь Гудаутской двухклассной школы: М. Гобечия, В. Агрба, М. Тарнава, А. Чукбар[38] и др.

Об этих днях Орджоникидзе рассказал в газете «Лампари» в 1906 году. «Когда 19 октября до нас дошла весть о манифесте, — писал он, — на улицы высыпала местная молодежь. Кто-то из идущих впереди нес красное знамя. Это был отряд бедняков. На второй и третий дни на бульваре состоялись многолюдные митинги. Звучали речи на грузинском, русском и абхазском языках. Выступавшие подробно разъясняли программу РСДРП, касались вопросов революционного движения в России. Все это восторженно было встречено местными жителями. После каждого митинга участники его несли красные знамена, портреты Маркса, с песнями обходя свой маленький поселок. С этого времени фактически были упразднены местные административные органы. Народ громогласно заявил, что он совершеннолетен и не нуждается в опеке... Одним словом, коль скоро в Гудауте вкусили сладость свободы, они всеми силами боролись за ее осуществление»[39].

В этот период активную работу среди трудящихся развернули В. Бартенев, следователь В. Резников — «один из ярых революционеров», его сын, а также П. Лопатин[40]. В докладе наместнику особо подчеркивалось: «Бартенев и Лопатин... являлись главными руководителями революционного движения в Гудаутах». Виктор Бартенев призывал к недопущению в Бамборы полусотни казаков, к бойкоту правительственных властей. Говорил, что «объявленную свободу надо понимать так, что теперь народ сам должен решать свои дела». Начальник Сухумского округа доносил: «Сравнивая настоящее положение Императора, Бартенев показывал имеющуюся у него в руках палку, поставленную одним концом на землю, ударяя в конец которой носком сапога, она вылетала прочь, говоря при этом, вот точно таким манером полетит и царь. Присланных в Гудауты казаков называл достойными сподвижниками гнилого правительства и царя, которые имея свиные клыки в пол-аршина, служат правительству только для того, чтобы терзать население... Вообще Бартенев выдавал себя всячески за друга населения и особенно абхазцев, всеми

---

[38] Конджария В. Мои воспоминания, с. 18; Дзидзария Г. А. Наш Серго, с. 12; Тарнава М. 1905 год в Гудаутах. — Трудовая Абхазия, 1925, 19 декабря.

[39] Келенджеридзе А. Серго Орджоникидзе — журналист. Тбилиси, 1969, с. 33—34.

[40] Дзидзария Г. А. Формирование.., с. 148—149.

способами стараясь посеять смуту, убеждая наше население к открытому неповиновению».

Октябрьские события в Гудауте ознаменовались тем, что здесь произошло «поголовное обезоружение полицейской стражи революционерами»[41], причем стражники участвовали даже в демонстрациях, а начальник участка Гаврилов вынужден был нести красное знамя[42]. Власти констатировали, что в Гудауте не было никакой солидарности между казаками и чинами администрации. В это же время под руководством С. Орджоникидзе и при активном участии члена местной боевой дружины Устабашиди, здесь была предпринята попытка наладить изготовление бомб[43].

В конце октября в местечке был создан Народный суд, полиция заменена милицией, участковый начальник бежал. Верными самодержавию оставались только казаки, отодвинутые в село Бамборы. Власть фактически перешла в руки трудящихся.

Таким образом, манифест 17 октября еще больше обострил обстановку в Абхазии, выявил истинное лицо попутчиков революции. Большевики в очередной раз доказали трудящимся, что только они готовы драться до конца, до полного крушения самодержавия и установления демократической республики. Наиболее ярко их деятельность обозначилась в Гудауте, Гагре, Сухуме и Самурказанском участке. В своей книжке, изданной 25 октября 1905 г., академик Н. Я. Марр писал: «Положение Закавказья более чем критическое. Функции правительственной власти... в некоторых местах вынуждено было присвоить себе население. Кое-где правительственная власть совершенно упразднена народом»[44]. Эта характеристика во многом соответствовала и тому реальному положению, которое сложилось в отдельных районах Абхазии. Революция развивалась по восходящей линии. Наместник на Кавказе сообщал Николаю II: «После манифеста 17 октября... революционное движение, почти потеряв краевую окраску, слилось с общеимперским»[45].

---

[41] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235. лл. 6, 20, 29 и об.

[42] Конджария В. Мои воспоминания, с. 19.

[43] Абхазский государственный музей (АГМ), ф. 6, оп. 1, д. 15, л. 44.

[44] Марр Н. Я. Из гурийских наблюдений и впечатлений. (По поводу бакинских событий). Спб., 1905, с. 10.

[45] ЦГИА Груз. ССР, ф. 1438, оп. 1, д. 721, л. 3.

§ 4. ВЫСШИЙ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИИ. СОБЫТИЯ В СУХУМЕ, ГУДАУТЕ, ГАГРЕ И САМУРЗАКАНСКОМ УЧАСТКЕ

В ноябре-декабре 1905 г. революционные события в Абхазии достигли, как и повсюду, своего наивысшего развития[1]. Стачки, митинги, демонстрации становятся обычным явлением. Бастовать начинает даже опора правительственной власти — полиция. Так, 1 ноября, под влиянием выступлений трудящихся, отказались нести свои обязанности сухумские городовые. Позднее полковник Джандиери докладывал наместнику: «Печальные события в округе с осени 1905 года, показали, что стража никогда очевидно не была поставлена на должную высоту: три поста сдали без выстрела свое оружие и патроны революционерам; а два поста участвовали в революционных шествиях под красными флагами»[2].

Растерянный наместник писал 3 ноября графу С. Ю. Витте: «Переживаем, но не знаю переживем ли, крайне безотрадное время. Из Петербурга, каждый день, неожиданные новости меняющие принятую директиву и волнующие ум»[3]. Такими же смутными предчувствиями были охвачены все высшие чины кавказской администрации, в том числе и начальник Сухумского округа. Как и в октябрьские дни, немало беспокойств доставляла властям учащаяся молодежь. По инициативе освобожденного из тюрьмы ученика С. Каландадзе, молодежь решила 7 ноября «отслужить панихиду по убитым... воспитанникам 1-й Тифлисской гимназии». Во время панихиды в соборе Каландадзе ходил по рядам учащихся и напоминал: «Когда во время богослужения будет помянуто имя Государя Императора все должны кричать: «Долой Николая»[4]. Затем к учащимся реального и городского училищ, женской прогимназии и церковно-приходской школы обратился с речью оратор социал-демократ. Собравшиеся с траурными нашивками на рукавах и черным флагом устроили демонстративное шествие[5]. На следующий день, 8 ноября, ученики реального и городского училищ направились к зданию женской прогимназии, прекратили там занятия (в течение сентября—декабря 1905 г. из-за митингов и забастовок учащихся занятия в Сухуме не проводились 25 дней[6]), а затем устроили в городском парке большой митинг[7]. На митинге молодежь потребовала «допускать ученические сходки в стенах учебных заведений» и поносила «существующий государственный строй»[8]. По призыву сухумских большевиков с утра 9 ноября в городе была объявлена общая забастовка, закрыты все торговые заведения, на зданиях развевались траурные флаги с надписями: «Долой самодержавие!», «Долой войска и полицию!», «Погибшим героям!», «Да здравствует революция!»[9]. Днем на бульваре при «многотысячной толпе народа» была отслужена панихида. «Мы собрались, — сказал социал-демократ, — почтить память погибших за свободу борцов. Но наилучшим способом почитания их памяти будет то, если мы будем продолжать борьбу за идеалы, завещанные этими славными борцами». На митинге выступил и очевидец кровавой расправы над учащимися в Тифлисе 22 октября, который нарисовал страшную картину этого убийства и закончил свою речь словами: «Смерть или свобода!», «Смерть палачам народа!». В газетном репортаже о митинге 9 ноября отмечалось, что «впечатление было громадное»[10].

Трудящиеся и молодежь, руководимые Сухумской организацией РСДРП, устроили после митинга демонстративное шествие по улицам города. Демонстранты потребовали вывесить черный флаг над зданием Мирового отдела и сорвали выездное заседание сессии Кутаисского окружного суда. Под влиянием этих выступлений 9 ноября произошли волнения и среди арестантов Сухумской тюрьмы[11]. События грозили вылиться в восстание. Директор реального училища доносил попечителю Кавказского учебного округа: «Антигосударственные ученические выступления возглавляет... Каландадзе, который, находясь в тесных связях с социал-демократами, несомненно действует по их указанию... Каландадзе и его товарищи увещевают население города выйти на вооруженное восстание»[12].

Однако в Сухумской организации РСДРП не было единства в вопросе о тактике по захвату власти. Меньшевики (Д. Эмухвари, Р. Кигурадзе, Э. Махвиладзе, Л. Кигурадзе, С. Дондуа, Т. Юделевич и др.), составлявшие большинство в руководстве партийного комитета, стремились захватить городское самоуправление мирным путем, оставляя по сути в

---

[1] Махарадзе Ф. Очерки революционного движения..., с. 189—190.

[2] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 59 и об.; ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 6 и об.

[3] ЦГИА СССР, ф. 919, оп. 2. д. 1175, л. 1.

[4] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 62; ЦГА Абх. АССР, ф. 19, д. 21, лл. 145.

[5] Черноморский вестник, 1905, 12 ноября; Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 438—439.

[6] ЦГА Абх. АССР, ф. 19, д. 21, лл. 152—153.

[7] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ноябрь—декабрь 1905 года, ч. III, кн. 11. М.. 1956, с. 840.

[8] Черноморский вестник, 1905, 12 ноября.

[9] Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 439.

[10] Черноморский вестник, 1905, 12 ноября.

[11] Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 439.

[12] Оганджанян Ш. Б. Революционное движение молодежи Закавказья. 1890—1917. Ереван, 1975, с. 203

стороне вопрос о власти. Вместе с тем, несмотря на ошибочность тактики меньшевиков в 1905 г., они все же представляли в этот период революционную организацию[13], так как выступали за свержение самодержавия и решение общедемократических задач. Сложность борьбы за власть в Сухуме заключалась еще в том, что большевики и меньшевики местной парторганизации не размежевались в 1905 году. Большевики (Л. Готошия, В. Горделадзе, С. Марганадзе и др.) активно выступали за решительные действия, призывали к вооруженному восстанию, высказывались за полное уничтожение органов старой власти, стремились до конца провести революционный переворот. И хотя большевики были в меньшинстве в руководстве Сухумской организации РСДРП, за ними шла значительная часть трудящихся.

Меньшевики, опираясь в основном на мелкобуржуазные слои населения, организовали 6 ноября под председательством Д. Эмухвари общий митинг, на котором было решено бойкотировать городскую думу и избрать ее новый состав всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Совместно с эсерами и дашнаками меньшевики на этом митинге высказались на деле в пользу реформ. Так, в резолюции, предложенной эсером В. Гобечия, говорилось: «Практика жизни после объявления гражданской свободы, манифестом 17-го октября показала несостоятельность существующей бюрократии провести в жизнь незыблемые начала гражданской свободы, почему митинг постановил: графу Витте послать открытое письмо с предложением реорганизации всей бюрократии»[14].

Сухумские большевики выступили против «переписки» с правительством в то время, как революция была на взлете, когда необходимо было действовать восстанием, когда не путь переговоров, а только сила могла решить вопрос о власти. Они отвергали реформистский путь развития революции. Под руководством Л. Готошия и В. Горделадзе ими создавались боевые «красные сотни», изыскивались средства для всеобщего народного вооружения[15]. В близлежащих от Сухума селах Гумистинского участка крестьяне производили денежные сборы на покупку оружия, не платили податей, приступили к разделу помещичьей земли. В ноябре здесь уже действовали 6 боевых отрядов, состоявшие «из беглых арестантов, каторжников и дезертиров», действия которых «дошли до возмутительных размеров». Отряды до 50 человек совершали нападения «на посты полицейской стражи.. даже днем». На-

---

[13] Махарадзе Ф. Очерки революционного движения.., с. 317.

[14] Черноморский вестник, 1905, 15 ноября.

[15] Смотрите об этом подробнее в работе: Лакоба С. З. Боевики Абхазии в революции 1905—1907 годов. с. 21—35.

чальник округа отмечал, что красносотенцы «поддерживаются местным населением, которое всегда сообщает о нахождении преследующей их команды из стражников и казаков»[16]. Все сухопутные подъезды к Сухуму блокировались, назревал решающий момент, но меньшевики вместе с эсерами, дашнаками и социалистами-федералистами фактически тормозили развязку событий в столице округа. Однако несмотря на их деятельность, сам ход революции подсказывал трудящимся методы активной борьбы с самодержавием и подтверждал правильность большевистской тактики. Так, к всероссийской почтово-телеграфной стачке вместе со служащими Баку, Тифлиса, Эривана, Кутаиса присоединились 15 ноября и служащие Сухумской почтово-телеграфной конторы[17], которых поддержал в своем публичном выступлении Б. Н. Захаров[18].

В этот период в Сухуме и его окрестностях резко увеличилось число разбоев, грабежей, краж. Администрация совершенно бездействовала в борьбе с преступностью. В сложившейся обстановке, 16 ноября, в городе состоялся митинг, на котором трудящиеся в целях самообороны избрали «Комиссию народного суда»[19], состоявшую из 15 судей, секретаря и председателя. Таким образом, творчеством народных масс, после неудачных попыток организации такого суда в Сухуме в марте и июле, он был, наконец, создан (А. Н. Мелихов ошибочно считает, что здесь народный суд начал функционировать с конца октября[20]). По этому поводу газета писала: «Образец этого народного творчества получается здесь все из той же свободолюбивой Гурии»[21].

Заведующий особым отделом кавказской полиции отмечал, что председатель суда Б. Захаров играл «самую выдающуюся роль в происходившем в 1905 году в Сухуме революционном движении»[22]. Как уже говорилось, он стоял вне партий, но был близок к большевикам Л. Готошия, В. Горделадзе. Будучи революционером-демократом Б. Захаров «говорил на митингах речи о необходимости устроить государственное управление России на началах республики и об уничтожении частной собственности»[23], внушал «темной массе публично, мысли,

---

[16] ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп.1, д. 69, л. 67 об.

[17] Там же, л. 85 Онианн В. Большевисткая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970, с. 292—293.

[18] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[1], л. 11.

[19] Там же, д. 167, л. 2 и об.

[20] Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 59.

[21] Возрождение, 1905, 4 декабря.

[22] ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 85, л. 91.

[23] Там же, ф. 113, оп. 2, д. 216, л. 50 и об.

что народ должен вооружаться и достичь всего революционным или мятежным способом»[24].

Комиссия народного суда опиралась на сформированную ею 17 ноября вооруженную силу народно-революционной милиции из 27 человек во главе с большевиком Л. Готошия. Милиция эта, возникшая на базе особых боевых групп, состояла исключительно из рабочих, которые заменили на улицах городовых[25]. Благодаря гибкой тактике большевиков, действовавших через Б. Захарова, успешно решался вопрос о денежных средствах, необходимых для вооружения рабочей милиции. По инициативе председателя Комиссии в ее состав был избран в основном весь цвет городских толстосумов: два крупных купца, председеталь Сухумского общества взаимного кредита, лесопромышленник, состоятельные торговцы и даже иностранцы. Кроме того судьями стали пятеро рабочих, два служащих и один отставной капитан[26]. Следует отметить, что состоятельные «отцы» города были введены в Комиссию народного суда против их воли, под давлением трудящихся[27], а деньги, которые они вносили в организацию суда шли на нужды революционной борьбы и прежде всего на вооружение милиции. Они фактически не играли никакой роли в работе суда, куда были «избраны» с единственной целью — финансировать через этот народный огран революцию. Председатель Сухумского общества взаимного кредита показывал: «Не было никакой возможности отказаться от участия в Комиссии из инстинкта собственного сохранения»[28].

Поверхностным представляется мнение А. Н. Мелихова о том, что представители состоятельных сословий в суде отрицательно влияли на деятельность всей Комиссии[29], так как действительным руководителем народного суда был Б. Захаров, который направлял его работу в тесном союзе с большевиком Л. Готошия в нужное для революции русло. «Этот народный суд, — отмечал Джандиери, — отправлял все функции суда и гражданского и уголовного»[30]. Л. Готошия на митингах и заседаниях суда находился около Захарова, «для чего он появлялся вместе с ним вооруженный с четырьмя также вооруженными» милиционерами[31]. Среди них наиболее активными были И. Карцивадзе, Д. Шония, С. Марганадзе[32] и другие. Только с 17 по 20 ноября народно-революционной милицией было задержано 30 преступников, виновных в убийствах и грабежах. А утром 20 ноября с парохода «Пушкин» милиционерами Ф. Очигава и Х. Селим-оглы был снят пытавшийся бежать из Сухума пристав А. Ф. Скориков, которого Готошия передал в руки правосудия. Председатель суда Захаров подверг пристава допросу в присутствии собравшегося народа. Он обвинялся в создании «черной сотни» и уничтожении народного суда в июле[33].

В самый разгар революционных событий администрация в лице социалистов-федералистов Джандиери и Тавдгиридзе оказалась парализованной. Более того они осторожно оказывали «поддержку» движению, заигрывая с ним в период высшего развития революции. Так, начальник округа передал в распоряжение народного суда арестное помещение, лично выдал Захарову и Готошия оружие, предлагал в помощь суду стражников и казаков, через Тавдгиридзе выразил готовность взять на себя исполнение решений суда о высылке преступников[34]. В ноябре Джандиери даже писал губернатору-революционеру В. Старосельскому, что «считает существование означенной комиссии необходимой для жизни города»[35].

В Комиссию народного суда обращались крестьяне близлежащих сел. Когда помещик В. Эмухвари решил с помощью властей выдворить крестьянина-арендатора Ш. Пипия, тот «апеллировал в суд революционного движения». Крестьяне подошли к дому мерхеульского князя и через своего депутата Г. Дзадзамия сообщили, что «камня на камне не оставят» от дома помещика[36]. Вместе с городским, усиливалось аграрное движение. В селах Гумистинского участка — Мерхеул, Варча, Бабушера, Пшап крестьяне приступили к разделу помещичьей земли, под руководством Готошия создавали «красные сотни».

Докладывая об оперативной обстановке в округе, Джандиери 19 ноября 1905 г. отмечал: «В деревнях создалось положение еще худшее: крестьянское население, уверившись, что собственности не должно быть, — целые села.., эксплуатируют чужим добром и имуществом произвольно»[37]. Через два дня заведующему полицией на Кавказе о деятельности крестьянских дружин Гумистинского участка сообщалось: «В окрестностях города вооруженные люди заняли дороги и не позволяют никому въезжать в город»[38].

---

24 Там же, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 10 и об.
25 Там же, ф. 113, оп. п, д. 1097, л. 4.
26 АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, лл. 33, 83, 92—131.
27 ЦГА Абх. АССР, ф. 4. д. 939, лл. 93, 156.
28 АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, лл. 127—128.
29 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 60.
30 АИЯЛИ, ф. 1, д. 82, л. 158.
31 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[1], лл. 7—9 и об.
32 Там же, д. 216, л. 20; д. 1097, л. 4 и об.
33 АИЯЛИ, ф. 1, д. 119/64, лл. 94—96, 277.
34 Там же, д. 82, лл. 83—88.
35 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216, л. 154 и об.
36 Там же, ф. 13, оп. 27, д. 1002, лл. 16 об.—17.
37 Там же, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 67 и об.
38 Там же, л. 87.

Весь Сухум был разбит на сектора, в каждом из которых размещались своеобразные наряды милиции — конные и пешие. С 17 ноября, одновременно с созданием милиции и общей забастовкой, происходили волнения среди солдат и казаков Сухумского гарнизона[39]. А накануне, 13 ноября, первый крупный солдатский митинг в Закавказье сотоялся в батумском гарнизоне[40]. Полицмейстер Набибеков подчеркивал: «Насколько было в Сухуме проявлено брожение среди населения, это видно из того, что таковое стало распространяться и среди нижних чинов сухумского гарнизона, где революционные организации действовали также, как и среди городского населения... В виду неопределенности положения, нельзя было быть уверенным в содействии воинских команд»[41].

Национально-освободительная борьба оказывала воздействие на развитие революционного движения в войсках. Она была близка и понятна для массы солдат нерусской национальности. Осенью 1905 г. мощные солдатские выступления имели место в Тифлисе, Кутаисе, Батуме, Сухуме, Гори, где по несколько сот солдат присутствовали на рабочих собраниях и митингах[42]. Под влиянием единого революционного процесса, а также недавних восстаний матросов и солдат в Кронштадте (26—27 октября) и особенно в Черноморском флоте, в Севастополе (11—16 ноября), которым руководил лейтенант П. П. Шмидт, 17 ноября собрался «солдатско-казачий митинг во дворе сухумских казарм для обсуждения своих нужд», причем ораторами были «сами солдаты и казаки». Они призывали «распространить на солдат права, признанные манифестом 17 октября»[43]. Митинг единогласно поддержал требования батумского гарнизона. На следующий день, 18 ноября, солдатско-казачий митинг продолжился на плацу, за казармами, куда пришли «многие частные лица с агитаторами»[44]. На нем были зачитаны 32 пункта «Требований солдат и казаков сухумского гарнизона», в которых наряду с экономическими были выдвинуты положения политического характера. После читки требований, выработанных под руководством большевиков, на многотысячном митинге выступил оратор социал-демократ, «который приветствовал казаков и солдат от имени

---

39 См. подробнее: Лакоба С. З. Революционные выступления воинских частей в Абхазии в 1905 году.., с. 80—82.

40 Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.—Л., 1964, с. 296.

41 АИЯЛИ, ф. 119/64, л. 360.

42 Голуб П. А. Большевики и армия.., с. 50; Агладзе А. В. Военная.., с. 15.

43 Возрождение, 1905, 4 декабря.

44 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 85 и об.

пролетариата, указав на то, что пролетариат добился свободы только тогда, когда соединился в грозную армию и когда понял, что в единении сила и призывал также объединиться и слиться с пролетариатом». Собравшиеся выразили свою солидарность с кронштадскими и севастопольскими восстаниями матросов и солдат. Завершился грандиозный митинг «Марсельезой» и совместным шествием солдат, казаков и революционного народа по улицам города[45].

Подобные пункты требований помимо Сухумского предъявили и солдаты Тифлисского, Батумского, Горийского, Ахалцихского, Телавского и других гарнизонов. Заведующий полицией на Кавказе отмечал, что они «были составлены Кавказским союзным комитетом РСДРП»[46]. В это же время распространилась такая новая форма движения, как забастовка солдат, которые отказывались исполнять полицейские функции[47]. Так, через несколько дней после митинга в сухумском гарнизоне, утром 20 ноября, полицмейстер г. Сухума, с целью разгона революционного народного суда, вытребовал роту солдат 258 полка. В соответствии с пунктом 12 предъявленных ими ранее требований, они отказались «исполнять оскорбительные для них полицейские обязанности». Полицмейстер, как говорится в донесении ротмистра Ушинского, «не решился принять какие-либо меры» и «рота была отпущена обратно в казармы»[48].

В специальной директиве от 2 декабря 1905 г. министр внутренних дел обращал внимание местных властей на то, что за последнее время по всей России революционеры «все свои усилия обратили на армию, усилив до крайней степени, как устную преступную агитацию, так и распространение противоправительственных воззваний среди войск»[49]. В ноябре-декабре в Сухуме обозначился явный перевес в пользу революционного народа. В одной из корреспонденций отмечалось, что здесь «администрации фактически уже почти не существует», что она «существует лишь номинально», благодаря попытке заключить союз между солдатами, казаками и революционным народом на митинге 17—18 ноября. Единственная опора администрации округа — «казаки, отказались ее поддерживать»[50]. Однако большевики, из-за предательской деятельности мелкобуржуазных партий, не сумели до конца восполь-

---

45 Черноморский вестник, 1905, 29 ноября.

46 Агладзе А. В. Военная работа.., с. 16.

47 Гегемония пролетариата..., с. 57.

48 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, лл. 85—86 и об.

49 Там же, д. 2, л. 28.

50 Возрождение, 1905, 8 декабря.

зоваться благоприятным моментом: солдаты и казаки сухумского гарнизона сохранили нейтралитет. Они не выступили открыто на стороне трудящихся масс. Революционными выступлениями в воинских частях для захвата власти вооруженным путем большевики не воспользовались ни в одном из районов Грузии и Абхазии[51]. Здесь не было ни одного случая открытого перехода отдельной войсковой части или подразделения на сторону революции, что, несомненно, обрекало движение народных масс на поражение.

В ноябре обстановка накалялась с каждым днем. В городе были проведены первые мероприятия по установлению нового революционно-демократического порядка. Начальник округа сообщал: «Следя зорко за движением и настроением народа, вынес убеждение, что, благодаря преступной агитации, гроза безусловно надвигается и разразится чем-нибудь ужасным, а именно: социал-демократы с революционерами пойдут на городских буржуа»[52]. Джандиери опасался массового выступления крестьян Самурзаканского и Гудаутского участков, нападения их на столицу округа. Он просил прислать дополнительные воинские формирования, чтобы расположить один батальон на границе Кодорского и Гумистинского участков — против самурзаканцев, а другой — на границе Гудаутского и Гумистинского участков, «дабы предупредить и остановить движение абхазцев Гудаутского участка»[53].

Между тем, в Сухуме, на митинге 20 ноября, «выявилась полная несостоятельность» городской думы. «Детище старого режима, — говорилось в газете, — она, представляет интересы того меньшинства собственников и капиталистов, на которых этот режим опирается. Трудового народа в ней нет и нужно немедленно учредить новую думу на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов. Многочисленный митинг восторженно принял это предложение...»[54]. Спустя неделю, 27 ноября, социал-демократы организовали большой митинг, на котором постановили удалить всех гласных думы[55], и избрать Комиссию из 12 граждан для управления городом до выборов новой думы[56]. Необходимо было действовать решительно, перевес сил складывался в пользу революционного народа, напрашивался вопрос о восстании, однако меньшевики в союзе с эсерами, дашнаками, социалистами-федералистами организовали ненужные выборы в новую «нецензовую» думу и, хотя отстранили гласных, оста-

---

51 Агладзе А. В. Военная работа..., с. 22.

52 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 69.

53 Там же, л. 69 об.

54 Возрождение, 1905, 8 декабря.

55 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 69, л. 72 и об.

56 Черноморский вестник, 1905, 25 декабря.

вили нетронутой управу, требовали от нее денег на пустую затею — производство переписи. Таким образом, народные массы отвлекались от подлинных методов борьбы. Представители мелкобуржуазных и националистических партий настраивали их на мирный лад, не призывали к полному уничтожению старой государственной машины. Благодаря им сухумская администрация заняла выжидательную позицию, собирала силы контрреволюции, формировала «черные сотни», старалась вызвать межнациональную рознь, выжидала благоприятного момента для расправы с трудящимися. Меньшевики поддерживали либералов, опирались на кулаков, служащих торговых предприятий и мелкую городскую буржуазию.

В начале декабря царское правительство повсеместно переходит в наступление. Период временного равновесия сил окончился. Назревала решительная схватка между силами революции и контрреволюции. Под влиянием московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. революционные события в Грузии достигли высшего накала. Усиливается революционное движение и в Абхазии[57]. Заведующий полицией на Кавказе сообщал 5 декабря наместнику: «Начальник Сухумского округа доносит, что социал-демократическая и революционная партии стремятся сосредоточить в своих руках бразды правления... Анархия, произвол, самосуд, бойкоты, забастовки — под руководством представителей разных партий не имеют пределов... В заключение начальник округа испрашивает разрешение прибегнуть к решительным мерам»[58].

Большевики, находившиеся в меньшинстве в Сухумской организации РСДРП, выступали за вооруженное восстание, в то время, как оппортунистическое крыло социал-демократии добивалось введения революционного самоуправления в городе мирным путем. С этой целью меньшевики вместе с эсерами, социалистами-федералистами и дашнаками организовали в начале декабря выборы специальной комиссии из 12 человек для временного руководства городом. На этих выборах социал-демократы одержали полную победу и в состав Комиссии вошли исключительно меньшевики. В ответ представители мелкобуржуазных и националистических партий стали сомневаться в правильности организации выборов и заявили, что Комиссия, которой придется ведать делами города должна представлять собой все партии, иначе она не будет популярна в народе. Боясь лишиться поддержки буржуазии, меньшевики тут же уступили пять мест в Комиссии другим партиям, одна-

---

57 Авазашвили И. М. Большевистские организации Закавказья.., с. 228.

58 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 486.

ко те отказались войти в соглашение с меньшевиками[59]. Комиссия «12» вступила все же в исполнение своих обязанностей, несмотря на межпартийный раскол, и потребовала от продолжавшей существовать под боком городской управы, деньги, на производство переписи и подготовку выборов в «нецензовую» думу. Такие полу-меры меньшевиков в самый решительный момент революции, предавали интересы трудящихся, облегчали консолидацию сил контрреволюции. Вместо того, чтобы решительным натиском ликвидировать старые органы власти, меньшевики добивались признания городским головой Комиссии «12». Как только оппортунисты получили отказ на это свое требование, они созвали 18 декабря митинг, на котором постановили бойкотировать кредитные билеты и сберегательные кассы и несмотря на протесты эсеров, федералистов, дашнаков, призвали объявить с 19 декабря всеобщую забастовку, но не с целью перерастания ее в вооруженное восстание, чего добивались большевики, а с целью вынудить управу выдать 2000 руб. для производства выборов новой городской думы[60].

Утром 19 декабря меньшевиками была выпущена прокламация с призывом к всеобщей забастовке, которая продлилась до 22 декабря[61]. Больше всего меньшевики боялись вооруженного восстания, считая самым крайним средством борьбы всеобщую забастовку. Но даже против этой умеренной по своим требованиям и задачам забастовки, выступили эсеры, федералисты и дашнаки, требования которых были еще более умеренными и ограниченными, еще более соглашательские.

Воспользовавшись конфликтной ситуаций сложившейся между партиями в Сухуме, а также тем обстоятельством, что реакция после поражения Московского вооруженного восстания перешла в наступление по всей империи, начальник округа созвал ночью 20 декабря 1905 г. экстренное совещание, которое постановило немедленно ввести «положение об усиленной охране». С этого дня были запрещены митинги, политические шествия, манифестации, забастовки, против революционеров разрешалось применять вооруженную силу, начались аресты социал-демократов[62], распускались народный суд и милиция.

На следующий день черносотенцы, верные войска и полиция учинили в Сухуме погром. Газета сообщала: «Бульвар, где обыкновенно устраивались митинги, заняло войско. Казаки и стражники разгоняли собиравшийся народ; ломали двери магазинов, требуя открытия. Однако, никто не открывал. Ночью делались обыски, отбиралось оружие и производились

---

59 Черноморский вестник, 1905, 25 декабря.

60 Там же, 1905, 23 декабря.

61 Там же, 29 декабря.

62 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, лл. 150—152 и об.

аресты. Многие были жестоко избиты. 22-го с утра магазины открылись и забастовка окончилась»[63].

Предательская тактика меньшевиков, других мелкобуржуазных партий, обернулась репрессиями против трудящихся. Первым властями был арестован руководитель боевых групп и народно-революционной милиции большевик Л. Готошия[64], выступавший за перерастание всеобщей забастовки в вооруженное восстание. Оправдывая свою тактику предательства демагогическими высказываниями, меньшевики окончательно разоблачили себя перед народом. В выпущенной ими 22 декабря прокламации говорилось: «Каждую минуту может пролиться кровь на улицах Сухума. Объявляя забастовку мы решили ограничиться этим мирным способом борьбы. Социал-демократия, ведя пролетариат к завоеванию его прав, всегда дорожила жизнью каждого рабочего, так и теперь избегая столкновения с вооруженной силой, мы предлагаем прекратить с сегодняшнего дня забастовку и, таким образом, избежать кровопролития и дать возможность рабочему люду заработать кусок хлеба на праздник»[65].

Из-за оппортунистической деятельности меньшевиков и буржуазно-националистических партий, революционная борьба в Сухуме так и не переросла в вооруженное восстание[66]. Вместе с тем фактическим хозяином положения в городе с 16 ноября по 20 декабря 1905 г. был революционный народ, так как царская администрация оказалась парализованной и не могла в сложившихся условиях пустить в ход аппарат насилия, тем более, что в местном гарнизоне происходили митинги солдат и казаков. Наступил период двоевластия, большевики призывали к восстанию и полному уничтожению старых органов государственной власти. Меньшевики стремились мирным путем ввести революционное самоуправление, оставляя в руках царского правительства органы старой власти. Такой параллелизм не мог разрешить коренного вопроса революции. В этом окончательно убедила соглашательская тактика меньшевиков в Сухуме и Поти. В свое время Ф. Махарадзе справедливо отметил: «И лишь только старая власть перешла в наступление, городские самоуправления пали сами собою, так что пример Сухума ни плодотворным, ни способствующим революции вовсе не оказался»[67].

---

63 Черноморский вестник, 1905, 29 декабря.

64 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 11 и об.

65 Черноморский вестник, 1905, 29 декабря.

66 Пачкория Г. Б. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Грузии Автореферат канд. дисс. М., 1954, с. 14.

67 Махарадзе Ф. Очерки революционного движения.., с. 190.

Бурные события в ноябре—декабре 1905 г. имели место и в Гудауте. Здесь ежедневно созывались митинги, действовали народный суд и милиция. Начальник участка бежал в соседнее село Бамборы, где расположилась сотня казаков — единственная опора местной администрации. Власть переходила в руки революционеров. Чтобы пресечь дальнейшее развитие революционного движения в Гудауту прибыл со стражниками начальник округа Джандиери. В тот же день, 18 ноября, в местечке состоялся грандиозный «сход абхазов всего Гудаутского участка». На нем выступил Джандиери, который призывал собравшихся «держаться легального образа действий и не допускать в своей среде революционного брожения»[68]. Он предупреждал, чтобы население не стремилось к «перемене старого государственного строя на новый», не слушало агитаторов. «Если вы имеете старый дом, — внушал Джандиери, — который уже протекает, то предполагая выстроить новый, вы конечно, не сожжете старый, потому что иначе останетесь без крова»[69].

Речь Джандиери на абхазский язык переводил священник Н. Ладария[70]. Однако решающую роль на сходе сыграли выступления Г. Орджоникидзе и В. Гурджуа. Последний обратился к собравшимся на родном абхазском языке. В обвинительном акте отмечалось, что «Василий Гурджуа, встав на возвышение, тут же принялся убеждать слушателей, что... теперь представляется полная свобода действий как по отношению к частной собственности, так и по отношению к власти». Еще более резким было выступление большевика Григория Орджоникидзе, который убеждал абхазских крестьян, что «существующий порядок управления никуда не годится и надо все устроить так, чтобы не платить податей, не давать правительству рекрут, что надо уничтожить полицию и администрацию и поделить между всеми землю, и что народ должен управляться сам, без царя, который ни к чему не нужен и является первым врагом народа»[71]. В полицейском документе подчеркивалось, что оба революционера — «профессиональные агитаторы»[72]. В поддержку социал-демократов произнес речь участник Лыхненского восстания 1866 г. Осман Джения, вернувшийся незадолго до революции с каторги[73].

Миссия Джандиери не увенчалась успехом. Трудящиеся высказались за продолжение революции. «События развиваются поразительно быстрым темпом и в нашем округе, — сообщалось в прессе 8 декабря. — Нужно сказать, что у нас администрации фактически уже почти не существует. В Гудаутах начальник участка народом устранен от исполнения своих обязанностей... Народ учредил милицию; по его требованию удалили из местечка казаков; с учреждением милиции порядок и безопасность все более и более упрочиваются. Народ выбрал для заведывания общими делами сотских и десятских, а всеми внутренними распорядками местечка заведует избранная населением комиссия. Мало этого, — народ взял в свои руки и судебную функцию... Таким народным судом уже решено много уголовных дел... Итак, в Гудаутах нет ни начальства, ни полиции, ни стражи, ни казаков; есть только народ»[74].

Таким образом, в местечке установилась революционно-демократическая власть, своеобразная «Гудаутская республика». Но новый порядок необходимо было распространить на всю территорию Гудаутского участка. Поэтому большевики во главе с Г. Орджоникидзе готовились к вооруженному восстанию, усилили пропагандистскую работу в абхазских селах Лыхны, Ачандара, Отхара, Дурипш, в которых предполагали создать вооруженные «красные сотни», чтобы выбить из участка последнюю опору самодержавия — казаков. С этой целью, 24 декабря, из имения кн. Инал-ипа близ Гагр в село Бамборы около Гудаут было перевезено на фелюге 200 швейцарских ружей и патроны[75]. К этому времени здесь сложилась крайне напряженная обстановка. «Пропаганда о вооруженном восстании и борьбе с правительством, — подчеркивалось в судебном материале, — вызвала брожение в народе, сопровождавшееся в м. Гудауты сначала бойкотом правительственных учреждений, забастовками, демонстративными шествиями, закрытием учебных заведений и затем вооружением населения... для чего была водворена часть оружия, доставленного 24 декабря 1905 года»[76].

Однако во время его выгрузки революционеры были обнаружены казаками, которые арестовали 10 человек, конфисковали 23 ружья, 10 штыков и 2.200 патронов[77]. На следующий день под конвоем 60-ти казаков[78] г. Орджоникидзе, В. Гурджуа, Я. Гигиберия, Э. Сасания, В. Конджария, В. Дарчия, П. Кварацхелия, В. Горгошидзе, А. Бекир-оглы, Д. Кучулория были от-

---

68 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 418, л. 3.
69 Там же, д. 1152, л. 27 и об.
70 Там же, л. 24.
71 Там же, д. 418, л. 3 и об.
72 Там же, д. 1152, л. 24.
73 Дзидзария Г. А. Наш Серго, с. 12.
74 Возрождение, 1905. 8 декабря.
75 Конджария В. Мои воспоминания, с. 24; ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 17 и об.
76 Там же, д. 418, л. 3 и об.
77 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 772.
78 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 24.

правлены в Новый Афон, а оттуда, боясь нападения революционеров, перевезены монахами на парусном судне в Сухум, где 27 декабря их заключили в тюрьму[79].

Несмотря на локальный успех движения в Гудауте, революционно-демократическая власть так и не установилась на всей территории участка. Движение ограничилось почти исключительно местечком и не породило массовых крестьянских выступлений на селе, что было безусловным минусом революции. Большевики затянули здесь подготовку восстания, не предприняли попыток выбить казаков из с. Бамборы, допустили непростительную ошибку, выгружая оружие в этом пункте — в единственном месте сосредоточения воинского формирования в участке. В результате казаки арестовали революционеров во главе с Г. Орджоникидзе и сорвали готовившееся вооруженное восстание. «Гудаутская республика», просуществовавшая около двух месяцев (фактически с конца октября), пала 24 декабря. С этого дня местная контрреволюция перешла в наступление.

Значительные события происходили в Гагре, где под руководством большевиков трудящиеся готовились к вооруженному восстанию. Главной военной силой, которая, как и в Гудауте, противостояла здесь революционерам, были казаки. В начале ноября между ними произошло первое столкновение. Через несколько дней, 6 ноября, в Гагре состоялся большой митинг, где было «решено об убрании казаков, вообще войска, упразднении полиции»[80], а также «отобрать от стражников и вообще от чинов полиции оружие» и вооружить им народную милицию.

Большевики Гагр вели кропотливую работу в селах соседнего Гудаутского участка, пытаясь соединить волну рабочих и крестьянских выступлений. С этой целью большевики И. Иванюшенко и присланный из Сухума пропагандист В. Горделадзе выехали 8 ноября «в сел. Калдахвары, где они предполагали уговорить абхазцев пристать к социал-демократической партии»[82].

На митингах открыто обсуждался вопрос о народном вооружении а 9 ноября разнесся слух, что для революционеров должно прибыть в большом количестве оружие[83]. В этот период «особою популярностью среди революционеров» пользовались Иван Иванюшенко и приехавший от сухумских большевиков Иона Кухалейшвили[84], которые успешно вели агитацию среди

79 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 24.
80 Там же, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 63 и об.
81 Там же, л. 23.
82 Там же, л. 51 и об.
83 Там же, л. 63 и об.
84 Там же, л. 27 и об.

матросов и солдат Гагрского гарнизона. Как уже говорилось, матросы эти были списаны с броненосца «Потемкин» на берег незадолого до восстания[85]. С каждым днем команду с легендарного корабля становилось все опаснее держать в Гагре. Под влиянием Севастопольского восстания, матросы 32 флотского экипажа Черноморской эскадры организовали 26 ноября митинг в парке и высказали в речах «антиправительственные суждения»[86]. Прибывший же за день до этого в Гагру новый начальник Климатической станции и гарнизона капитан Кропачев[87] решил выслать матросов в Севастополь, так как «многие из них были неблагонадежны». Но матросы «пришли на сходку» к большевикам за помощью и заявили: «Все равно мы едем на верную виселицу. Мы замечены в Севастополе, где тоже ходили на митинги. Лучше здесь мы ляжем костьми за народ, чем над вами будут издеваться эти идиоты казаки»[68].

По призыву И. Иванюшенко, А. Гватуа, И. Кухалейшвили, В. Горделадзе, Е. Перадзе, И. Бенделиани, С. Яшвили, Е. Цинцадзе революционеры потребовали 28 ноября отмены решения о высылке «восьми неблагонадежных в политическом отношении матросов»[89], в противном же случае грозили объявить всеобщую забастовку, но «не мирную, а с насилиями»[90].

Испугавшись, что стачка может перерасти в вооруженное восстание, оппортунисты из «Комитета по заведыванию нуждами местного населения» — Инал-ипа, Безсонов, Малов, Пакельчик, Иванов приступили к консультациям с Кропачевым и открыто выступили против организации общей забастовки[91]. Такое откровенное предательство меньшевиков и либеральной буржуазии отшатнуло от них многих трудящихся.

В связи с отказом Кропачева, большевики объявили 28 ноября полную забастовку. Закрылись все лавки, магазины, рабочие овладели пекарней, из которой «выдавали хлеб только революционерам»[92]. Слесарем Ф. Аксеенко (он же Аксенов) был перерезан водопровод[93]. Выше дворца Ольденбургского вооруженные рабочие устроили бойницы[94]. Большевики выдвинули на эти позиции ударную группу боевиков, отряд которых назывался «Народной охраной» и состоял из 28 человек во главе с сотс-

85 Лакоба С. З. Революционные выступления.., с. 79.
86 ЦГИА Груз ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4] л. 63 и об.
87 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 27.
88 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 766, л. 18 об.
89 Там же, д. 216[4] л. 27 об.
90 Там же, л. 58 об.
91 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 31.
92 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 58 об.
93 Там же, д. 766, л. 18 об.
94 Там же, д. 216[4] л. 63 и об.

ким Францем Олесинкевичем. В него вошли преимущественно рабочие: А. Джаяни, Л. Воронов, Т. Нарсия, А. Горвацкий, О. Юревич, Д. Бенделиани, П. Лылов, М. Кигурадзе, В. Еркомайшвили, Г. Сорока, К. Холовшиц, А. Шерснюк, А. Григорьев, И. Долматов, Г. Черемушкин, П. Озацкий[95] и другие.

Выступая на митинге, один из ораторов высказался: «Матросы за нас и мы должны быть за матросов». Большевики «старались совратить казаков, нижних чинов пограничной стражи, стражников и вообще всех воинских нижних чинов на сторону революционной партии»[96]. Командир местного отряда Черноморской береговой пограничной стражи ротмистр Крживолоцкий писал по поводу событий 28 ноября: «Торжество революционеров было полное. После этого гарнизон Гагр не только был ослаблен на 24 человека, но и получил 24 хорошо вооруженных противника, что при остальном гарнизоне (рота, казаки, и пограничная стража) в 65 человек имело существенное значение. Между матросами и революционерами началось сближение. Матросы поняли, что революционеры составляют силу, перед которой пасует администрация.., и потому являются их надежными защитниками, и чтобы сблизиться с ними, стали ходить на митинги... В свою очередь революционеры стали по ночам являться к матросам в казарму». Таким образом «вся власть постепенно и очень мирно» переходила здесь «к революционерам, их комитет действовал»[97].

Положение в Гагре становилось угрожающим и власти отменили распоряжение о высылке матросов[98]. С этого момента «действия революционеров становились все нахальней и нахальней». Они предъявляли самые разные требования, которые тут же удовлетворялись. Революционеры «посадили своего депутата в пекарню, который отпускал хлеб по своему усмотрению» и не выдавал его состоятельным гражданам и казакам. Большевики знали, что гарнизон парализован, «войска по своей инициативе действовать не могут, и продолжали мирно достигать своей цели и мирно вооружаться»[99].

Проблема вооружения народа была вскоре полностью решена. В конце ноября 1905 г. в имении князя А. К. Инал-ипа близ Гагр революционеры выгрузили с кочермы 1.600 швейцарских тринадцатизарядных ружей системы «Веттерлин» и 50 тыс. патронов[100], причем «часть этого орижия была назначена

---

95 Там же, д. 8742 л. 27 и об.

96 Там же, д. 2164, л. 27.

97 Там же. л. 59 и об.

98 Там же, л. 58 и об.

99 Там же, л. 59 и об.

100 Там же, д. 8742, л. 52 и об.; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, 56.

для потийцев и сухумцев, а часть для местного населения»[101]. Это была одна из партий оружия, которое социалисты-федералисты закупили в количестве 8.500 ружей и 2,5 миллионов патронов в Швейцарии, затем переправили его в Голландию, а оттуда на зафрахтованном ими пароходе «Сириус» водворили в пределы Кавказа. В ночь на 9 ноября корабль стал в открытом море, недалеко от Поти и начал разгружать оружие на фелюги, которые доставляли его в опорные пункты федералистов на побережье[102]. Однако часть оружия была перехвачена пограничниками в море 13 и 15 ноября около Сухума и Поти[103]. Вышедшая утром 16 ноября из Очамчир канонерская лодка «Донец» прибыла в Поти для перевозки в Севастополь «отобранных у кавказцев ружей» — 1.761 винтовки и 32 тысяч патронов[104].

И все же значительное количество оружия было доставлено по назначению. Выгружалось оно, в основном, в Мингрелии, где социалисты-федералисты имели многих последователей, особенно в Зугдидском и Сенакском уездах[105]. Пытаясь распространить влияние на гурийцев, у которых даже слово «федералист» считалось бранным, автономисты предложили им оружие. Но местные социал-демократы разгадав этот тактический замысел, не пожелали, чтобы федералисты вооружали народ. Вместе с тем они сформировали боевую дружину и силой отбили у федералистов винтовки и патроны[106].

Не случайным представляется тот факт, что оружие было выгружено и около Гагр. Во-первых, здесь, в поселке Новые Гагры определенным влиянием пользовались сторонники федералистов и, во-вторых, как уже говорилось, не чужд их взгядов был князь А. Инал-ипа, находившийся в самых тесных отношениях с одним из лидеров автономистов Федотом Сахокия, который прибыл сюда из Сухума через неделю после выгрузки. Почти одновременно с ним приехал большевик Василий Горделадзе, сбросивший вместе с Л. Готошия с эстрады Сахокия во время его приветственного выступления по поводу манифеста 17 октября. Сахокия был против вооруженного восстания и заяв-

---

101 Там же, д. 2164, л. 28 и об.

102 Мгеладзе Д. И. Борьба большевиков Грузии за вооружение масс в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1963, с. 19—20.

103 Революция 1905 года в Закавказье. (Хроника событий, документы, материалы). Тифлис, 1926, с. 101.

104 ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. 1. д. 3319, лл. 38—39.

105 Махарадзе Ф. Очерки революционного движения.., с. 319.

106 Каландадзе В., Мхеидзе В. Очерки революционного движения в Гурии. Спб., 1906, с. 83.

вил, что привезенное оружие раздается членам его партии в целях самообороны.

В начале декабря, когда Ф. Сахокия гостил в доме А. Инал-ипа, абхазский князь окончательно отошел от идей социал-демократии меньшевистского толка и примкнул к федералистам, преследуя свои узкие интересы. Сразу по прибытии Сахокия, первая партия оружия была распределена между федералистами из Новых Гагр. В жандармском документе отмечалось: «Сахокия раздавал его, а Инал-ипа сулил раздать землю от города Сочи до Сухума и чтобы они выбрали его... князем Абхазии, так как теперь будет не один царь, а свой в Абхазии, Гурии, Грузии»[107].

Но планам федералистов помешал В. Горделадзе, который был частым гостем в Гагре, осуществляя, по-видимому, связь между сухумской партийной организацией и ее местным отделением. Под его руководством гагрские социал-демократы потребовали от Сахокия передать им часть оружия, но тот ответил отказом. «Тогда возник раздор между автономистами с одной стороны и социал-демократами с другой стороны, — вспоминал Ф. Олесинкевич, — и в то же время среди последних также образовались две партии: одна из них не желала вооружаться вся, за исключением нескольких только человек «боевой дружины» необходимой для самозащиты... Другая же партия склонялась к революционной программе и требовала от автономистов оружие, угрожая в противном случае отнять таковое силою»[108]. К этому последнему большевистскому ядру принадлежали «старогагринцы» братья А. и И. Бенделиани, И. Иванюшенко, Ф. Олесинкевич, М. и Е. Еркомайшвили, Е. Цинцадзе, С. Яшвили и другие. Меньшевики же по сути отказались от всенародного вооружения и подготовки восстания. Подобную позицию заняли и федералисты, ограничившись вооружением в целях самообороны.

Таким образом, между «старо»- и «новогагринцами» отношения накалились и чуть было не вылились в открытые столкновения. Разногласия эти в некоторой степени носили территориальный характер. Дело в том, что Новые Гагры населены были почти исключительно пришлыми торговцами из Мингрелии, которые с приездом сюда. Ф. Сахокия перешли на сторону федералистов и стали противодействовать «старогагринцам»— большевикам, в основном русским и гурийским рабочим[109], в захвате ими оружия и в подготовке вооруженного восстания.

Вместе с тем Ф. Сахокия и его сторонники, «не имея возможности сопротивляться» более сильной и организованной большевистской партии, вынуждены были передать ей значительное количество оружия. Позднее, как отмечалось в полицейской справке, часть ружей и патронов была отправлена морем в Гудауту, а также в Зугдидский уезд[110].

Вскоре после радачи оружия в Гагре. 8 декабря, между «старо»- и «новогагринцами» произошел окончательный разрыв, причем председатель «Комитета по заведыванию нуждами местного населения» кн. Инал-ипа вошел в соглашение с царской администрацией, выступил за мирный путь развития революции, против организации забастовок, в связи с чем сорвал еще 28 ноября вооруженное выступление народа.

В полицейском документе подчеркивалось, что «противоправительственный образ действий старо-гагринской партии и побудил новогагринцев с председателем князем Инал-ипа во главе отделиться с 8 декабря 1905 года от этой партии, как действующей самовольно и противозаконно, о чем начальнику климатической станции было подано официальное объявление»[112].

Действия большевиков вынудили А. Инал-ипа и его сторонников выйти из состава Комитета, так как он перестал пользоваться поддержкой большинства трудящихся шедших за «старогагринцами». Спустя несколько дней, 12 декабря, во главе нового состава Комитета «старогагринцы» избрали рабочего имения «Отрадное» большевика И. Иванюшенко. На митинге за избрание Иванюшенко выступил с горячей речью представитель Сухумской организации РСДРП большевик Иона Кухалейшвили. Отныне Комитет проповедовал «революцию и вооруженную борьбу с правительством»,[113], превращаясь в подлинный орган народно-революционной власти трудящихся. «С этого времени, — отмечал Кропачев, — стал обнаруживаться революционный характер движения»[114].

Народно-революционный комитет взял под свой контроль деятельность милиции, сосредоточил в своих руках все продовольственные запасы, организовал кассу помощи больным, приглашал профессиональных ораторов-большевиков, проводил всеобщее народное вооружение, направлял работу народного суда, призывал к забастовкам и вооруженному восстанию[115].

Большую агитационную работу в декабрьские дни проводил один из наиболее видных большевиков Авксентий Бенде-

---

107 ЦГИА ГРУЗ. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 216[4], л. 64 об.
108 Там же, д. 874[2], л. 52 и об.
109 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 56—57.
110 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1. д. 383, л. 35 и об.
111 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 55.
112 ЦГИА Груз.ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874, л. 28.
113 Там же, д. 874, л. 29 и об.
114 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 32—33.
115 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874, л. 28 об.

лиани, который «пропагандировал вооружиться и объявить революцию». Он открыто заявлял, что «положение правительства похоже на расшатанные зубы семидесятилетней старухи и что народ в скором времени возьмет все в свои руки». Большевик агитировал матросов «в случае столкновения с полицией и казаками действовать оружием против них». Бенделиани говорил: «Не бойтесь у нас много оружия, мы полиции покажем силу нашу и скоро ни одного полицейского не будет. Помните сегодняшнее число — 15 декабря»[116].

По свидетельству ротмистра Крживоблоцкого, «оратор Кухалейшвили призывал к избиению администрации, чиновников и военных»[117]. Вблизи имения Инал-ипа, у кирпичного завода, 18—19 декабря большевики произвели первую массовую раздачу оружия рабочим и крестьянам-арендаторам. Оружие народу выдавали И. Кухалейшвили, И. Иванюшенко, Ф. Олесинкевич[118]. Тогда же 19, 20, 21 декабря в Гагре состоялись большие митинги. Благодаря интереснейшему документу — сохранившейся записной книжке Ф. Олесинкевича, становятся известными вопросы, разрешенные на этих митингах. Вот некоторые из записей: «19-е декабря: о народном вооружении. Утвердительно. О милиции. Выбрана комиссия из Альфонса Горвацкого, Цинцадзе и Холовшица. Выбрано 3 милиционера платных, 20 добровольцев... Выбрана комиссия из 9 лиц по делу управляющего имением «Отрадное» Скибинского, обвиняемого в бесчеловечном обращении с двумя рабочими. 20 декабря 1905 г... Речь оратора о всероссийской революции, о значении народных судов и правильной организации социал Д. Р. П. Выбрана ревизионная комиссия из 3-х лиц для проверки кассы»[119].

Другое ценное свидетельство — записная книжка И. Иванюшенко, в которой, в частности, говорится, что в декабре «Гагринское отделение Сухумской группы РСДРП» насчитывало 34 члена (26 мужчин и 8 женщин). Районными же представителями в Сухумской организации были большевики И. Иванюшенко и М. Еркомайшвили. В книжке говорится и о повседневной организационно-партийной работе: «1. Сорганизовать политический кружок в имении Отрадное. Исполнено 19/XII. 2. Сорганизовать кружок на 6 версте на пилке дров. Исполнено.» Есть в ней также записи о денежных взносах в партийную кассу. Полиция указывала и на сведения о том, что «Иванюшенко следил за исполнением постановлений партии и собирал сведения о случаях нарушения таковых»[120].

Народный суд в Гагре осуществлял революционную законность. В судебную комиссию входили 9 человек: И. Иванюшенко (председатель). Ф. Олесинкевич, И. Кухалейшвили, А. и И. Бенделиани, П. Маглакелидзе, С. Тавадзе и другие. «В сущности суды их совершали насилия, — показывал Крживоблоцкий, — так как они судили не только своих, но вовсе не причастных к их организации и все отлично знали, что если вызываемый на суд не признает их суда, то ему грозит месть и пожалуй даже смерть... Доказательством моего взгляда на это служит дело Скибинского, который признал решение суда... Наконец в селении Гагры по решению народного суда был уничтожен в пекарне хлеб и пекарь оштрафован за плохой хлеб — разве это не насилие? Но все сходило безнаказанно»[122].

Показательно в этом смысле дело об управляющем имения «Отрадное» Скибинском, который избил рабочих Дмитрушкова и Дубовца. Когда же те обратились к Кропачеву, тот сказал: «Заявите вашу жалобу в народный суд». Под охраной милиционеров Скибинский был доставлен 19 декабря в судебную комиссию. Народный суд под председательством Иванюшенко приговорил управляющего к месячному аресту и взыскал с него 20 руб. в пользу двух рабочих и 50 руб. на народную милицию. Все это было исполнено Скибинским, после чего он бежал из Гагр[123].

Нежелавший «делать взносы в революционный комитет» подрядчик Д. Паркая, постановлением суда «обязывался к немедленному выезду из Гагр». Революционному суду были подвергнуты также заведующий материальным складом Евстигнеев, фотограф Юнек. Через суд уплатил полтора процента с получаемого содержания переводчик принца Ходажго Баталов Али Мурзиев[124]. В этот период по решению большевистской организации, у приехавшего из Петербурга по требованию принца следователя по особо важным делам Бурцова, были похищены 21 декабря материалы расследования обстоятельств убийства Шереметьевского[125].

Утром 25 декабря в Старых Гаграх между рабочими и казаками произошла ссора, а «вечером весьма крупное столкно-

---

116 Там же, д. 216⁴ лл. 13 об.—14.
117 Там же. л. 60.
118 Там же, л. 28 об.
119 Там же, д. 874², л. 28 и об.
120 Там же, д. 874², л. 26 и об.
121 Там же, д. 874, л. 28 об.; д. 216⁴, л. 39 и об.
122 Там же, д. 216⁴, л. 59 об.
123 Там же, лл. 39 и об.; 15 и об.
124 Там же, д. 766, л. 18 и об.
125 Там же, ф. 1438, оп. 1, д. 598. лл. 113—13 и об.

вение»[126]. Революционеры «стали себя держать вызывающе». В это время в Новых Гаграх по призыву большевиков собралось более 300 человек, которым сообщили, что «в Гаграх началось столкновение между казаками и революционерами»[127]. Сотник Буткевич обратился по телефону за помощью к Кропачеву. Однако все успокоилось, когда Инал-ипа заявил, что в Старых Гаграх ничего не произошло. Когда же стражники, расположенные в Новых Гаграх и в имении «Колхида» великого князя Алексея Михайловича, по приказу Кропачева должны были стянуться в Старые Гагры, «вооруженные жители» стали им препятствовать. Но опять-таки благодаря предательским действиям Инал-ипа, они были пропущены через три засады и тем самым укрепили гарнизон Климатической станции. «Слово свое Инал-ипа исполнил, — писал Кропачев, — стражники пришли в Гагры беспрепятственно»[128].

На следующий день, 26 декабря, состоялась вторая массовая раздача оружия. Она производилась «в Новых Гаграх сухумским оратором Васо Горделадзе»[129], который вместе с руководителем сочинских большевиков Авксентием Гватуа, прибывшем сюда 25 декабря с целью формирования боевой дружины[130], призвал собравшихся к вооруженному восстанию. После речи А. Гватуа революционеры решили «идти в количестве 60 человек из обеих Гагр в Сочи»[131]. На митинге выступил и кн. Инал-ипа. В отличие от большевиков В. Горделадзе, И Иванюшенко, Ф. Олесинкевича, А. Гватуа, он призывал собравшихся отказаться от участия в восстании[132], а Кропачева заверял, что в Гагре будет все спокойно[133]. Но несмотря на увещевания князя, большинство собравшихся поддержало лозунг восстания и в тот же день революционеры стали партиями уходить в Сочи, а оружие отправили на фелюге морем[134].

Растерянный Кропачев медлил, офицеры обвиняли его «в бездействии и уступках революционерам», но он говорил, что «вынужден так действовать и смотреть на все сквозь пальцы», так как «гарнизон в Гаграх слаб и может только разве защитить крепость»[135].

[126] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 36.
[127] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 2164, лл. 60 и об.—61.
[128] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, л. 38.
[129] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 2164 л. 28 и об.; д. 8742. л. 52 и об.
[130] Тулумджян А. О. Декабрьское вооруженное восстание..., с. 147.
[131] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 2164, лл. 60 и об.—61.
[132] Там же, л. 29 и об.
[133] Там же, л. 61.
[134] Там же, л. 28 и об.
[135] Там же, л. 60 и об.

Гагрские дружинники, среди которых находились большевики Ф. Олесинкевич, Д. Бенделиани, Г. Черемушкин, Ф. Аксенов, А. Джаяни (участник русско-японской войны), Г. Геленава, Н. и И. Чачава, Т. Нарсия, М. Кигурадзе, М. и Е. Еркомайшвили, Е. Цинцадзе, С. Яшвили[136] и другие почти беспрепятственно прошли в Сочи и приняли активнейшее участие в вооруженном восстании. Серьезное ранение здесь получил слесарь Федор Аксенов, который «в боевой дружине... играл видную роль». Это было его второе ранение в революции: первое он получил в Сухуме в октябрьские дни 1905 г., после чего был большевиками направлен в Гагру[137], а затем с оружием в руках пришел на помощь сочинским повстанцам[138].

Через несколько дней, 29 декабря, в Гагре стало известно о начавшемся восстании. Администрация и казаки были напуганы. По свидетельству Кропачева «очень взволнован» сочинскими событиями был Инал-ипа, который объяснял ему, что «желая удержать жителей района станции от участия в Сочинском восстании, два часа говорил речь на митинге в Новых Гаграх, но Гватуа различными приемами старался побудить народ к участию в восстании»[139]. Власти ожидали, что сочинские повстанцы (Сочинская демократическая республика просуществовала с 28 декабря 1905 г. по 5 января 1906 г.[140]) явятся в Гагру.

Администрация в эти дни не обладала достоверной информацией о сложившейся по всей империи обстановке. Связь с внешним миром оказалась прерванной[141]: почта и телеграф бездействовали, пароходы не ходили. «Доходили сведения неясные и тревожные, — показывал ротмистр Крживоблоцкий, — в роде Петербург сдался революционерам, а Москва борется еще, Ростов в руках революционеров, Новороссийск также, в севастополе бунт, в Тифлисе наместник отказался от власти и передал ее революционерам... Все это сильно действовало на нервы, помощи как будто неоткуда было ждать, надо было надеяться самим на себя, а между тем и тут постепенно власть переходит к революционерам»[142].

[136] Там же, д. 874, л. 29 и об.; д. 2164, лл. 14, 28 и об.
[137] ЦГА Абх. АССР, ф. 1047, д. 67, лл. 8—9.
[138] Тулумджян А. О. Из истории революционного движения..., с. 72—73, 108.
[139] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 40—41.
[140] Тулумджян А. О. Декабрьское вооруженное восстание..., с. 158.
[141] Партия большевиков в революции 1905—1907 годов. Документы и материалы. М.. 1961, с. 381—382.
[142] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 2164, л. 60.

Такова была неопределенность состояния военных в Гагре в конце декабря. При первой же возможности связаться с принцем, Кропачев сообщил ему о местных событиях и просил о помощи. Находившийся на курорте Биарриц (Франция), А. Ольденбургский телеграфировал 3 января 1906 г. в Петербург военно-морскому министру А. Бирилеву: «Получил донесение... гвардии капитана Кропачева, что в Сочи ожидается восстание. В Гаграх уже было, но прекращено. Теперь ожидается более сильное... Очень прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в немедленной посылке хотя бы миноносца Черноморской эскадры в Гагры для поддержки сухопутных войск, если можно с пулеметами и усиленным экипажем»[143].

Но восстание в Сочи было уже в полном разгаре. А в революционном митинге в Старых Гаграх 5 января вынуждены были принять участие Кропачев и его заместитель Шевелев. В этот же день, боясь разоблачения, уехал в Сухум кн. Инал-ипа, который все время успокаивал население, призывал трудящихся отказаться от вооруженного восстания. Выступивший на митинге И. Кухалейшвили рассказал о революционных преобразованиях в Сочи, Новороссийске и Сухуме, окончательно разоблачил тактику предательства меньшевиков, федералистов и либеральной буржуазии. Указал, что «во главе комитета» долгое время стояли «Инал-ипа — князь, помещик, буржуа, имеющий почти самодержавную власть над народом», его соратники «Безсонов, Пакельчик, Иванов — тоже буржуа и убежденные монархисты, примазавшиеся к рабочему движению для достижения своих целей», а также «с особенной яростью отозвался о Дикаленко»[144]. На митинге большевики под руководством Кухалейшвили и Иванюшенко постановили начать восстание в Гагре 9 января[145], однако время оказалось упущенным.

Над Климатической станцией уже нависла смертельная опасность. В тот день, когда на митинге 5 января был окончательно назначен срок восстания, принц в панической телеграмме просил великого князя Николая Николаевича: «Только что получил окольным путем донесение... Кропачева, что положение там чрезвычайно опасное. Гагры отрезаны. В Сочи бунт. Окружное население мингрельцев и присоединившихся к ним абхазцев все вооружено магазинными ружьями, открыто организованы революционные комитеты вроде Бессарабского полка... Просил Бирилева прислать военное судно с усиленным экипажем и пулеметами. Третий день не получаю ответа. Воронцов бездействует. Престиж России падает. Помоги выйти из этого безвыходного положения. Проси если нужно Государя разрешить послать в Гагры из Одессы или Севастополя прямым рейсом две роты солдат и пулемет»[146].

На сей раз телеграмма Ольденбургского подействовала: 7-го января на рейде против Новых Гагр стал эскадренный миноносец «Живой», находившийся «в отдельном плавании в Черном море для особого назначения»[147]. В тот же день против Старых Гагр бросили якоря минный транспорт «Дунай» и канонерская лодка «Терец»[148]. Одновременно с этим событием вернулся в Гагру и Инал-ипа. А 9-го января сюда пришел из Новороссийска военный транспорт «Днестр»[149] с двумя сотнями пластунов, которые произвели здесь совместно с администрацией и казаками погром и аресты[150].

Еще накануне прибытия кораблей, обвиненный офицерами в измене, Кропачев был отстранен от командования и в результате военного «переворота» команду гарнизоном принял капитан Родзевич[151]. Реакция перешла в наступление.

Таким образом, в ноябре 1905 — январе 1906 г. в Гагре был фактически установлен революционно-демократический порядок: действовали народный суд, милиция, под руководством большевистской партии произведено народное вооружение, 60 дружинников приняли участие в Сочинском восстании. Вместе с тем большевикам противостояли здесь меньшевики, федералисты, либеральная буржуазия, которые вносили раскол в революционное движение, отвлекали трудящихся от вооруженной борьбы. Администрация была парализована революционерами, но не сломлена. Гарнизон, за исключением казаков, сохранял нейтралитет. Матросы, так и не перешли открыто с оружием в руках на сторону народа. Большевики не сумели использовать до конца благоприятный момент 28 ноября, когда общая забастовка не вылилась в восстание, а наметившееся сближение революционеров с матросами и солдатами гарнизона не переросло в боевое единение сил. К движению не примкнуло в своей массе крестьянское население. После ухода в Сочи отряда красносотенцев, составлявших опору гагрской большевистской организации, общий накал борьбы за власть здесь явно спал, руководители большевиков увлеклись разоблачением тактики предательства оппортунистов, в то время, как дорог был каждый час, когда необходимо было брать власть

---

143 ЦГА ВМФ СССР, ф. 417, оп. 1, д. 3550, л. 30.
144 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, д. 124, лл. 41—42.
145 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874[4], лл. 219—220.
146 ЦГА ВМФ СССР, ф. 417, оп. 1. д. 3550, л. 49.
147 Там же, ф. 870, оп. 1, д. 34918, л. 16.
148 Там же, д. 34871, лл. 51—53.
149 Там же, л. 56.
150 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 874[2], лл. 219—220.
151 Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 82.

вооруженной силой революционного народа. Вместо того, чтобы начать восстание одновременно с сочинскими событиями, большевики медлили. Последняя такая возможность оказалась упущенной и 5 января, когда нужно было начинать восстание прямо с митинга, а не откладывать его на четыре дня. Такая отсрочка в момент повсеместного наступления сил реакции оказалась губительной для восстания и обрекла революционное движение в Гагре на преждевременное поражение.

События первостепенного значения происходили и в Самурзаканском участке. Близ села Чубурисхинджи, на правом берегу реки Ингур, 4-го декабря собрался многотысячный сход жителей участка[152]. В самый разгар его на абхазский берег Ингура переправились двое вооруженных людей и сообщили, что в Зугдиди находится кутаисский вице-губернатор Кипшидзе и что он желает побеседовать с самурзаканцами. Скоро показалось около 700 всадников[153] с красными флагами и надписями на них: «Да здравствует свобода!»[154] Вице-губернатор подъехал к самурзаканцам в сопровождении помощника зугдидского уездного начальника и двух мировых посредников[155].

Впоследствии князь села Отобая Петр Анчабадзе показывал: «Признаюсь, нас сильно удивил такой порядок разъезда представителя правительственной власти»[156]. Кипшидзе поздравил многотысячный сход крестьян с манифестом 17 октября и объявил, что «народ отныне должен жить свободной жизнью», что «времена теперь переменились и настала пора широкого самоуправления». Позднее прапорщик милиции Сасрыква Лакербай показывал: «До приезда вице-губернатора и Платон Эмухвари мутил втихомолку, но затем, появляясь на разных собраниях, произносил речи открыто: уверял, что старого правительства больше нет..., что землю нужно поделить поровну и что никаких повинностей не следует платить»[157].

После столь знаменательного выступления Кипшидзе «население совершенно изменилось и начало верить всему тому, что говорили Эмухвари, Гулуа, Кавжарадзе и Демурия, да и они, видя, что их слушают, начали вести себя смелее: Платон во всех общинах Самурзакани назначил тысяцких и сотских от «эртобы» и сформировал красную сотню; они были с ног до

152 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214. л. 93 и об.
153 Там же, ф. 13, оп. 22, д. 224, л. 1.
154 Там же, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 191 и об.
155 Там же, ф. 13, оп. 22, д. 224, л. 1 и об.
156 Там же, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 191 и об.
157 Там же, л. 93 и об.

головы вооружены, а на левом рукаве имели красные нашивки...»[158].

На объединенном сходе самурзаканцев и зугдидцев 4 декабря, вслед за Кипшидзе выступил, сидя верхом на коне, приехавший вместе с ним Леон Шенгелая. В обвинительном акте по делу П. Эмухвари особо отмечалось: «Из толпы, окружавшей Кипшидзе, выделился студент Леон Шенгелая... и под красным революционным знаменем произнес перед самурзаканцами речь, возбуждая слушателей к насильственному ниспровержению существующего в Империи государственного строя, повторив в общем те доводы и пожелания, которые часто высказывались Платоном Эмухвари... В связи с поздравлением. Кипшидзе эта речь, произнесенная в присутствии и как бы с ведома и одобрения высшего чина губернской администрации, произвела ошеломляющее впечатление на самурзаканцев, и все вместе взятое вселило в них всеобщее убеждение, что, действительно, старому режиму наступил конец и все слышанное на митингах от агитаторов есть сущая правда. С этого времени в Самурзаканском участке значение и авторитет Эмухвари... возросли до крайних пределов, и народное брожение пошло ускоренным темпом»[159].

Платон Эмухвари был лично знаком со студентом юридического факультета Харьковского университета, социал-демократом Л. Шенгелая, впоследствии грузинским писателем, известным под псевдонимом Лео Киачели. Не удивительно, что речь будущего писателя, автора крупных историко-революционных произведений, в том числе и на абхазскую тематику, «произвела ошеломляющее впечатление на самурзаканцев». Участник схода 4 декабря, революционер В. Г. Кавжарадзе позднее вспоминал: «На этом собрании, между прочим, присутствовал Лео Киачели, а также вице-губернатор Кутаисской губернии Кипшидзе»[160].

Несомненно, Кипшидзе приехал в Абхазию по поручению «красного губернатора», революционера В. А. Старосельского, который, конечно же, как глава правительственной власти в Кутаисской губернии, был хорошо осведомлен о движении в Самурзаканском участке. Целью этого визита было, как выразился сам Кипшидзе, «условиться действовать сообща с зугдидцами»[161]. Тактика революционной борьбы настоятельно требовала слить в единый революционный поток движение Западной

158 Там же, л. 86 об.
159 ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, лл. 3—4.
160 Кавжарадзе В. Г. Странички революционной борьбы.., с. 7.
161 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 192 и об.

Грузии и Абхазии. Попытка такого слияния и была предпринята Кипшидзе и Л. Киачели, с одной стороны, Платоном Эмухвари — с другой.

«Приговором особого присутствия Тифлисской судебной палаты, — говорится об Эмухвари в деле за 1908 г., — признан виновным в том, что во второй половине декабря 1905 года вступил в образовавшееся в Самурзаканском участке... преступное сообщество лиц, поставившее целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России... образа правления и имевшее в своем распоряжении склад оружия, в видах осуществления задач какового сообщества, сообщники вели среди населения систематическую публичную пропаганду революционных идей, возбуждающих слушателей к игнорированию правительственной власти, неплатежу податей и налогов, отказу в поставке рекрут, бойкоту правительственных лиц и учреждений и вооруженной борьбе с правительством для ниспровержения путем восстания существующей формы правления и замены оной демократическою республикой.. причем Эмухвари действовал в качестве организатора и главы сообщества и учинил все вышеперечисленные действия»[162]

Платон Бахович Эмухвари (Эмхаа) (1870—1922) — член Батумского комитета РСДРП[163], первый профессиональный революционер-большевик из абхазцев, руководитель «Самурзаканской республики». Его соратник по борьбе Евстафий Гулуа писал в 20-летие первой российской революции: «Платон Эмухвари был выдающимся революционером»[164]. В обвинительном акте в отношении П. Эмухвари отмечалось, что «он являлся вершителем всех дел организации и главным представителем ее»[165]. По делу о «Самурзаканской республике», которая так и именовалась в документах, П. Б. Эмухвари (38 лет) был осужден 28 апреля 1908 г. на четыре года каторги с лишением прав состояния, учитель В. Г. Кавжарадзе (24 лет) и крестьянин Е. Т. Гулуа (40 лет) к пожизненной ссылке в Сибирь, а князь Л. М. Чичуа (24 лет) и учитель К. Г. Шария (32 лет) получили по два года крепости каждый[166].

...Спустя неделю после объединенного схода 4 декабря, весь Самурзаканский участок продолжал кипеть от избытка революционной энергии. И вот, 10 декабря, на том же месте, в Чубурисхиндской общине, вновь собрался народ и П. Эмухвари в присутствии начальника участка М. Глинского объявил,

[162] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1909, оп. 47. д. 29, лл. 5—6.
[163] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп.2, д. 214, л. 131 и об.
[164] Гулуа Е. Самурзаканская республика. — Трудовая Абхазия, 1925, 25 декабря.
[165] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. 5 об.
[166] Там же, лл. 9—10.

что «население собралось для того, чтобы решить вопрос относительно полиции, которая совсем никому не нужна»[167]. К тому времени по договоренности П. Эмухвари с Кипшидзе и Л. Киачели самурзаканцы получили от зугдидцев 40 швейцарских ружей, которыми вооружились члены одной из боевых дружин под командованием Чинчора Маргания[168]. На сходе 10 декабря было решено «отобрать казенное оружие стражи даже путем насилия, если это понадобится»[169]. Целью отнятия оружия было вооружение «красной сотни», [170], которая состояла из жителей Самурзаканского, Кодорского участков и Зугдидского уезда[171].

Платон Эмухвари проводил неутомимую военно-боевую работу, вынашивал «идею вооруженного восстания, бойкота старому порядку» и провозглашения «будущей республики». Он «неоднократно вступал в переговоры с чинами полицейской стражи.., убеждая их отречься от присяги, перейти на сторону народа и выдать последнему добровольно свое казенное оружие»[172].

Пытаясь ликвидировать нависшую угрозу, в м. Гали — административный центр Самурзаканского участка, по приказу Глинского со всех постов были стянуты стражнические наряды. В ответ на эти меры «Эмухвари решил насильственным путем обезоружить команду, состоявшую из 15 нижних чинов при уряднике Войтенко»[173].

Утром 15 декабря по набату на гальской базарной площади собралась масса народа «вместе с наличным составом боевой народной дружины»[174]. Платон Эмухвари явился с ручной бомбой к начальнику участка и, угрожая взорвать его, урядника и стражников, потребовал выдать оружие[175]. В судебном материале подчеркивалось: «Вследствие проявленного Глинским и Войтенко малодушия, команде было предписано выдать оружие и патроны, и стражники исполнили это требование... Таким образом Глинский и Войтенко передали восемнадцать винтовок и запас патронов Эмухвари... С разоружением стражи все управление участком окончательно и фактически перешло в руки преступной организации во главе с Эмухвари»[176].

С этого знаменательного дня, с 15 декабря 1905 г., начина-

[167] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2. д. 214, л. 43 и об.
[168] Гулуа Е. Самурзаканская республика.
[169] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 171, л. 4 об.
[170] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 131 об.
[171] Там же, л. 203.
[172] Там же, л. 4.
[173] Там же, л. 4 об.
[174] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46. д. 717, л.4 и об.
[175] ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, лл. 44—45 и об.
[176] ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46, д. 717, л. об.

ет свое существование «Самурзаканская республика». Получил право на жизнь новый революционно-демократический порядок, крестьяне-арендаторы отказались платить помещикам за землю, начинает функционировать народный суд[177], создаются по примеру Гурии крестьянские комитеты — органы революционной власти. «Тогда же, — говорится в обвинительном акте, — были набраны в селениях народные административные лица взамен упраздненных должностных лиц — тысяцкие и сотские и это время ознаменовалось открытыми актами насилий и пропаганды на митингах...»[178]

Первый же день нового 1906 г. ознаменовался в Самурзакани крупным событием: П. Эмухвари и В. Демурия с двадцатью вооруженными красносотенцами вошли с пением «Марсельезы» в гальскую церковь и прервали литургию. Поставив красное знамя с надписью «Долой Николая II!» у амвона[179], П. Эмухвари обратился к священнику Сванидзе с требованием не упоминать при богослужении имени царя и правительственных особ и «отслужить панихиду по убитом поборнике народной свободы лейтенанте Шмидте»[180].

Как известно, П. П. Шмидт был казнен позже, но слух о его гибели привел к организации демонстраций протеста. Так, 1 января 1906 г. не только в Гали, но и «во многих церквах сел Баргеби и Чубурисхинджи повторилось тоже самое»[181].

По распоряжению руководства республики был арестован Глинский, пробывший под арестом с 5 по 8 января, а затем бежавший из Гали. Бывший начальник участка, «захватив с собой стражника Гвалия и унеся тайком портрет Государя, часть корреспонденции и канцелярскую мелочь, уехал в соседнее село Окум». Узнав о бегстве, «Платон Эмухвари 9 января 1906 г. вместе с красной сотней явился в сел. Окум и потребовал выдачи укрывшегося Глинского»[182]. Но окумцы ответили отказом. Тогда дружина красносотенцев открыла по ним огонь. В завязавшейся перестрелке П. Эмухвари был тяжело ранен[183]. В тот же день Глинский писал начальнику Сухумского округа: «Прошу немедленно сильной военной помощи»[184].

Помощь пришла раньше, чем этого ожидал Глинский. В Самурзаканском участке, сухо отмечалось в официальном бюро-

---

177 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 117.

178 ЦГАОР СССР, ф. 124. 1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.

179 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 115 и об.

180 ЦГАОР СССР, ф. 124,1908, оп. 46, д. 717, л. 4 об.

181 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 28 и об.

182 ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908, оп. 46. д. 717 л. 5 и об.

183 Тория Д. 1905 г. в Гальском уезде. — Трудовая Абхазия, 1925, 23 декабря.

184 ЦГИА Груз. ССР, ф. 113, оп. 2, д. 214, л. 29 об.

кратическом документе, «наступило правительственное воздействие и общественная жизнь вступила в нормальные законные рамки»[185]. Так завершился период «Самурзаканской республики»[186].

Движение здесь, как уже говорилось, отличалось особой активностью, решительностью. Однако в силу объективных причин, революционеры и в Самурзакани не смогли надолго сохранить свою власть. Руководство «Республики допустило ряд субъективных ошибок тактического характера. Самой крупной из них была та, что крестьянские комитеты не успели приступить к ликвидации помещичьего землевладения, хотя к этой мере следовало прибегнуть в первую очередь, поскольку абсолютное большинство населения составляло крестьянство. Местные социал-демократы проделали большую работу, но не сумели поднять крестьян на решительную ломку феодальных отношений в деревне. Аграрная борьба ограничилась в Самурзакани лишь такой мерой, как отказ крестьян-арендаторов платить помещикам за землю. Однако эти, в принципе объяснимые ошибки, ни в коей мере не умаляют значения революционного движения в Самурзакани. Достаточно сказать, что здесь социал-демократы вооруженным путем взяли власть и провозгласили демократическую республику, которая просуществовала 26 дней, с 15 декабря 1905 по 9 января 1906 года. Это был единственный пример в Абхазии, где военно-полицейская сила оказалась полностью ликвидированной, а правительственная власть, как и в Гудауте, до основания разрушенной.

Таким образом, самых значительных успехов движение достигло в Гудауте, Самурзаканском участке и Гагре. В Сухуме же преобладали меньшевики, отвергавшие путь вооруженного восстания. В период наивысшего развития революции, в Абхазии возникли две своеобразные «республики» — Гудаутская и Самурзаканская. В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин отмечал, что некоторые области России «переживали в те дни период различных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена», но, к сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы слишком слабыми, слишком изолированными»[187].

---

185 ЦГАОР СССР, ф. 124, 1908 оп, 46. д. 717, л. 5 и об.

186 О революционном движении в Самурзакани подробнее см.: Лакоба С. З. Боевики Абхазии в революции 1905—1907 годов, с.40—63; Его же. В далеком 1905-м. — Литературная Грузия, 1984, № 2. с. 182—189.

187 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 322.

ГЛАВА II

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АБХАЗИИ В 1906—1907 ГГ.

§ I. РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИИ В 1906 ГОДУ И ВЫБОРЫ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

После поражения декабрьских вооруженных восстаний, контрреволюция перешла в решительное наступление по всей России. В начале 1906 г. на положении усиленной, чрезвычайной охраны и военном положении находились 80 губерний и областей[1]. Войска проводили карательные мероприятия в крупных промышленных центрах, деревнях, они особенно свирепствовали в национальных районах империи. В Кутаисской губернии военное положение было объявлено 8 января, временный генерал-губернатор Алиханов-Аварский огнем и мечом расправлялся с революционным движением в Западной Грузии и, прежде всего, в Гурии, Имеретии и Мингрелии. Революция повсеместно шла на спад, однако аръергардные бои трудящихся с царским войском продолжались.

В Абхазии производились аресты активных участников движения и, в первую очередь, большевиков. В столице округа — Сухуме, 20 декабря 1905 г. была введена усиленная охрана. Через 4 дня местные власти получили секретный циркуляр министра внутренних дел. В нем говорилось: «По отношению к мятежным бандам и скопищам действовать без всяких колебаний, самым решительным образом, уничтожая мятежников вооруженною силою, без всякой пощады и не стесняясь применением самых суровых мер..»[2]

Администрацией с помощью крупных помещиков и буржуазии в Гудаутском, Гумистинском, Кодорском и Самурзаканском участках были сформированы «особые летучие команды»[3] во главе с князьями и дворянами Александром Шервашидзе,

---

1 Панкратова А. Первая русская революция 1905—1907 гг. М., 1940, с. 162.

2 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 2, л 15 и об

3 Там же, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 6.

Дмитрием Маргания, Ширваном Туркия и Таташем Маршания, которые при поддержке воинских формирований и черносотенцев учинили массовые погромы в Сухуме, местечках и сельских общинах. О их деятельности газета с иронией писала: «Сухум представлял отрадное зрелище. Всюду ходили патрули, разъезжали казачьи наряды и — новинка чисто местного характера — по улицам носилась конная шайка... в бурках, в башлыках, с ружьями на перевес, с дикими криками... Так было восстановлено мирное теченье жизни в Сухуме»[4].

Мерхеульский князь В. Эмухвари вспоминал об этом периоде своего «молодечества»: «Когда революционное движение достигло апогея своего развития и угрожало существованию всей правительственной системы.., то князю Александру Шервашидзе и мне была поручена городская охрана, преследовавшая цель — борьбу с революцией... Мое поведение вообще и в частности моя роль в деле подавления сухумской революции известны...»[5]

Особые летучие команды наводили «порядок» в селах, где арестовывали и избивали крестьян, разыскивали скрывавшихся революционеров, взыскивали «недоимки», возвращали помещикам Гумистинского участка их земли[6]. В участковых центрах восстанавливалась административная и полицейская власть в селах — старшины и стражники. Им помогали сельские сыщики. Начальник округа сообщал, что «между летучими командами и сельскими сыщиками постоянное общение и оказание взаимной помощи друг другу»[7].

Вдоль побережья Абхазии в целях устрашения населения постоянно крейсировали военные корабли. По требованию властей 8 января в Сухум прибыл миноносец[8]. По случаю годовщины «Кровавого воскресенья» царизм ожидал новой волны революционных выступлений. Спустя несколько дней, 13 января сюда пришел минный крейсер «Гридень». По агентурным данным в округе ожидались вооруженные выступления. Полковника Джандиери посетил мичман крейсера «Гридень» Шварц, который по возвращении с берега доложил капитану корабля: «Есть слухи о предполагаемом ввозе оружия и нападении, как на Сочи. Для предупреждения этого в Сухуме пообещано вознаграждение содержателю фелюг турецкому подданному, обязавшемуся предупредить о выгрузке, а в Новый Афон посланы казаки для наблюдения. На прилегающем же побережьи поставлены пехотные команды. Социал-демократы задались целью

---

4 Черноморский вестник, 1906, 12 марта.

5 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 1002, лл. 17—18 и об.

6 Олонецкий А. А. Крестьянское движение.., с. 117.

7 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 6.

8 Черноморский вестник, 1906, 11 января.

освободить из тюрьмы своих единомышленников. Ввиду этого в тюрьме усилен караул и, для своевременного предупреждения нападения, в ночное время высылаются разъезды из конных стражников...»[9]

Особое беспокойство вызывали революционно настроенные матросы в Гагре. Принц Ольденбургский требовал немедленного удаления их с Климатической станции. С этой целью сюда прибыл броненосец «Двенадцать Апостолов». Контр-адмирал Григорович сообщал 12 января в Главный морской штаб, что команда матросов «снята и распределена по судам»[10].

В этот период в Абхазии, по словам Джандиери, «нашли себе приют многие из видных деятелей Кутаисского революционного движения»[11]. Среди них был «военный советник» В. А. Старосельского, организатор боевых отрядов кутаисских пролетариев и гурийских крестьян Н. Н. Простосердов, укрывшийся в имении Вороновых цебельдинской «Ясочке»[12]. В Сухумский округ нелегально перебирались революционеры из соседних районов, которые «в виду военных положений, объявленных в принуждены были удалиться из перечисленных областей...»[13] Кутаисской и Черноморской губерниях и Батумской области После разгрома «Новороссийской республики» (в свое время для поддержки «Новороссийской республики» из Гагр туда было доставлено 1000 ружей[14]), Сочинского восстания многие их участники, входившие в отряды красносотенцев, укрылись в Абхазии и продолжали вооруженную борьбу[15]. Начальник Сухумского округа телеграфировал 15 января Батумскому генерал-губернатору: «Из Сочи Осоцкий сообщает, что монахи Пицундского скита окружены мятежниками, просят помощь судном; я послал небольшую команду стражников. Прошу распоряжения оказать помощь военной силой»[16].

В это время из Новороссийска в Пицунду уже спешил с «особым поручением» эскадренный миноносец «Живой»[17]. Утром 16 января из Батума к месту назначения одновременно с «Живым» прибыл военный транспорт «Дунай», на борту которого находились офицеры и 50 пластунов. С помощью военных

9 ЦГА ВМФ СССР, ф. 920, оп. 3, д. 129, л. 134 и об.
10 Там же, ф. 417, оп. 1, д. 3447, л. 12.
11 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 14 об.
12 Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 196.
13 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 14 и об.
14 Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966, с. 65
15 Сокольский В. Д. «Новороссийская республика». М. 1963, с. 127.
16 ЦГА ВМФ СССР, ф. 920, оп. 3, д. 129, л. 125.
17 Там же, ф. 870, оп. 1, д. 34918, лл. 17 об.—18.

кораблей, солдат и 80 казаков[18], властям удалось предотвратить нападение сочинских и гагрских повстанцев.

С наступлением реакции оживилась деятельность местных черносотенных организаций, которые пытались навязать населению контрреволюционную литературу, пропагандировали «единение царя с народом», разжигали национальную рознь. Сухумские черносотенцы во главе с Л. Жудрой «при содействии сильных друзей — полиции» распространили в январе печатный пасквиль дискредитирующий революционеров. «В пасквиле этом, — резонно замечала газета, — представляется народ (масса) как стадо баранов, идущих слепо за вожаками. Спрашивается, если так легко управлять народом, то почему народ не идет за такими «пастухами», как автор пасквиля». Анонимного «писателя» предупреждали: «Скоро, скоро придет время, когда вас всех вытащат за воротники на «народный суд» и тогда вам уже не помогут ваши друзья...»[19]

Политическая обстановка в Абхазии вновь накалилась. Начальник округа созвал 20 января 1906 г. совещание представителей военно-полицейских сил, которое рассмотрело вопрос «о предотвращении ожидаемых в Сухуме беспорядков и осложнений». Совещание признало правильным введение в столице округа 20 декабря 1905 г. усиленной охраны. «Однако, — отмечалось в протоколе, — усиленный наплыв в Сухум и его окрестности разных приезжих агитаторов заставляет опасаться новых беспорядков... Необходимо арестовать всех таких агитаторов... Между тем местная тюрьма переполнена... Кроме того, население города снабжено массою оружия, по сведениям некоторых членов Совещания в городе имеются даже особые склады оружия. Затем, помимо явных пришлых агитаторов, некоторые из местных жителей все время ведут подпольную агитацию и подготовляют беспорядки». Совещание постановило: 1 ходатайствовать о присылке одного батальона с двумя артиллерийскими орудиями для усиления сухумского гарнизона; 2. продлить усиленную охрану; 3. содержащихся в тюрьме социал-демократов не выпускать до умиротворения края; 4. принять меры против частых подкопов в тюрьме; 5 арестовать и выслать из округа всех агитаторов; 6. городскую самооборону подчинить полиции; 7. внезапно произвести разоружение населения Сухума и окрестных деревень Пшап, Гульрипш, Беслетка и др. для чего просить об экстренной присылке в город крейсера с 400 солдатами[20].

Тогда же департамент полиции предупреждал начальников охранных отделений, что по полученным сведениям «замечается

18 Там же, ф. 920, оп. 3, д. 129, л. 125 и об.
19 Черноморский вестник, 1906, 12 января.
20 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 155 и об.

крайнее возбуждение против предпринятых правительством мер к подавлению и предупреждению революционного движения, чем, по-видимому, намерены воспользоваться революционеры и подготовить весь Российский пролетариат к вооруженному восстанию...»[21]

Через несколько дней после совещения между царской администрацией и населением возник острый конфликт. Говорилось, что «теперь в Сухуме не спокойно»[22]. Конфликт произошел в результате следующего обстоятельства. Еще в ноябре 1905 г. в Очамчире был убит солдат пограничной стражи. Но тогда, в разгар революции, властям было не до расследования. И вот, в январе, местная администрация потребовала выдачи виновных в убийстве. Четырех человек арестовали и объявили, что они без суда и следствия будут казнены. Утром 27 января на очамчирском рейде стал крейсер «Гридень». В сопровождении жандармов и штаб ротмистра пограничной стражи А. М. Анчабадзе на борт судна были доставлены четыре арестованных абхазца: Григорий Хварцкия, Дич Квеквескир, Тархан Гурджуа и Нико Кобия (Кове?) В тот же день их перевезли в Батум в штаб Михайловской крепости[23].

Такие действия еще более осложнили положение. Абхазцы собрали в Очамчире огромный сход и потребовали освобождения арестованных. Вооружившись, они заявили, начальнику округа: «Если ответ получится неблагоприятный и арестованные будут казнены, — абхазцы встанут все, до одного, и от Сухумского округа не останется камня на камне...»[24] Тогда же состоялся многотысячный сход в другой части Абхазии, в селе Лыхны Гудаутского участка, на который собрались крестьяне соседних общин; Дурипш, Звандрипш, Джирхва, Абгархук и др. Выступивший здесь социал-демократ Бартенев призвал не подчиняться властям. В результате, «абхазская молодежь окончательно вышла из повиновения»[25]. Гудаутцы поддержали требования очамчирских крестьян. Проявленная солидарность, напугала администрацию.

Чтобы предотвратить революционный взрыв, в Сухум спешно прибыл из Новороссийска военный транспорт, доставивший 9 февраля 195 пластунов «на усиление местного гарнизона»[26].

---

21 Там же, ф. 83, оп. I, д. 2, л. 110.

22 АВ. Письмо А. К. Вороновой — В. Н. Вороновой от 3 февраля 1906 г.

23 ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. 1, д. 34805, лл. 80—81.

24 АВ Письмо от 3 февраля 1906 г.

25 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 235, л. 29 и об.

26 ЦГА Абх. АССР, ф. 4, д. 885, лл. 91, 93.

Совместно с казаками и полицией они приступили к обыскам «для отобрания оружия»[27]. Одновременно с прибытием пластунов, из Тифлиса в Сухум приехал полковник Павлов «для расследования причин бездействия местных властей во время октябрьских и ноябрских событий»[28]. Деятельность администрации оживлялась с каждым днем. В начале февраля Джандиери доносил: «К разоружению сельского населения уже приступлено, остальные пункты протокола совещания 20 января исполняются по мере возможности». В сухумской тюрьме среди 16 политзаключенных, в основном социал-демократов, находились большевики Г. Орджоникидзе, Л. Готошия, С. Кухалейшвили, революционер-демократ Б. Захаров и другие. В этот период в Сухуме был схвачен социал-демократ Мачабели «обвиняющийся в составлении красной сотни в Горийском уезде»[29].

Особую тревогу у царизма вызывал вопрос о водворении в пределы Кавказа оружия. Так, 25 февраля 1906 г. сухумский ротмистр Ушинский получил шифрованную телеграмму департамента полиции о том, что из Антверпена вышел с оружием для революционеров английский пароход «Норсемор»[30]. Общее возбужденное настроение народных масс Абхазии в первые месяцы 1906 г. привело к тому, что наместник объявил с 28 февраля Сухумский округ на военном положении и временно подчинил его временному Кутаисскому генерал-губернатору Алиханову[31]. Тем самым округ был уравнен в «правах» с соседними областями. Таким образом, относительно «мягкий» режим сменился жестким. Это решение властей было продиктовано тем, что из Кутаисской и Черноморской губерний «все видные агитаторы противоправительственного движения бежали» и укрылись в Абхазии[32]. В обстановке военного положения вести в широких масштабах открытую борьбу было невозможно.

В управление Сухумским округом Алиханов вступил 3 марта, о чем «поставил в известность его учреждения, войска и население». Спустя две недели, 17 марта, он прибыл из Поти в Сухум на военном судне в сопровождении многочисленной охраны. В своем репортаже газета сообщала: «Достойно внимания то, что все имеющиеся на судне орудия были направлены прямо в центр города... Впечатление, какое произвел г. — м. Али-

---

27 АВ. Письмо А. К. Вороновой — В. Н. Вороновой от 14 февраля 1906 г.

28 Черноморский вестник, 1906, 15 февраля.

29 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 383, л. 70 и об.; д. 294, лл. 5,7 и об.; Черноморский вестник, 1906, 10 апреля.

30 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 326, лл. 12—13.

31 Черноморский вестник, 1906, 7 марта.

32 Там же, 10 марта.

33 Там же, 11 марта.

ханов на жителей при появлении на пароходной пристани, можно считать в общем крайне неблагоприятным: чрезвычайно суровый взгляд, не приветливый, отрывистый разговор, подозрительное отношение к окружающим»[34].

По всей Абхазии было расклеено «Объявление временного Кутаисского генерал-губернатора населению Сухумского округа и городов Поти и Сухума», состоящие из 17 пунктов. В них Алиханов предупреждал, что неисполнение требований населением вызовет «репрессивные меры, несмотря ни на какие последствия». Генерал требовал немедленного прекращения «всякого рода беспорядков», представить в казну все казенные, земские и городские налоги, возвратить властям захваченное в ходе революции оружие и патроны, исполнять воинскую повинность, возобновить арендную плату помещикам, выдать руководителей и активных участников революционного движения, выпущенных ранее из тюрем политзаключенных, а также возвратить имущество и деньги, захваченные в государственных учреждениях и у частных лиц. Кроме того население предупреждалось, что в случае малейшего неповиновения войска «будут действовать оружием». Так, в некоторых пунктах говорилось: «14. В случае скопления толпы и неисполнения требования разойтись немедленно, войска прибегнут к оружию. 15. Если бы толпа стала угрожать воинской команде не только оружием, но и оскорбляя ее словами, войска также прибегнут к оружию. 16. Подозрительные лица будут обыскиваться войсками»[35].

Карательные действия Алиханова в Западной Грузии сравнивали с нашествием Ага Мохаммед-хана в XVIII в. О кровавых злодеяниях генерала до Сухума доходили тревожные вести. В одном из писем А. К. Воронова сообщала дочери в Петербург «О Кутаисе от очевидцев мингрельцев слышала, что дома вблизи бульвара расстреляны, что ближайшие села выжжены до тла и жители спасаются в горах. Вокзал тоже расстрелян»[36].

Накануне «похода» Алиханова в Сухумский округ царизм оказывал на население психологическое давление, демонстрируя военную силу. Хорошо знакомый очамчирцам по январским события 1906 г. крейсер «Гридень», открыл 8 марта вблизи местечка «учебную» стрельбу из артиллерийских орудий, а затем выслал вельбот с жандармами и вооруженными матросами для осмотра подозрительных пассажиров и груза на пароходе «Великая княгиня Ксения»[37]. На следующий день, 9 марта, «Гри-

---

34 Там же, 22 марта.

35 Там же, 1906, 23 марта.

36 АВ. Письмо А. К. Вороновой — В. Н. Вороновой от 4 апреля 1906 г.

37 ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. I, д. 34807, л. 26.

день» перевез из Сухума в Очамчиру 51 казака и 2 офицеров.

Такова была прелюдия к визиту карателя. Прибыв в Абхазию он ознакомился с состоянием дел, осмотрел в столице округа Сухумский 258-й полк, остановился в Новоафонском монастыре, в сопровождении солдат и казаков побывал в селах, выступил с угрозами на сходе в Гудауте. Наместнику Алиханов телеграфировал 22 марта: «Имею честь донести Вашему Сиятельству, что в течение последней недели, объезжая Сухумский округ, знакомился с его делами, предъявлял населению обязательные постановления, вызванные военным положением, разбирал жалобы и принял ряд мер»[39].

С приездом Алиханова в Абхазии началась предвыборная кампания в I Государственную Думу[40], опиравшаяся на солдатские штыки. Такое сочетание привело в замешательство даже некоторых сторонников будущего парламента. Население холодно встретило подготовительные работы к выборам. Газета «Черноморский вестник» писала по этому поводу 18 марта: «Не заметно также и предвыборной агитации политических партий. Да, собственно говоря, вряд ли и может быть эта агитация, если принять во внимание с одной стороны пессимистическое отношение значительной части населения к выборам, а с другой — военное положение... Но есть основание полагать, что если даже выборы и состоятся, то в них примет участие только буржуазный класс населения, да «патриоты», так называемые «истинно русские люди»...[41]

В самый разгар думской кампании, с 16 по 19 апреля, между Сухумом, Гудаутой, Новым Афоном и Очамчирой постоянно крейсировал эскадренный миноносец «Живучий»[42].

В конце апреля 1906 г. при пассивном бойкоте большинства населения состоялись выборы в I Государственную Думу по Сухумскому округу, в которых приняло участие всего 35% избирателей. В прессе отмечалось, что табачные магнаты «Месаксуди, Богдановы, Асмоловы и т. п. имеют десятки голосов, а сотни рабочих не имеют ни одного»[43]. В день открытия Думы, 27 апреля, в Сухуме и округе администрацией были приняты меры предосторожности: усилены наряды полиции и казачьи разъезды, приведены в боевую готовность солдаты местного полка. Вечером на сухумском рейде вновь оказался миноносец «Живучий»[44].

---

38 Там же, лл. 28—30.

39 Черноморский вестник, 1906, 25 марта.

40 Олонецкий А. А. Революция 1905—1907 гг. в Абхазии, с. 514.

41 Черноморский вестник, 1906, 18 марта.

42 ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. 1, д. 34927, лл. 119, 124—126.

43 Черноморский вестник, 1906, 7 мая.

44 Там же, 2 мая; ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. 1, д. 34927, л. 143

Депутатом в Думу от выборщиков Сухумского округа и Батумской области был избран всего один делегат — отставной генерал-майор князь П. Шервашидзе, выражавший интересы помещиков[45].

Как известно, большевики активно бойкотировали выборы, однако Ленин впоследствии признал ошибочной[46] такую тактику: революция пошла на спад, необходимо было использовать любую легальную возможность, как трибуну для разоблачения антинародной политики царизма.

В период выборов, в апреле, в округе усилилась черносотенная пропаганда. Одним из ее центров был Новоафонский монастырь. Интересно, что накануне приезда сюда Алиханова, монахи по просьбе настоятеля получили от наместника 100 винтовок. Об обстановке здесь газета писала: «Монастырь охраняется казаками. На стенах расклеены «обязательные постановления» ген. Алиханова, в которых после каждого пункта повторяется одна фраза: «будет употреблено оружие»[47].

Несмотря на военное положение, трудящиеся Абхазии под руководством социал-демократов, не прекращали борьбу. В день празднования Первомая, в Сухуме прошла забастовка строительных рабочих, закрылись мастерские, многие магазины, в результате — «полиция наводнила город пластунами и грозила принять свои «меры».

Революционные выступления произошли и в Гагре, куда 3 мая 1906 г. на пароходе «Великая княгиня Ксения» срочно выехали 85 солдат и офицеры Бессарабского полка. Тогда же директор департамента полиции, «придавая особо важное значение обеспечению спокойствия» в Гагре, требовал принять меры «к удалению в административном порядке из пределов этой местности опасных в политическом отношении лиц»[50].

Не все спокойно было и в селах Абхазии. В мае 1906 г. внезапно прекратились работы по землеустройству в Сухумском округе, что, по свидетельству Джандиери, грозило «вызвать аграрные беспорядки»[51]. Кроме того власти требовали от населения внести поземельный, земский и воинский налоги. Начальник округа в своем отчете сообщал наместнику: «Главной причиною невзноса податей, послужил не сбыт произведений урожая 1905 года вследствие бывших в том году и в начале 1906 года народных волнений... и несостоятельностью населения сразу уплатить накопившиеся за несколько лет недоимки в сумме 148.197 рублей 61 коп. В общем размере налог решительно не соответствует доходности земли, — следует признать обложение чрезвычайно высоким»[52]. В связи с военным положением, по свидетельству газеты «Кавказская речь», на ряд сельских обществ Самурзаканского участка была наложена «контрибуция» в несколько тысяч рублей за отказ в выдаче «политических преступников»[53]. Росло недовольство и в среде «виновного» абхазского населения Гудаутского и Кодорского участков. Серия поджогов была произведена 11—12 мая близ Сухума бывшими сельскохозяйственными рабочими в имении «Диоскурия» великого князя Александра Михайловича[54]. Военный режим вызывал недовольство всех демократических слоев населения округа. Трудящиеся всей империи продолжали борьбу.

В обстановке реакции, в апреле 1906 г., состоялся стокгольмский IV (Объединительный) съезд РСДРП. В отличие от меньшевиков, большевики высказались на нем за возможность организации восстания в текущем году. Власти ожидали чрезвычайных событий. Весной-летом 1906 г. на Кавказе и в частности, в Абхазии, создалась взрывоопасная обстановка. Министерство внутренних дел постоянно сообщало в Сухум пограничникам и жандармским властям о возможности появления здесь пароходов из Германии и Голландии, груженных оружием[55]. В конце мая администрации стало известно, что в Сухум на турецком баркасе было доставлено 70 винтовок, 33 револьвера и 50 тыс. патронов, поступивших на вооружение революционеров[56]. Директор департамента полиции сообщал 25 июля 1906 г. заведующему кавказской полиции: «По сведениям нашего консула в Ливерпуле оружие водворяется в Россию на пароходах, доставляющих нефть в Англию, Ирландию, Дублин и Белфаст с возвращающихся уже оттуда с оружием в русские черноморские порты, преимущественно в Батум, Поти, Сухум»[57].

В этот период в городе, местечках и селах Абхазии действовали войска, над революционерами учинялись расправы. В результате провокационных действий властей вечером 22 июня 1906 г. часовой Сухумской тюрьмы Шаландин произвел в упор выстрел из винтовки в большевика Л. Готошия и смертельно ранил его. Не сразу переведенный в городскую больницу, революционер к утру 23 июня скончался[58]. По призыву социал-

45 Черноморский вестник, 1906, 24 мая; 1 июня.
46 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 18.
47 Черноморский вестник, 1906, 12 марта, 22 апреля.
48 Там же, 1906, 7 мая.
49 Там же, 4 мая.
50 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 322, л. 1.
51 Там же, ф. 13, оп. 24, д. 497, л. 9 и об.
52 Там же, ф. 13, оп. 15, д. 359, лл. 11—12 и об.
53 Олонецкий А. А. Революция 1905—1907 гг. в Абхазии, с. 513.
54 Кавказ, 1906, 19 мая; Черноморский вестник, 1906, 21 мая.
55 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 326, лл. 23, 26, 32 и об.
56 Там же, лл. 36—37.
57 Там же, л. 62.
58 См. подробнее: Лакоба С. З. Боевики Абхазии.., с. 38—39.

демократов в городе произошла забастовка протеста. Через несколько дней один из членов Государственной Думы получил из Сухума телеграмму с извещением о гибели Л. Готошия. Тридцать два депутата обратились 27 июня с заявлением к председателю Думы, в котором отмечалось: «Усматривая в этом самовольную расправу с нежелательными администрации лицами, что не раз наблюдалось за последнее время на Кавказе, мы нижеподписавшиеся, просим Государственную Думу сделать г-ну Председателю Совета Министров запрос: 1. Известно ли ему означенное обстоятельство 2. и если известно намерен ли он сделать соответствующее распоряжение для привлечения виновных к ответственности»[59].

В заседании Думы 7 июля 1906 г. этот запрос был принят[60]. Но на следующий день состоялось последнее заседание I Государственной Думы, и она прекратила свое существование. Этой бесцеремонной акцией царизм еще раз доказал, что способен расправиться не только с отдельными революционерами, но и с любым мало-мальски демократическим парламентом.

В связи с разгоном Думы один из революционеров в Сухуме стал публично протестовать 9 июля против действий самодержавия. Полицмейстер доносил, что «в публике произошла паника»[61]. Скоро в городе появилось «Выборгское воззвание» бывших депутатов Думы, в котором они ограничились лишь призывом не платить в казну налоги и не давать рекрутов[62]. Откликнулась на это событие и Сухумская организация РСДРП, выпустившая 12 июля одновременно с эсерами, гектографированную прокламацию[63]. В ней говорилось, что надежды царя на послушную Думу не оправдались, а правительство признало неосуществимыми требованиями большинства депутатов об отмене смертной казни, полной политической амнистии, введении гражданских свобод (слова, собраний, союзов, печати, совести, стачек) и принудительного отчуждения помещичьих земель. Далее в прокламации отмечалось: «Все больше и больше крестьянин начинает верить заявлениям российского пролетариата, что только лишь путем революционной борьбы, в полновластном учредительном собрании, можно будет осуществить требования рабочего класса и бедноты деревенской. Наряду с этим городской пролетариат грандиозными стачками напоминает обнаглевшему правительству о своем существовании. Движение в армии начинает принимать политическую окраску...

---

59 ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. I, д. 345, л. I и об.

60 Там же, л. 2.

61 ЦГИА Груз. ССР, ф. 83, оп. 1, д. 201, л. 66.

62 Там же, д. 233, лл. I и об., 2.

63 Там же, д. 394, л. 42.

Мы, социал-демократы, смотрели на Г. Думу, как на этап к дальнейшему развитию революции и в этом смысле использовали ее... Итак все способы мирного разрешения государственного переустройства использованы: остается один путь, это путь революции... Долой царское самодержавие! Да здравствует революция!»[64]

Большевики готовились к новому вооруженному восстанию. Наместник на Кавказе сообщал Николаю II 16 августа 1906 г.: «По агентурным сведениям из Тифлиса, Кутаиса, Батума, Поти, Сухума надо ожидать в конце этого или в начале будущего месяца взрыва революционного движения, а теперь идет деятельная к нему подготовка». Спустя несколько дней, 19 августа 1906 г., в России, в том числе и в Абхазии, была введена система военно-полевых судов (просуществовали до 20 апреля 1907 г.)[65].

В сентябре в Тифлисе и Баку работал IV Закавказский съезд социал-демократических организаций, который завершился формальным объединением обеих фракций. На съезде присутствовали и делегаты от Сухумской организации РСДРП[66]. В Грузии росло рабочее и профессиональное движение, повсеместно устраивались забастовки. Стачки, как политического, так и экономического характера происходили и в Абхазии[67]. Чтобы устрашить революционеров здесь был приведен в исполнение ряд смертных приговоров. В годовщину манифеста 17 октября, по приговору военно-полевого суда в ограде Сухумской тюрьмы солдаты расстреляли арестанта Н. Джганджгава. Царизм наглядно продемонстрировал трудящимся, что объявленные в разгар революции демократические свободы, несовместимы с военным режимом. В «особом докладе» департаменту полиции говорилось, что в связи с расправой в Сухуме «социал-демократами, в виде протеста против смертной казни, был выпущен летучий листок с призывом к строжайшей забастовке»[68]. Находясь в тяжелейших условиях, местные большевики продолжали борьбу, организовывали сходки и митинги. Однако репрессии продолжались и усиливались: 30 ноября 1906 г. в Сухумской тюрьме был расстрелян Д. Лашкарава[69].

Под аккомпанемент выстрелов в столице округа происхо-

---

64 Там же, лл. 16—16 а.

65 ЦГИА Груз. ССР, ф. 919, оп. 2, д. 1220, лл. 3—4; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962, т. 4, с. 87.

66 Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1, с. 147.

67 Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 624.

68 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 1002, лл. 6—7.

69 Там же, ф. 13, оп. 21, д. 44, л. I; д. 45, л. I; Гернет М. Н. История.., с. 108.

дили подготовительные работы по выборам во II Думу. В городе и селах усиленно распространялась в эти дни черносотенная литература: газеты «Медведь», «Русское чтение», «Колокол». В Сухумскую епархиальную канцелярию было бесплатно прислано для распространения среди крестьян несколько пудов «Троицких листков». На общественном сходе в Дранде один из черносотенцев говорил, что «лучше и прадивее этих газет нет на свете»[70]. Вместе с тем отмечалось: «Старание распространить эту «литературу» — встречает противодействие со стороны самого населения, а потому не пользуется успехом»[71].

Реакция, правые партии и буржуазия пытались во что бы то ни стало взять реванш, одержать верх в новых выборах в Думу. «Торжествуя победу реакции и справляя тризну по «убиенной» революции, — писала газета, — они теперь уже намечают из своего лагеря «кандидатов» и агитируют за них». Большевики, представители всех левых партий и демократии решили принять активное «участие в выборной кампании», чтобы нейтрализовать правых[72].

С этой целью 10 декабря 1906 г. в Сухуме на «горе Чернявского» состоялся «большой митинг, устроенный местными социал-демократами», участие в котором «принимали и отдельные члены других революционных организаций». Полиция сообщала, что на митинге собрались «рабочие из строящегося порта, приказчики, учащиеся»[73]. Выступивший первым социал-демократ Владимир Эмухвари[74] («товарищ Нико»), в «весьма пламенных и увлекательных выражениях» призывал в случае разгона новой Думы быть готовыми «к вооруженному восстанию, как протесту против попрания народных прав». Его сменил «товарищ из Баку» ознакомивший собравшихся с прокламацией «Сознательных, солдат, матросов и казаков г. Баку». Он заявил, что прислан сюда «установить связь солдат местного гарнизона с сознательными солдатами других городов Кавказского края, которые в предстоящей борьбе с правительством будут бороться с народом, а не против него». Последним речь произнес один из социал-демократов, призвавший «к устройству забастовок», чтобы «тормозить реакцию и отвлекать ее внимание от повсеместно идущих приготовлений к вооруженному восстанию»[75].

Такие резкие выступления не могли не насторожить власти. К тому же из агентурных источников стало известно, что местные революционеры должны получить крупную партию бомб. В день, когда происходил митинг 10 декабря, в городе начались облавы и проверка подозрительных лиц. «В последнее время, — сообщала пресса, — как и в памятные для сухумцев январско-февральские дни, здесь начались обыски пассажиров, прибывающих сюда из Батума и Новороссийска»[76]

Одновременно с этим произошло брожение среди крестьян-арендаторов Самурзаканского участка, которые были лишены избирательных прав по выбоам во 11 Думу сенатскими «разъяснениями»[77]. Отдельные вооруженные выступления все чаще происходили в Гудаутском участке. В особый отдел департамента полиции сообщалось, что днем 19 декабря близ с. Лыхны абхазские крестьяне совершили вооруженное нападение на дилижанс, в котором находились помощник начальника Кутаисского ГЖУ в Сухумском округе, товарищ прокурора Кутаисского окружного суда Васильев, начальник Сухумского отдела пограничной стражи подполковник Лысенко и солдат[78]. Спустя несколько дней, 24 декабря, по приказу наместника в Гудаутский участок «для принятия экстренных мер» был командирован помощник начальника Сухумского округа подполковник Зенченко. Тогда же Кутаисский генерал-губернатор распорядился срочно выслать в участок полусотню казаков и офицера «с разрешением располагать таковую экзекуционным порядком»[79].

Таким образом, на протяжении всего 1906 г. в Абхазии, несмотря на репрессии, введение военного положения и военно-полевого суда, выступления трудящихся продолжались. Под руководством социал-демократов, шедших в авангарде борьбы, устраивались забастовки, тайные митинги, многолюдные крестьянские сходы, издавались прокламации. Одновременно происходили вооруженные нападения на представителей военно-полицейской власти, продолжался приток оружия. Партизанские выступления зажигали массы революционным огнем и деморализовывали администрацию округа. Здесь, как и по всей России в целом, сохранялось напряженное положение, что делало вполне реальной возможность нового вооруженного восстания. В этих сложных условиях продолжавшейся революции, трудящиеся Абхазии поддержали ленинский призыв о бойкоте 1 Государственной Думы.

---

70 Черноморское эхо, 1906, 28 ноября.
71 Черноморские новости, 1906, I ноября.
72 Там же.
73 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 85, л. 90.
74 Там же, ф. 13, оп. 31, д. 67, л. 3 и об.
75 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 4 д-во, д. 35ч. 3, лл. 1—3 и об.
76 Черноморское эхо, 1906, 13 декабря.
77 Закавказье, 1906, 20 декабря.
78 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 27, д. 215, л. 3 и об.
79 ИР, фонд Вейденбаума Е. Г., д. 167, л. I.

§ 2. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ АБХАЗИИ В 1907 ГОДУ И ТАКТИКА ЛЕВЫХ СИЛ НА ВЫБОРАХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Наступил третий год революции. Она отступала, но продолжалась. В Абхазии происходили важные для этого периода борьбы события. В самом начале года, 5 января, прибывший в Гудауту подполковник Зенченко, решил совместно с полицейским урядником Дм. Маргания и стражниками произвести обыск в одном из домов на Белой речке, где «предполагалось запрещенное оружие». По дороге они заметили неизвестного «с швейцарским ружьем в руках» и попытались его задержать. Однако тот «бросился бежать и скрылся в доме Рабия». Когда полиция направилась к дверям, она «внезапно отворилась, показался неизвестный, бежавший от стражников, выстрелом из ружья смертельно ранил стражника Василия Шакрыл, и потом через заднее окно дома куда-то выскочил и скрылся». Жандармский ротмистр Заварицкий доносил в департамент полиции, что в результате перестрелки стражниками была убита женщина с грудным ребенком. Услышав выстрелы «к дому стал сбегаться народ». В течение нескольких минут были убиты еще три человека[1].

Кровавые события у Белой речки всколыхнули не только Гудаутский участок, но и весь округ. В начале января 1907 г. в северные губернии империи по распоряжению Кутаисского генерал-губернатора были высланы 20 политически неблагонадежных лиц. Газета отмечала, что «в последнее время административные высылки очень участились»[2]. Сухумская тюрьма, рассчитанная на 30 заключенных, была переполнена, число арестантов в ней в течение 1907 г. увеличивалось: в январе здесь находились 176 арестантов, а в июне 225, причем только треть заключенных могла спать лежа[3]. Начальник округа доносил 10 января в Кутаис, что «никакие мероприятия» не приводят к успокоению и что, по его мнению, выходом из положения может быть «единственное средство — высылка сотнями»[4].

В обстановке репрессий, ужесточения режима происходили выборы во II Думу в Абхазии. Большевики отказались от ее бойкота, они решили вести борьбу с конституционными иллюзиями внутри Думы. Ленинцы успешно применяли на выборах «левоблокистскую» тактику[5] против правых партий. В Сухуме,

---

1 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 4 д-во, 35 ч. 7 /1/, лл. 3—4 и об.

2 Закавказье, 1907, 10 января.

3 Хачапуридзе Г. В. Революция 1905—1907 гг. в Грузии, с. 438.

4 ИР, фонд Вейденбаума, д. 166, л. I.

5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 241.

например, социал-демократы и эсеры совместно выступали против правящей реакции и кадетов. Во время предвыборного собрания в здании городской управы 24 января, туда через окно проник Владимир Эмухвари и произнес «речь от имени социал-демократов, доказывая, что надо проводить в Думу кандидатов от левых партий и от социал-демократов, преследующих интересы рабочего класса». Однако он был удален из зала и заключен в Сухумскую тюрьму. На этом же заседании выступил эсер Александр Габуния, который «резко порицал правительство за роспуск первой Думы воспользовавшись штыками и пулеметами», призывал к созыву Учредительного собрания и созданию демократической республики. За такую речь ротмистр Заварицкий и его привлек «в качестве обвиняемого в преступлении»[6].

О полицейском духе, который царил на выборах в Сухуме, газета писала: «При выходах и в коридорах городской управы городовые, дальше, в передней, — помощник пристава, еще дальше, у самого входа в думский зал, — пристав за столом»[7]. Происходило беззастенчивое преследование левых выборщиков, запрещение агитации революционных партий. Но на сей раз представитель правых партий князь П. Шервашидзе был забаллотирован и депутатом II Думы от Сухумского округа и Батумской области был избран рабочий социал-демократ[8].

Большевистская партия расценивала периоды I и II Думы как приостановку отступления революции и попытку отступающих перейти в новое наступление[9]. Несмотря на повсеместное ужесточение военно-полицейского режима и спад революции, борьба трудящихся против царизма продолжалась. В первой половине 1907 г. только в Закавказье революционному движению противостояли 291 рота солдат, 95 эскадронов, 106 орудий, 1.098 офицеров, 35.977 солдат, было отмечено 282 случая вызова воинских частей. Вся Грузия была объявлена на военном положении. Отдел обороны Кавказа создал специальную «Комиссию выдачи революционеров» со своеобразными филиалами в Кутаисе, Батуме, Сухуме, Озургети, Гори, где сосредоточились шпионские элементы[10].

В Абхазии по-прежнему имели место политические и аграрные выступления, продолжался ввоз оружия для революционеров. В с. Лыхны 8 февраля 1907 г. крестьяне, «разломав сельское управление», сожгли все долговые бумаги и налоговые ве-

---

6 ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 31, д. 67, лл. 2—3 и об.

7 Черномор, 1907, 27 января.

8 Олонецкий А. А. Революция 1905—1907 гг. в Абхазии, с. 515.

9 История СССР. XIX — начало X вв. М., 1981, с. 322.

10 Авазашвили И. М. Большевистские организации Закавказья., с. 312—313.

домости[11]. Через несколько дней, 12 февраля, таможенный чиновник Гегелашвили обратил внимание на одного получателя багажа. В присутствии Заварицкого сундук был вскрыт. В нем оказался «совершенно новый пустой парусиновый чемодан, обложенный кругом рогожами, в котором оказалось 136 пачек патронов для револьверов системы «Наган» по 14 патронов в каждой». Заподозренный скрылся[12].

Накануне открытия II Думы о деятельности политических партий в Абхазии департаменту полиции сообщалось: «За последнее время замечается полный упадок партии социалистов-федералистов или автономистов... Пролетариат всей массой отходит к социал-демократам, а буржуазия... не считает федералистов способными защищать ее интересы». Наиболее видными представителями автономистов в округе были Джандиери, Тавдгиридзе и епископ Кирион[13].

Тогда же А. К. Воронова писала Л. Вороновой: «Завтра уж 17-е — через два дня за тем открытие Думы. Что дадут нам грядущие дни?»[14] Открытие Думы состоялось 20 февраля 1907 г., она оказалась еще более левой, чем первая[15]. Революционные партии использовали II Думу, как трибуну в продолжавшейся борьбе с царизмом. В связи с открытием II Думы, 20 февраля, в Сухуме произошла забастовка учащихся городского и реального училищ. Это было последнее открытое выступление учащейся молодежи Абхазии в годы первой русской революции[16].

Тем временем в округе устраивались облавы, облагались штрафами сельские общества, царил произвол. Полиция и казаки устроили 1 марта повальные обыски в Сухуме — в этот день из местной тюрьмы совершили побег «три важных преступника с карауливших их часовым»[17]. Для предотвращения доставки оружия морским путем, вдоль побережья Абхазии постоянно фланировал миноносец «Сметливый». Взяв на борт в Сухуме таможенника Гегелашвили и ротмистра пограничной стражи Замойского, миноносец 28 марта задержал недалеко от города подозрительную фелюгу, на которой было обнаружено 12 револьверов[18].

11 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 00, д. 80 ч. 27 ч. I, л. 18.

12 Там же, л. 40 и об.

13 Там же, 4 д-во, д. 35 ч. 9, лл. 1—2.

14 АВ. Письмо А. К. Вороновой — Л. Н. Вороновой от 15 февраля 1907 г.

15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 381; т. 15, с 25

16 Жордания О. К. Учащаяся молодежь Абхазии.., с. 53—54

17 Закавказье, 1907, 4 марта.

18 ЦГА ВМФ СССР, ф. 870, оп. 1, д. 36465, лл. 115—116.

С наступлением весны возобновились работы в сухумских садах, но «истинно русские» садовладельцы отказывали в найме рабочим из Западной Грузии. Он считали их «особенно требовательными и бунтарями»[19], хорошо помня события 1905 г. В марте 1907 г. население Сухумского округа распоряжением Кутаисского генерал-губернатора было в административноми порядке подвергнуто штрафу[20]. В этот период имели место и вооруженные нападения крестьян на помещиков. Так, 27 марта, «10 вооруженных абхазцев» напали в Гудаутском участке на имение барона Энгельгарда, «окружили и обстреляли его дом». В департамент полиции сообщалось: «Нападавшие были вооружены ружьями швейцарского образца и есть предположение, что нападение это совершено было на аграрной подкладке, так как соседние жители селений Мгудзырхва и Блабурхва, в виду того, что барон Энгельгард огородил все свои земли, — стеснены в пастьбе скота»[21].

Тревожные вести докатывались в Сухум из Западной Грузии. «...Ни на минуту не можешь отрешиться от мысли, — писала А. К. Воронова из Цебельды, — что делается по всей России и в частности, собственно говоря недалеко, — в Кутаисе, — в разных деревнях Мингрелии, — Грузии — где идут сборы податей — оштрафовываются целые общины за укрывательство политических»[22].

В Абхазии активную политическую деятельность продолжали вести местные социал-демократы. По призыву Сухумской организации РСДРП 24 апреля на городском кладбище во время похорон умершего от туберкулеза революционера И. С. Шарашидзе, была устроена демонстрация. Собравшиеся пели «Марсельезу», произносили речи, содержание которых, как отмечала полиция, сводилось к тому, что «умерший является жертвой существующего порядка», а его «смерть последовала вследствие побоев, нанесенных ему 31 октября 1905 года в Тифлисе во время беспорядков» и заключения в Метехском замке[23].

Через неделю, 1 мая 1907 г., в Сухуме организованно прошла всеобщая стачка. Отмечалось, что рабочие, приказчики магазинов, ресторанов и прислуга гостиниц не работали весь день[24]. Накануне праздника, в ночь на 1-е Мая, социал-демократы проникли в здание Сухумского мирового отдела и пытались похитить из комнаты судебного пристава «следственное

19 Закавказье, 1907, 29 марта.

20 Там же, 22 марта.

21 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 00, д. 80ч. 27 ч. I, л. 64.

22 АВ. Письмо А. К. Вороновой—Л. Н. Вороновой от 24 апреля 1907 г.

23 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 4 д-во, д. 35 ч. 3, л. 12 и об.

24 Там же, д. 35 ч. 2, л. 5.

производство по делу с революционном движении в Сухуме»[25].

О сложившейся в стране обстановке В. И. Ленин писал: «Мы переживаем начало нового общественного подъема. И движение безработных, и Первое мая, и усиление брожения крестьянства, в войсках, и митинги, и печать, и союзы, — все свидетельствует о новом подъеме самым недвусмысленным образом»[26].

В связи с участившимися аграрными выступлениями крестьян, особенно Гудаутского участка, власти решили пойти на определенные «уступки» абхазскому населению, которое считалось «виновным» (за исключением самурзаканцев и двух общин — Илорской и Поквешской Кодорского участка) с 1880 года. Николай 11 одобрил 27 апреля 1907 г. положение Совета Министров «Об уравнении прав землевладения жителей Сухумского округа». Отныне с 22 общин абхазского населения Гудаутского и Кодорского участков была снята виновность, а их жителям на праве собственности отводились земельные наделы, с распространением этого права и на земли ранее отведенные им в потомственное подворное пользование[27]. Наместник на Кавказе командировал генерала Павлова и члена Совета наместника Вейденбаума «в Сухумский округ для торжественного объявления населению Высочайшего повеления о восстановлении в правах виновных абхазцев, принимавших участие в восстании 1877 года»[28].

Одновременно, 23 мая, жандармский подполковник Заварицкий сообщал в департамент полиции о небывалой засухе в Абхазии. «Голод будет сильный, — писал он, — состояние населения самое бедственное и удрученное до последней степени». Ожидалась новая волна аграрных выступлений[29]. В этих условиях генерал Павлов и Вейденбаум огласили 25 мая 1907 г. после торжественного молебна в Лыхненской церкви по случаю дня рождения императрицы[30], воззвание наместника «К населению Кодорского и Гудаутского участков Сухумского округа». В нем, в частности, говорилось: «Абхазцы! Между жителями Сухумского округа нет теперь деления на виновных и невиновных. Старая вина предана забвению»[31].

Однако абхазское крестьянство не чувствовало облегчения

25 Там же, ф. 102, 1907, 00, д. 80 ч. 27, л. 81.

26 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 71.

27 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 19, д. 148, лл. 30—32 и об.; ф. 396, оп. 3, д.1089, л. 62; ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. I, д. 421, лл. 211—218.

28 Закавказье, 1907, 23 мая.

29 ЦГАОР СССР, ф. 102, 1907, 4 д-во, д. 35 ч. I, л. 2 и об.

30 ИР, фонд Вейденбаума Е. Г., д. 169, л. I.

31 ЦГА Абх. АССР, ф. 833, д. 28, л. 22.

от «царской милости», положение его по-прежнему оставалось тяжелым. В начале июня в Гудаутский участок для разъездов от села Лыхны до границ Черноморской губернии (до с. Калдахвара) были командированы казаки 5 сотни 2 Лабинского полка, которым разрешалось «в провинившихся селениях размещаться» на экзекуционный постой. Начальник округа писал командиру 258 Сухумского полка: «Прошу иметь наготове одну роту как для оказания, в случае необходимости, помощи казакам, так и для разоружения населения». Особым упорством отличались крестьяне села Абгархук, отказавшиеся сдать оружие[32]. Прибывшие сюда казаки, подвергли жителей избиениям и издевательствам.

Несмотря на усиление репрессий, революционное движение в Абхазии в 1906—1907 гг. продолжалось. По этому поводу Е. Г. Вейденбаум заметил: «Подчинение Сухумского округа Временному Кутаисскому генерал-губернатору мало помогло водворению в нем порядка...»[34] В авангарде борьбы трудящихся с царизмом шли социал-демократы. Однако роспуск 11 Думы и царский манифест об изменении Положения о выборах, так называемый третьеиюньский переворот, означал поражение первой российской революции.

32 ИР, фонд Вейденбаума Е. Г., д. 166, л. I.

33 Там же, д. 164, л. I.

34 Там же, д. 168, л. 16.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Абхазии, как в капле воды, отразились эпохальные процессы первой российской революции. Каждое крупное выступление трудящихся в промышленных центрах страны (9-е января, всероссийская октябрьская политическая стачка, подготовка к декабрьскому вооруженному восстанию) находило здесь свой отклик, получало своеобразное преломление, начинало как бы новую жизнь,распространяясь ответными волнами пожаров в направлении эпицентра революционных битв. Такова была правда и диалектика гражданской войны в России в 1905—1907 годах, в которой неразрывной цепью оказались связанными центры и национальные окраины империи.

Сравнительно небольшой отряд рабочего класса Абхазии, возглавляемый революционной социал-демократией, шел в авангарде борьбы трудящихся, всех демократических слоев населения против царизма за социальное и национальное освобождение. Особенно остро движение протекало в Гудауте, Самурзаканском участке, Гагре и Сухуме, где происходили стачки, вооружение народа, создавались народные суды, стачечные и крестьянские комитеты, осуществлялась на практике ленинская тактика «левого блока», формировались боевые красные сотни и отряды народно-революционной милиции, шла подготовка к восстанию. Почти два месяца просуществовала «Гудаутская республика». Вооруженным путем революционно-демократическая власть была установлена в Самурзаканском участке. Когда реакция по всей империи перешла в наступление здесь еще продолжала существовать «Самурзаканская республика». Этот самый надежный оплот революции в Абхазии держался вплоть до 9 января 1906 года.

Однако поражение революции в крупных центрах страны обрекло на неудачу движение и в Абхазии. Помимо общих причин, этому способствовали почти полное отсутствие промышленного пролетариата, слабый союз рабочего класса с крестьянством, раскольническая деятельность меньшевиков, мелкобуржуазных и националистических партий, которые отвлекали трудящихся от высших форм классовой борьбы, выступали против стачек и вооруженного восстания. Одной из серьезных ошибок

была и та, что большевики Сухумской группы РСДРП организационно не размежевались с меньшевиками в 1905—1907 гг., в то время, как, например, в Гагре, большевики занимали самостоятельную позицию и отделились в ходе борьбы от меньшевиков.

Революционная борьба крестьянства, за исключением Самурзакани и до некоторой степени Гумистинского участка, не вылилась в повсеместные массовые вооруженные выступления, как это имело место в Гурии, Имеретии, Мингрелии. Так, очень слабо крестьянское движение проявилось в Кодорском участке, разделявшем революционные Гумистинский и Самурзаканский участки. Активное участие в борьбе приняли только полупролетарские элементы деревни — арендаторы и батраки помещичьей земли. В свое время А. Н. Мелихов справедливо заметил: «Крестьяне выступавшие в XIX веке неоднократнои решительно на борьбу против помещиков и царизма, не проявили в период первой революции необходимого наступательного напора»[1]. В этом сказалась слабость местных социал-демократов, которые не сумели донести до широких крестьянских масс и разъяснить им аграрный вопрос своей программы, нацелить их на борьбу за землю, а также не уделили должного внимания национальным требованиям «виновного» абхазского населения. «К сожалению, — отмечал В. И. Ленин, — крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»[2].

На воинские формирования в Абхазии огромное влияние оказали матросские и солдатские восстания («Потемкин», севастопольские и кронштадские события), однако социал-демократы не смогли воспользоваться выступлениями солдат, казаков и матросов сухумского и гагрского гарнизонов, которые так и не перешли открыто, с оружием в руках, на сторону революционного народа. Таким образом, рабочее, крестьянское, солдатское движения не слились здесь в единый революционный поток, что было вообще характерно для Первой революции в России. Революция не решила общедемократические задачи, не уничтожила до конца феодально-крепостнические пережитки, не открыла путь широкому капиталистическому развитию в стране. Так, в Абхазии продолжали сохраняться «временнообязанные» отношения, не были проведены в жизнь земская и судебная буржуазные реформы, лишь формально снята «виновность» с абхазского населения.

Вместе с тем революция 1905—1907 гг. наделила большевистскую партию богатейшим опытом, продемонстрировала пе-

---

[1] Мелихов А. Н. Абхазия в годы.., с. 92.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 322.

редовые методы пролетарской борьбы, политически воспитала многонациональные трудящиеся массы. Ее опыт и, в частности, уроки революционных событий в Абхазии — отсталой, аграрной окраине, — представляют определенный интерес и для некоторых современных стран, ведущих национально-освободительную борьбу за независимость.

В этом году отмечается 80-летний юбилей первой российской революции. И потому как никогда будет уместно напомнить слова В. И. Ленина, поставившем еще в дооктябрьский период вопрос о создании марксистской истории революции 1905—1907 годов. «Нам надо позаботиться, — писал он, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее...»[3]

Этим целям служит и предлагаемая работа, в которой революционные события в Абхазии 1905—1907 гг. рассматриваются как звено в единой цепи общероссийского движения.

---

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ АБХАЗИИ В НАЧАЛЕ И В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ . . 10

§ 1 Выступления трудящихся в первые месяцы революции . 10

§ 2 III съезд РСДРП и политическая обстановка в Абхазии . 21

§ 3 Манифест 17 октября 44

§ 4 Высший подъем революции. События в Сухуме, Гудауте, Гагре и Самурзаканском участке 54

ГЛАВА II. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АБХАЗИИ В 1906—1907 гг 86

§ 1 Репрессии против участников революции в 1906 году и выборы в I Государственную Думу 86

§ 2 Борьба трудящихся Абхазии в 1907 году и тактика левых сил на выборах в II Государственную Думу 100

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 106

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

Рецензенты: профессор Г. В. Брегадзе
профессор В. И. Джикия,
профессор А. Э. Куправа
к. ист. наук Г. П. Лежава

ИБ 2791

Редактор издательства Ц. В. Тодуа
Художник Г. А. Ломидзе
Техредактор М. О. Гиоргадзе
Корректор Н. М. Мачаидзе

Сдано в набор 20.3.1985; Подписано к печати 23.9.85; Формат бумаги 60×90 1/16; Бумага № 1; Печать высокая;
Гарнитура литературная; Усл. печ. л. 6,8; Уч.-изд. л. 6. 9;

Усл. кр-от. 6.9; УЭ 11216; Тираж 1000; Заказ 1799;

Цена 1 руб.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

Лакоба Станислав Зосимович

АБХАЗИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1985

სტანისლავ ზოსიმეს ძე ლაკოზა

აფხაზეთი რუსეთის პირველი რევოლუციის წლებში